

**ВЛАДИМИР
МАРЧЕНКО**

ПОЕДИНОК

КУКУШКИНЫ СЛЁЗКИ

РАСТЕРЗАННЫЕ ЖЕЛАНИЯ

КИНОПОВЕСТИ

**Москва
Издательство «БПП»
2010**

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЕДИНОК.....	3
КУКУШКИНЫ СЛЁЗКИ.....	73
РАСТЁРЗАННЫЕ ЖЕЛАНИЯ	101

ПОЕДИНОК

эскиз киносценария

« — А что, Пульхерия Ивановна, может быть, пора закусить чего —нибудь».

«Старосветские помещики».

Н.Гоголь.

1.

В этой главе рассказываю о семье Комаровых, о жизни в посёлке лесозаготовителей, о предстоящей свадьбе. Будь я редактором, главу удалил, — не задумываясь. Начните со второй...

«Почему не полетел? — спрашивал себя Иван, торопливо шагая по знакомой лежнёвке. — Давно был дома. Где теперь её искать?»

Белой субботней ночью Иван Комаров кое-как дотелепался до своего таёжного посёлка на старом речном трамвайчике, который пять часов продежурил у берега

из-за густого тумана. Звенья лежнёвой дороги, отполированные шинами автомобилей, недавно подсыпаны песком, не плясали под ногами, как клавиши гигантского рояля.

...Аня звонила, сказала, что приедет на смотр художественной самодеятельности. Иван примчался в районный дом культуры. Катя Сапожникова скорчила гримаску, объяснив: «Олесову нечем подменить на котлопункте. Не отпустили. Опять работаем по скользящему».

Плотный туман замаскировал пристанские склады на берегу Кети, заляпал серыми клочьями спины брёвен, забившие устье речки-Чачанги перед сплотстанком, на котором сплавщики вяжут их в пучки, формируя плоты. Бодро и счастливо занудели комары, встретив порцию пассажиров у дебаркадера.

...Комаров торопливо шёл мимо пустых разделочных эстакад на краю посёлка. Мне, привыкшему к звону трамваев и запахам заводских дымов, таёжные ароматы кажутся необычными и неприятными. Пахнет тиной и гниющим деревом, сосновой смолкой и дымом, будто попал в коптильню. Поднявшись на взгорок, увидел десяток больших костров, будто кто-то ждёт посадки самолёта. Для Комарова это привычная картина. Белая ночь. Костры. В них ежедневно сжигают разделочники, так называемые, порубочные остатки — всё, что нельзя назвать деловой древесиной, за что не платят деньги. Вот и горят вершинки, мощные сучья. А куда девать? Перерабатывать? Нечем. В других бы странах из этих «остатков» мебель и дома изготавливали, но только не у нас.

Говорили, будто есть такие установки, которые дробят древесный мусор, а из него прессуют различные

строительные материалы. Эта расточительность возмущает Ивана. И не только его. Кубинцам сделали комбайны для уборки сахарного тростника, а себе изготовить заводи для переработки миллионов тонн древесины — руки не доходят. Вот и горят в леспромхозах области на верхних и нижних складах тысячи костров, в которых сгорают миллионы народных рублей. Склад — термин такой, чтоб не догадались разведки. Верхний склад — это лесосеки, где валят сосны и кедры, удаляют крону, тракторами трелёвочными стаскивают стволы на погрузочную площадку. А оттуда на лесовозах везут к реке. Это нижний склад. Хлысты — деревья распиливают на брёвна нужных размеров. Согласно ГОСТу. Брёвна скатывают в реку, но прежде учётчик их замерит, запишет на торце, так сказать, закодирует название леспромхоза, дату и так далее. Маркировщик долотом и киянкой выдолбит на торце бревна все эти сведения. Обычно этим занимаются подростки. Зовём мы их дятлами. Юноши и девушки должны работать быстро, чтобы ни одно бревно не попало в воду без «паспорта».

Случаются на реке аварии. Рвутся плоты, распускаются пучки. Плынут по реке брёвна. Но трогать их нельзя. Пусть сгниёт. Накажут. Видел на заливных лугах десятки гниющих пучков. Другое бревно без маркировки можешь брать, а это — не моги. Таков суровый закон тайги.

Скажете, что это ерунда. Наша богатая страна с огромными запасами древесины ещё долго будет жечь костры, сплавляя древесину в плотах, отчего снижается её качество. ...Естественно, не наше дело. Там! В правительстве не дураки сидят. Думают. Узаконенная бесхозяйственность уживается с бережливостью и экономией, именуемой хозяйственным расчётом. В этом хозрасчёте

инженер-строитель Комаров, что называется, собаку съел. Кружок ведёт по комсомольской линии. «Экономический всеобуч» — называется.

Стыдно Комарову вести кружок экономических знаний, когда кругом экономический разврат. Ну, и пёс с ним. Что делать? Ничего не поделаешь. Такова суровая социалистическая наша жизнь. ...Молодёжь, выступавшая на смотре, поспешила к клубу, где на дощатой танцплощадке наяривал «Чёрного кота» баян Мишки Бухарева. А Комаров — на своей улице — Береговой.

Ивана ждали — брат Коля и сестра Ольга наперебой заговорили, затормошили старшего брата, принимая заказанные батарейки к транзистору, крючки, акварельные краски. Степенно подошёл стареющий Дружок и, отвечая на приветствие, как бы нехотя подал лапу. Комаров старший отложил ремонтируемые деревянные грабли, а мама — ринулась в летнюю кухню, принялась наливать ещё не остывшую уху, добыла из чрева холодильника пирог с нельмой. Иван говорил с отцом о предстоящей поездке на покос, мыл руки.

— Мама, не хочу есть. Молока выпью.

— Садись, садись.

Таисия Сергеевна ставила на стол тарелки и говорила обиженно и сурово. Со стороны могло показаться, что разговор длится не две минуты, а не менее часа. Иван молчал. Мамина воспитательная беседа задела его. Не удержавшись, сказал:

— Вы мне зла хотите? — Показывая новые зубы, вздохнул выросший мальчик. Мама бросилась в атаку.

— Почему зла? Аня состарится, а ты — вокруг и около. То из армии ждала, то ждала, когда институт закончишь. Сколько это может продолжаться? У нас тех-

норук приехал по распределению. У столовой дежурит. Ждёт, когда Анютка из леса приедет.

— Мама, разберёмся с техноруком. Какие наши годы. Вот дом строю. ...Думал я... Не волнуйтесь.

— В посёлке смеются над девчонкой, а тебе и горя мало. Жалко смотреть. Ты квартиру получил? ...Дом строится не за год. По себе знаем с отцом. Потаскала глину. Помнит спина. Что ж за любовь такая? То на покосе встречается, то на рыбалке, а то ночами за складом беседы беседуете... Мать всё знает.

Остаток ночи Иван тонул в быстром полусне. Выныривал. ...Мама права. Время идёт. Аня понимает, что он старается. Когда приезжала на медосмотр, ходили по будущей усадьбе. Наметили, где будет ледник, где копильня. Колодец выкопал. Воды много. Аня восхищённо оглядывала будущую усадьбу.

Ещё листья и стебли прибрежной осоки не успели освободиться от матовых шариков росы, ещё высекались разноцветные искры под ударами плотных солнечных июльских лучей, а Василий Фёдорович с берестяным кузовом нёс бачки с бензином к берегу. За ним, взвалив на плечо старый подвесной лодочный мотор «Москва», спешил Иван знакомой тропинкой к поселковой пристани, где, прикованные цепями и тросами к сосновым карчам, ждали хозяев деревянные и дюралюминиевые лодки. Он узнал от мамы, что Анна вчера уехала с братьями на покос.

Не успели Комаровы уложить в лодку косы и грабли, как на обрывчике Чачанги возникла, опутанная солнечными лучами фигура, с заспанным лицом. Это семиклассник Николашка умудрился проснуться сегодня рано.

— Мама на зимовку собрала, — сгибаясь под тяжестью сумки и, сбивая росу, сбежал с крутого откоса высокий паренёк. Степенный Дружок постоял у края тёмной, будто остекленевшей воды, высматривая, что-то ему известное, но вдруг впрыгнул в лодку, устроился на рейках у багажного отделения. Пахло бензином, гнилым деревом и тиной. Доносились из вязкого молочного тумана приглушённые голоса соседей — косарей, собиравшихся в путь. Словно кипящая вода в кастрюльке, булькал прогреваемый двигатель — стационар. Всплёскивала, рисуя на воде кольца, рыба. Соревнуясь друг с другом, перекликались поселковые петухи, пулемётными очередями стрелял у разделочных эстакад тракторный «пускач». А из ворот гаража, гремя цепями, уходили в тайгу лесовозы. Эти привычные звуки говорили о начале рабочего дня. Хотя была суббота, но...

В Березовском леспромхозе работали по скользящему графику, стараясь в погожие дни вывезти побольше древесины, так как в осеннюю распутицу трелёвочники будут буксовать в заболоченных делянах, тогда придётся отсыпать окружные временные дороги, строить мостики через разлившиеся речушки. Многие лесорубы стараются осенью уйти в отпуск, погостить у родственников, запастись кедровым орехом, рыбой, поставить сено, заготовить дрова и ягоду. А как же зимовать без солёных груздей и маринованных опят, без мочёной клюквы и морошки, брусники и голубики? Отпуска, отпуска... Многие едут на север, чтобы не только кормить комаров, но и по-настоящему порыбачить, поохотиться. И северные надбавки, высокая зарплата таким заядлым и упёртым таёжникам, можно сказать, не нужны. А ещё есть одиночки, что ружью предпочитают краски и кисти, фото и кинокамеру.

Эти подробности вы, дорогой читатель, можете пропустить. К событиям моих героев они имеют отношение приблизительное, но дают фон, как бы поясняют, что делают жители таёжного посёлка, чем занимаются. Это для общего развития интеллекта. Вы-то живёте в городе, вы и сено не умеете косить, как и я, сойдя с трамвайчика. ...Научился. Умеете? Прекрасно. Было времечко...

Николай опустил руку за борт, внимательно смотрел вперёд, предупреждая отца о появлении топляка, хотя Комаров видел торчащее из воды бревно. Топляк — это напитавшееся водой бревно, один конец которого опустился на дно, а второй — торчит, показываясь или не показываясь, из воды. Лодка или катер, наскочив на топляк, получает разрушение. Естественно, думал о предстоящей свадьбе старшего сына, о проблемах своего лесного хозяйства.

...Сухие деляны вырубил шустрый прежний технолог. Руководство получило премии и переходящее знамя. Технолога забрали в аппарат райкома партии. А теперь леспромхозу предстоит работать в лесосеках с тонкомерным лесом, делая запас на распутицу, чтобы осенью не срывать графика валки и трелёвки. Главный лесничий Комаров рекомендовал сухие гривы отставить на осень и весну, а потом валить лес в труднодоступных кварталах, когда уровень воды падает и болота подсыхают. Его не послушали. Год леспромхоз покрасовался на районной доске почёта, зимой лесозаготовители опустили до середняков, хотя могли удерживать позиции, но подвели снабженцы. Привезли резину на МА-Зы, а автопарк Березовского леспромхоза сплошь состоял из списанных армейских ЗИЛов. Спешно принялись строить дороги — ледянки, сберегая и без того изно-

шенные покрышки. Начали конструировать прицепа на полозьях. Все эти проблемы не касались Комарова. Он думал о том, что нужно зимой запастись семенами сосны, но не покупать, а получить свои. Посеяв их в огороженном питомнике, всё лето ухаживать за выросшими крохотными метёлочками, как за малыми ребятами.

Сажены посады на гарях и вырубках, на которых ровным слоем лежат перетёртые гусеницами трелёвочников порубочные остатки. Принимает он весной вырубленные деляны и удивляется. У одной бригады и подрост сохранён почти на сто процентов, потому что тракторы ходили по волокам, а не по всей деляне, не увидишь кусков порванных тросов и зависших деревьев. У других — не деляна, а испытательный танкодром, тряпки мазутные, поломанные детали и узлы. «Пикник на обочине», и только.

Нужно делать содействия природе, высаживать сеянцы, разгребать мусор, чтобы семена могли попасть на песчаную землю, и прорасти. Обязательно к зиме заготовить сено для лошадей, провести содействия на дальних старых рубках. Самое главное — вовремя гасить пожары. Вчера с лесниками прилетел с такого очага, что неделю полыхал в верховье Ингузета. И сразу начал выпрашивать у директора, бульдозер, чтобы подправить вокруг посёлка противопожарную полосу. Прогноз на июль пришёл из района неутешительный: «Будет сухо».

Иван представлял себя в роли жениха на собственной свадьбе. Ему не нравились сценарии торжеств, когда воруют у невесты туфли, когда тещу катают в корыте. Большинство поселковых жителей приехали из разных областей. Обычаи народные перепутались, как рваные сетёнки. Люди забыли, что и почему. При каких об-

стоятельствах сажают мать невесты в свиное корыто. Слышали звон... Боялся, что не сдержится, видя «выступления» подданных гостей. Скандалов не любил, но и мимо несправедливости не проходил.

Хорошо, что Иван не пошёл в лесоводы, а решил стать строителем, хотя с детского садика мечтал разводить кедровые леса, бороться с огнём, но, побывав на двух пустяковых пожарах, покормил комаров, покопал лопатой земельку таёжную, и от мечты остался дымок. Решил строить города. С увлечением принялся читать литературу об архитекторах. В поселковой библиотеке много интересных книг, но о зодчих отечественных и зарубежных нашлось пяток тощих томиков.

Первым своим объектом Иван считает небольшое, но важное в сельской жизни сооружение. Пристроил к дому, не без помощи отца, тёплый туалет. Получил от мамы и сестры сотни благодарностей. «А я тоже строил, — обижался Николка. — Яму кто копал?»

С того времени бредил собственным домом с водяным отоплением, водопроводом и канализацией, как в городе у родственников мамы. Рисовал фасады, чертил расположение комнат. В старших классах увлёкся ветрогенераторами. «Электро» подавали в дома лесозаготовителей и сплавщиков до двенадцати ночи, а в выходные и праздничные дни — до часу. Иван помогал брату осваивать фотоаппарат «Юность», подаренный бабушкой на день рождения. Часто братья не успевали сделать фотоотпечатки. Лампочка в фонаре три раза моргала и через десять минут фотолюбители «жгли» фонарик.

Покос у Комаровых не сказать, что очень близко, но и не далеко — по таёжным меркам. Пользуется семья им около двадцати лет. Василий, получив распределе-

ние в Томскую область, мог бы остаться в городском коммунальном хозяйстве озеленителем, но попросился в тайгу, где настоящее дело, где трудно и даже опасно. А ещё — чудесная рыбалка и охота. Не городской он житель, нет. ...Небольшие полянки у слияния двух речек, Василий каждую весну очищал от кустов шелюги, вырубал осинки и берёзки, стоящие посередине покоса. Постепенно разработал неплохие уголья. Подросший сын помогал ставить сено, иногда жил на покосе с братом, занимаясь рыбной ловлей.

Километрах в трёх, вверх по Берестянке покос лесника Олесова. Его старшие сыновья срубили зимовье, соорудили коптильню. Зимой гоняли соболей и белковали, ночуя в приземистом домике. Летом выезжали Олесовы на свою заимку с коровами и телятами. Три девочки доили коров, сбивали масло, пекли ароматные лепёшки для братьев, солили, вялили и коптили рыбу. Даже картошку и огурцы в тайге выращивали соседи Комаровых. Иногда вместе отправлялись на покосы, вместе вывозили сено по зиме, когда Кеть уступит морозу, и прикроется от стужи ледяной бронёй, защищая обитателей.

Однажды Иван пошёл на дальнее озерко с ружьём. Встретил девушку в лыжной куртке, в брюках и со спиннингом. Они давно не виделись. Анечка Олесова и раньше нравилась Ивану своей самостоятельностью и умением слушать. На школьных вечерах приглашал в буфет, на танец, как знакомую, как соседку по таёжному покосу. Она выросла, превратившись в степенную девицу. Куда делись конопушки, щедро рассыпанные по лбу и щекам? Выровнялись кривоватые зубки. Торчащие уши перестали делать округлое лицо ещё круглее.

— Ещё минут десять, и пойдём на обед, — вынимает оселок Василий Фёдорович, оглядывается на помощников.

Проходят десять минут, двадцать, а сигнала на отдых отец не даёт. Молчат парни. Утирают потные лбы. Стараются. Жарко. Как заведённые, машут косами Комаровы. Сквозь кусты видна широкая заводь озера. Утята — корабликами снуют по зеркальной воде, что — то ищут в осоке. Хорошо бы упасть в речку и лежать, ощущая, как ноет каждая клеточка, как сладко расправляются натруженные жилки. Комаров вытирает пучком травы лезвие косы, вновь вынимает оселок. Иван следит за руками отца. Коля морщится, колотит себя по плечу, сгоняя пауту. Василий втыкает косу в мягкую землю. Конечно, можно проделать тоже самое, но братья, поправив косы, приступают к последнему штурму. Нужно догнать отца, который машет рукой, приглашая к палатке, поставленной утром. Несколько лет Комаровы строят своё зимовье в обрывистом берегу старицы. Летом живут в палатке, устроив над ней навес из сена. Зимой Василий не промышляет, не берёт и билета на отстрел пушных зверьков. Некогда. Заботы лесников разнообразны и бесконечны. И всё же, бывая на отводах лесосек, успевает сбить охотку — пострелять по рябчикам, глухарям.

Комаров быстро уходит, чтобы развести костёр, повесить котелок с коричневой водой. Будто и не устал. Братья работают молча. Николашка мог наловить ельчиков и окуньков, а если повезёт, то и вытянуть подъязка, но сегодня на первом месте сено. Завтра придут на берег Кети мама и сестра. Коля их перевезёт на обласке. Завтра станут переворачивать запашистые валки, грести их в копны, а может, поставят пару стожков.

Прогноз солнечной погоды не всегда оправдывается. Дождик может испортить труд. Сено промокнет, почернеет. Вновь коси, вновь колоти настырных паутов.

Накосившись вдосталь, Комаровы поужинали. Николай помчался на Кеть проверять закидушки, а Иван, искупавшись ещё раз в озерке, переоделся, сполоснул и вывесил пропотевшие брюки и майку. Комаров хотел отбивать косы, но занялся сетями, ожидая, когда сын соберётся с мыслями. Он — решился.

— Пойдём к Олесовым, свататься. — Полушутливо предложил Иван, приглаживая короткие волосы. Комаров, понимающе смотрел на сына, кивнул, дескать, мать доконала лекциями, начал собираться.

2. Как юная жена исполняет супружеский долг. Иван берёт встречный план. Молодая семья обживаетея.

Отзвучали свадебные фанфары. Начались семейные будни. Сказки кончаются пирком и свадебкой, а ведь только после свадьбы всё начинается. Многие граждане, испытавшие на себе будни и, возникающие отчего-то недомолвки и скандалы, удивляются — такая была чудесная девушка, так было приятно с ней гулять под звёздами, но отчего не может понять, что нужно заштопать рубашку, сварить кашу, стереть пыль с посуды в серванте. А каков был жених — внимательный и аккуратный, умел костёр развести и уху сварить, но почему-то забывает наколоть дров, принести воды, не хочет посидеть с малышкой, когда жена три часа ходит в магазин. Ну, встретила подругу, ну, поговорили. Ничего не случилось, а он злится, психует и голос повышает.

Квартира у Комарова двухкомнатная, небольшая, в типовом брусовом двухэтажном доме. Иных не строили пока в райцентре. Иван работал прорабом Строительного управления — СУ. Начинал мастером. Сначала его гоняли по объектам. Он летал то в один посёлок, то в другой. Помогал, контролировал возведение объектов. Что парню делать? Ни семьи, ни хозяйства. Иван привык к самолётно-кочевой жизни. Обзавёлся друзьями, с которым по выходным рыбачил, уху варил и под щебет ночных птиц сухое вино потягивал, наливая из длинногорлых импортных бутылок.

Мебель Комаров сначала пытался конструировать, но, то ли времени не хватало, то ли материал не всегда удачно превращался в шкаф, или сервант, а поэтому стал копить деньги, остававшиеся от холостяцкой лёгкой жизни. Приобретал тумбочку под радиолу с белыми клавишами-зубами странного животного, то трёхдверный шифоньер с пустым зеркалом, отразившим пока за свою мебельную жизнь лица, руки мастеров и грузчиков.

Подробности обустройства вас не интересуют, дорогой читатель? Немного напишу о том, что на «свадебные» деньги молодые купили стиральную машинку, хотя Аня страстно желала иметь набор кастрюль и ещё какие-то безделушки в виде термоса из соседнего государства, миксера и кофеварки. Ваня убедил жену, что без кофеварки смогут пожить счастливо, а вот без пылесоса и холодильника жить нельзя хорошо. Хотя многие пары живут и не один год, пользуясь веником. И разбежаться не думают.

...Какая это жизнь, если пиво нужно хранить в ведре с водой, чтобы немного остыло? А куда пристроить недоеденный свадебный торт или холодец? Некуда.

Значит, пропадёт, придётся выбрасывать. Пиво у нас в посёлке ещё никто не выбрасывал, а вот прокисший суп — постоянно выкидывают. Даже с кастрюлями.

Анечка сразу согласилась. Так и сказала, что стирать рубашки она и руками может. А без замороженных полуфабрикатов трудно проводить медовый месяц; даже медовую декаду не стоит начинать, если шампанское скиснется, тискаясь в книжном шкафу между коричневыми томами собрания сочинений Горького Алексея Максимовича.

Иван постарался добыть стиральную машинку, как самую необходимую вещь, без которой жить нормально юная жена не должна. В райцентре подобные механизмы завозили очень редко и продавали всегда под запись. Иван записан, но, когда она подойдёт, эта двадцатая очередь. Никто не знает, с какого конца начинается выдача стиральных машин. Торговля — дело сложное. Иван решил не ждать удачи от поселковых слуг Меркурия. Позвонил коллеге, узнал, что стиральные машинки с ручным отжимом есть в томской продаже. Перевёл деньги приятелю, а тот погрузил на баржу с цементом стиральный агрегат. Пройдёт год, и появятся в спецпродаже стиральные машины с автоотжимом. Центрифугой! Конечно, при этом покупка кухонного комбайна отодвинулась к квартальной премии. Премия — не мираж. Её можно, не только видеть, и даже получить, если сдать объект немного раньше пропланированного срока.

Супружеский долг юная Анечка исполняла с радостью и восторгом. Такая она родилась. Понимала, что долг — это нечто такое, что нужно отдать сразу, если есть возможность. Чтобы не быть должной. Тем более, долг — супружеский. А к супружеству девушка готовилась со школьной парты. Читала много литературы по

этике и психологии семейной жизни. Им в школе преподавали кое-что. Учили уму и семейному разуму. Без этого как? Как может девушка стать хозяйкой, матерью, снохой и, естественно, женой без знаний? Не простое дело, надо вам сказать, по большому секрету.

Книги Аннушке давали подружки. Они тоже интересовались супружеским долгом, старались всё узнать, всё понять. Не хотели быть белыми воронами. Аня тетрадь толстенную завела, в которую вписывала оригинальные кулинарные рецепты и рекомендации. Подружки делились познаниями. Отдельные девушки, не особо верили книжной теории, а старались увязать её с практикой. Мама её жила семейно много лет без записей и без книг. Анечка не могла себе этого позволить. Время не то.

...И на девятое утро проснулся Комаров от запахов, набивавших до отказа не только кухню, но и всю полезную жилплощадь молодой семьи. Мало того, ароматы кочевали по лестничной площадке и шпионски вползали к соседям, которые могли бы ещё на законных правах находиться в царстве Морфея.

Соседей запахи тревожили и будили. Но не у них был медовый месяц. Не ихние жёны рано приступали к исполнению супружеского долга. А лишь милая Анечка, готовившая себя к супружеской жизни со школьной деревянной скамейки.

Ваня, раздвинув облака ароматов, забредал в кухню, а оказывался в творческой мастерской. Шёл процесс. Сияющая девушка уверенно, с помощью широкого ножа, не лепила, а ваяла котлеты, выкладывая их на доску ровными рядами. На электрической плите задорно булькала кастрюлька с красным, как закат над Кетью, борщом. Он одуряющее пах укропом, базиликом, тмином и, естественно, капустой, тушеной свёклой и

ещё чем-то таким, что не в каждом ресторане может так источать ароматы настоящий борщ, приготовленный по рецепту мамы — настоящей украинки, которая письма сестре в Воронеж долго писала точке над «і». Иван рассматривал кастрюльку, прикидывая, сколько литров этого божественного компота из овощей предстоит ему вкусить сегодня. Ведь завтра Анечка будет варить или харчо или суточные щи.

Он любил жену. Боялся обидеть отсутствием внимания, то есть, аппетита. Вы ошиблись, дорогой мой читатель, считая, что Ванька был уверен, будто управится с пятью-шестью литрами «компотика» на мясном бульоне. Он еще не знал, что под полотенцем, которое заботливо обвёртывало края и крышку, стояла ещё одна кастрюлька. Ванёк не догадывался, что рассыпчатый рис с кусками мяса, сдобренными болгарскими специями, а может, и узбекскими, страстно ждёт его; не почувствовал вкусовыми рецепторами, что каждая рисинка упакована в капсулу из чудесного и целебного гусиного жира, обвита тонкими пластиками изжаренной оранжевой моркови. Он покачнулся, чтобы чмокнуть раскрасневшуюся щечку жены, но Анечка, как хворостинка под ветром, нагнулась, стремительно распахнула дверцу духовки и, как настоящий факир, да куда факирам до милой и очаровательной стройной Анечки, ловко выхватила из горнила раскалённый лист с круглыми и загорелыми беляшами. Не важно, что пекла она их не на сковородке, как принято. Анечка много чего знала о фритюрных канцерогенах, поэтому берегла мужа, думая о его здоровье.

...Это надо видеть. Какие-то шанежки на полотнах Кустодиева меркнут, как наш короткий белоярский денёк в декабрьскую пору, по сравнению с настоящим чу-

дом кулинарного искусства — беляшами, вышедшими из-под хрупких пальчиков молодой женщины. На месте Ивана другой бы мужчина застонал и упал в обморок, но, как говорится, не на того напали. Ванёк твёрдо знал, что его выполнение супружеского долга впереди. Он знал, что долг — это святое. Коли женился, то отлынивать не приходится.

Ваня был нормально воспитан. Не какой-нибудь хилак, который только и может торкать воздух языком. Конечно, языком Ваня мог убедить бригаду поработать в выходной, мог, и слова настойчивого содержания сказать. И зубами, естественно, дорогой читатель, мог потрудиться на славу, а поэтому их подремонтировал перед свадьбой. Какая семейная жизнь без нормальных зубов? Если у кого больные зубы, то нечего о семейной жизни думать. С кариесными зубками супружеский долг нормально не исполнить. Мука будет. Иван знал, на что идёт.

Обменявшись утренними банальностями, Комаров сбежал по дощатым ступеням десятиквартирного дома, пересёк общий двор быстрыми стройными, как у Ахиллеса, ногами, сдёрнул замок с одной из десяти дверей продолговатого дровяного сарая, схватил колун и бросился к своей поленнице. В доме по плану шесть двухкомнатных квартир и две — трехкомнатные. Руководство сверху, рассматривая план двухэтажного дома, решило, что квартиры должны быть двухкомнатными. В двух комнатных, выделенных из трёхкомнатных квартир, установили печи. Не восемь семей получали жильё, а уже десять. Отчёт — великий движитель статистики, которая, как сказали поэты, воспевшие «мебельный гарнитур и золотого телятню», знает всё. И ничего, что у одних были в распоряжении две комнаты и

кухня с коридором, а у других — только одна комната, хотя и с окном и с настоящей дверью. Вот дровяные сараи всем построили одного размера. Сам же Ваня строил их. Не он, конечно, а бригада плотников Ивана Ипатьевича Балахнина. Ипатьевич — мой сосед. Отличный рыбак и чудесный человек. Не могу же я его и супругу Матрёну Яковлевну, наборщицу типографии, забыть и не вставить в книжку? Нет. Молочком ихней коровки мы с женой Галинкой выкармливали нашу крикунью — Алёнку. Что тут сказать? Говорить нечего. Разве что напомнить читателям о прекрасной чете из нашего Белого Яра.

Хочу предупредить Вас, дорогие земляки, что всякое совпадение фамилий и событий совершенно случайны, а всё это мной подсмотрено, подслушано и не является конкретным и фактическим. Каюсь. Присочинил. Сам не могу понять, где пишу о себе, где о Ванюшке.

Иван, как и я, получал такое символическое жильё. После того, как пожарный инспектор шестой раз предписал выселиться из Красного уголка, где Иван после скитаний по гостиничным номерам и съёмным углам, наладился жить, естественно, с разрешения начальника. С месяц Комаров существовал в комнатке — квартире. Спал и сидел на матрасе, так как ни табуреткой, ни кроватью не спешил обзаводиться. Друзья, заходившие к нему «погостить», обалдевали до последних пределов, сидя на полу, кушая тушенку из столовских тарелок.

Неожиданно, как снег в июне! по распределению приехала молодая экономист с красным дипломом и годовалой дочкой. Сверкая очочками на кругленьком детском личике, экономист сурово поджала грустные губки, так как начальника Густокашина вызвали на сове-

щание в райком партии, а она не знала, как ей быть, и где переодеть студенческого умного, но мокрого ребёнка. «Умного» потому, что, живя в общежитии, он вёл себя тихо, не нарушая ночами распорядка дня.

В управлении ждали мужика — «Поперечко», а приехала юная мать, которая, как говорит практика, будет находиться «по бюллетеню» с приболевшим ребёнком, если рядом не образуется бабушка — старушка, знающая и умеющая обращаться с детинками. Женщины из бухгалтерии знали всё, но они не знали — приехала ли юная мама одна или с ней прибыл и девочкин папа, который по закону должен получить скромное жильё на первые годы или — года, какие-никакие подъёмные.

Иван примчался в контору закрывать наряды. Увидел симпатичное, но уставшее создание, понял, что приехала мамочка одна, разругавшись с «заботливым» мужем. Комаров усмотрел в лице специалиста крупные черты строптивного упрямства. Не испугалась добраться до этого таёжного края света с крошечным ребёнком, а могла устроиться около мамы, остаться в городе, где вода в кранах или в батареях горячая с начала зимы вытекает. Ею вполне можно стирать не всегда чистые детские обёртки, именуемые в народе пелёнками. О памперсах мы тогда ничегошеньки не знали, и не ведали. Иван, не раздумывая, помог девочке — маме занять его законную жилплощадь, понимая, что до конца следующего года ей ничто не светит. А он подождёт. Анечка поймёт, что жить на восьми квадратных метрах можно, но лучше на двадцати пяти или тридцати. Через десять месяцев будут сдавать два дома...

Приезжей Поперечко нужно искать бабулечку, которая захочет принять её с ребёнком на жительство.

Попробуй, найди в посёлке свободную от забот пожилую женщину. Они все заняты. Как бы ты ни взывал, стоя на перекрестке двух дорог. И даже с прожектором ищи, а всеравно, — не найти. Можно определить в ясли ребёнка, отдав в руки профессионалок-воспитательниц, а через неделю у малыша откроется кашель, понос или краснуха. Это же так? Мы проходили эти институты семейного ликбеза. У вас было иначе? Значит, у вас, дорогой читатель, была высококвалифицированная бабушка или мама.

Иван решил ждать своего часа, когда ему — специалисту, проработавшему три года по своей специальности, дадут квартиру. Он опять ушёл в подполье, на нелегальную жизнь в Красном уголок. Пришлось повременить со свадьбой. Поэтому Ванёк заставлял волноваться милую Аннушку.

Он мечтал о своём доме. Наследственные гены срабатывали; до ужаса хотелось огород, баню и пригон с поросятами. Спать не мог, а если и спал, то во сне видел, как по двору снуют куры и утки. Ничего не попишешь. Ваня видел пример отца. Он рос в таком дворе, колот дрова, воздвиг туалет, системы «сор — тир».

Долго хлопотал, собирая справки и справки о выделении земельного участка под застройку. Собрал. Такой уж он мой герой — Ваня Комаров. Похожих на него парней у нас в Белом Яру немного, но десятка три наберётся. Почти всех я знал когда-то. Встречался, и даже писал о них в нашу лесную газету «Заря севера».

Ваня мог бы строить дом в гордом одиночестве, но под нажимом родственников пришлось оформить Ванюшке брачные отношения. Нажима, как такового и не было. Маме хотелось поиграть с внучонком, или с внучкой. Ей без разницы. Хотела. И всё! А звёзды со-

шлись на том, что перед октябрьским праздником ему дали квартиру. Конечно, это счастье. Кто спорит, товарищи, ведь раньше квартиры давали. Просто за хорошую работу, по очереди. По благу. Бесплатно!

Получил Иван ордер. Вселился. Чего ему вселяться? Скатал матрац и пошёл на улицу Октябрьскую. Три дома на этой улице он строил. Не знал, что в одной квартире придётся зимовать. А теперь что? Вполне можно жениться. Срочным порядком. Семейный очаг требовал внимания. Иван отнёсся заботливо к нему. Впереди зимние месяцы. Он привёз дрова, и теперь каждую минутку набрасывался на огромные сосновые чурки, превращая их в поленья. Дрова могут храниться вечно, обеспечивая теплом в любое время, если их не заметят бездровные соседи.

Умывшись после битвы с пятью чурками, Ваня увидел на столе в зале выставку кулинарного искусства. Вы не поняли, что это не шутка и не гротеск? Что тут понимать? Нисколько не сочиняю. В центре высилась миска с Эверестом винегрета, нарезанные кубики студня разлеглись в тарелке и пускали по стенам натуральные блики; светил маленьким солнцем важный борщ; кичился наглой желтизной самодовольный плов. Горячей ехидной стопкой возвышались коричневые беляши и сиротливо жалась к краю большого блюда котлеты величиной с ладони Геракла. Самолюбивый компот из южных сухофруктов, остывающий в прозрачной кастрюльке, оказался лишним на этом параде яств. Анечка водрузила его и миску с гарниром на подоконник.

«Опять кто-то прискочит в гости», — подумал нехотя Комаров, встречая жену с хлебницей. По утрам Иван пил чай, настоящий в термосе из чаги, листьев малины, смородины, земляники, кипрея, брусники. И

вот уже девять дней не пил любимого напитка. Не встречался с другом, но не особо грустил. Думал каждое утро: «ничего, как-нибудь скажу поласковой, когда у Анечки иссякнет кулинарный зуд. Она опять встала в пять или в шесть утра». Не заметил, как покинула старинную металлическую кровать. «Со временем пройдёт», — размышлял Комаров, рассматривая жену, которая успела снять рабочую одежду.

— Принимай участие в этом праздники кулинарии... Какой-то конкурс, прямо сказать... Садись со мной, доктор кастрюльных наук.

— Что-то не хочется. Нанюхалась, напробовалась. Разве, что капельку.

— Гостей не будет? — удивился Иван, внимательно рассматривая столосодержание.

Сияющими васильковыми глазами Анечка внимательно следила за мужем. Ел он, как машина, если такие придумать успели, ел, как с голодного края, как после диеты, как... Анечка поняла, что и сегодня, она выполнила свой супружеский долг на «отлично».

— Ваня, на обед не опаздывай. Я тебе голубцы сделаю по-болгарски. Ты хлеб не ешь, а бери котлету. Мы на котлопункте всегда так ели.... Это, когда я на нижнем складе работала. И в Алипке, где начинала помощником повара у тёти Тани Бубийчук. Ты тогда в армии служил...

— Настоящее чудо, — сказал Комаров, приканчивая плов. — Такой каши с мясом я не ел никогда...

— ...Ещё не пробовал моего экзаменационного блюда. Экзаменаторы моего карася в сметанном соусе всего съели. Так увлеклись, что друг у друга хлеб отнимали, в соус макали. Можешь представить, что поставили?

— Представляю. У тебя и за первые блюда оценка была... «десятка».

— Не смейся. — Аня замахнулась полотенцем. — Ешь, ешь. Сегодня морозяка под сорок. Не слышно даже самолётов. Обычно в это время моторы прогревают. Вот я тебе приготовила беляши, котлеты. Не попробовал ни одного. Я старалась. Ты только кусни, Вань. Меня мама научила такое тесто ставить. Ни в одном справочнике нет подобного.

— Анюта, побегу на автобус. Попробую. Честное слово...

На лицо девушки напозла хмурая тучка, губки обиженно покривились, и вся она стала жалкая и печальная. Казалось, вот — вот заплачет. Иван уже два раза целовал жену у порога, а она одной рукой заталкивала ему в карман полушубка свёрток, а другой — протягивала вилку с большим, как колесо, почти, как колесо от телеги, беляшиком

— На работе с ребятами поешьте. ...Хоть кусочек откуси, хоть крошечку...

Беляш высокомерно хрустел тонкой корочкой. Убийственный аромат толкался и теснился в коридоре, сползая по ступеням на нижнюю лестничную площадку. Иван смотрел, как лицо Анечки алчно, почти вампирно, расцветало с каждым откушенным куском. И вот она улыбается, её васильковые глаза источают потоки сладостной любви и верности. Девушка поднимается над самоткаными половичками. Парит под самым потолком. Комаров смотрит украдкой на часы, стоящие на книжном шкафу, — свадебный подарок директора Березовского леспромхоза и его очаровательной певуньи жены, живших недалеко от Комаровых. А по рассказам бабушки — чета Немчиновых доводилась дальней род-

ней. Отдав, голенькую вилку счастливой жене, Ваня впрыгнул в свои самокатанные валенки, и схватил ручку двери.

— Спасибо, дорогая, никогда такого роскошного завтрака не было в моей жизни. Ты просто кудесница кулинарного искусства...

— Ты ничего и не поел. — Эти слова Иван слышит утром и вечером. Он помнит, что лицо жены вновь начнёт омрачаться и гаснуть. — Холодец только поковырял, а винегрет почти весь оставил на тарелке. Разве можно так мало есть? Тебе бегать по лесам, по трапам. Я знаю, ты станешь таскать раствор и кирпичи. — Опять губки Анечки стали надутыми и печальными. Иван набросился на них и стал страстно целовать, чтобы они вновь источали любовь и счастье.

— Не грусти. Всё съем, — поспешно говорил Иван, открывая задвижку.

— Жду на обед. Такой сюрприз тебя будет ждать, мой милый.

Ничего, скоро у неё пройдёт этот кулинарный взрыв. Устроится на работу, некогда будет рано вставать. Иван подумал, что Анечка наготовила на комплексную строительную бригаду или на валочно-трелёвочное звено. Он ещё не понимал, что его ждёт впереди, какие семейные бури и смерчи обрушатся на его молодую голову.

А кто прогнозирует семейные смерчи и тайфуны? Все хотят жить тихо и размеренно в любви и взаимопонимании. Но всё, куда-то девается после свадьбы. Какими были хорошими невесты и женихи, а что с ними произошло? Никто не может понять, отчего распадаются прекрасные пары. У всех — своё.

3. Иван сдерживает слово. Мальчишник.

Можно сходить в леспромхозовскую столовую, где готовили вкусно и подавали быстро. Строительное управление — СУ почти рядом. Намечалось собрание по взятию соцобязательств на следующий год. Работа на объектах спешно сворачивалась. Голосовать должны все.

Рейсовые автобусы редко ходили по нашему Белому Яру. Надеяться на услуги транспорта было бы ошибкой, поэтому добираться до квартиры, где его ждал обед, нужно самому и без иллюзий. Иван решил не обижать жену. Тем более, обещал Анечке не опаздывать. До пилорамы довёз на лошади знакомый парень по фамилии Махоткин из столярки. Вы не знаете его. Он только приехал. А тот Иван Махоткин, что работает инструктором в райкоме партии, ему никто. Однофамильцы. Похожи. Бывает в жизни и не такое.

До улицы Октябрьской Комарову предстояло пройти чуть больше километра. Окраина посёлка. Новые дома, новая улица. В конце улицы Гагарина в прошлом году построили здание районной сплавконторы. Напротив магазина — клуб сплавщиков.

Иван работает с мая на гостинице. Кирпич привозной. Густокашин пытается наладить производство кирпича — сырца, но средств не дают. А кирпичный завод нужен в развивающемся таёжном районе. В семи леспромхозах строятся детские сады и школы, библиотеки и бани. Хотя все понимают, что живут лесорубы и сплавщики в посёлках до тех пор, пока лесосырьевая база позволит валить и трелевать сосновый и кедровый леса. Как кончатся запасы, так и отправятся бригадами, звеньями на новое место работы и проживания. Будут

пустовать школы и детские сады, будет в посёлках по утрам тихо и грустно. Но прожить десяток лет на чемоданах не всегда удобно. Решили построить трёхэтажную гостиницу в кирпичном исполнении. Ответственный объект доверили молодому инженеру Комарову, который хотя и комсомолец, но в кружке политэкономических знаний, который несколько лет ведёт заведующий отделом промышленности райкома Левинсон, на почётном месте, ведь на его объектах хозрасчёт так прижился, что за опытом приезжают из соседних районов. А уж «Заря Севера» часто публикует его материалы на экономические темы. В областной газете «Красное знамя» о Белоярском строительном управлении нет — нет да появится очерк или зарисовка о бригаде, о методах монтажа сборно-щитовых домов в условиях севера, ведь завозятся многие стройматериалы на большегрузных баржах, когда горизонт воды в Кети ещё высок.

Иван волнуется. Волнение это тайное. Никто не должен о нём знать. Хотя исследования грунта провели томские спецы, он убедил начальство углубить фундамент на полметра, доказывая, что весной происходит оттаивание почвы неравномерно из-за подземных термальных вод. Один такой источник приспособили работники пищекомбината для отопления теплиц и цехов по производству кондитерских и хлебобулочных изделий. А сколько их под землёй? Никто не знает. Но они, эти горячие источники, бьются в недрах, ища выхода на земную поверхность.

Пришлось Ивану набирать «пимные» обороты, чтобы оказаться в уютной квартирке в нужное время. После утреннего мороза немного потеплело, но колючий ветерок умело и старательно сёк лицо мелкими снежинками. Комаров, хотя прижился в райцентре, но

казалось, что в родном посёлке и погода мягче, и люди добрее.

Раздеваясь, увидел в зале на столе расставленный свадебный столовый сервиз. Скатерть — белее сентябрьского снега. Анечка, приукрашенным лицом, встретила Ивана, принялась хлопотать, заполняя крышку стола продукцией собственного производства. Она усадила Ивана, не давая ему принести хлебницу. Смущенный таким изумительным вниманием, муж понял, что много потерял, находясь в статусе холостяка. И это ничего, что девушки и женщины ослабили своё внимание к его персоне, ведь он выбыл из племени потенциальных женихов. Это не очень заботило строителя. Иван сидел как на приёме у посла зарубежной державы, хотя за границей не был, но они планировали однажды, лёжа под стогом, что в первую турпоездку отправятся на болгарский «бряг». Берег...

Иван, в ожидании сюрприза, думал о предстоящей весне, когда на баржах приедет кирпич, придётся организовывать вторую смену. А ещё он думал о том, что ему предстоит собирать сруб собственного дома. Брус вылежался на складе. Иван следил — не повело ли его. Надеялся, что приедет отец, позовёт знакомых лесников из лесничества. А перегородки, сколотит сам, утеплит чердачное перекрытие. Хотел соорудить комнату для приёма гостей, но раздумал, полагая, что нужно в первую очередь заняться крышей, жилыми комнатами, водопроводом и канализацией, а уж потом делать резные наличники, оборудовать мансарду.

Кроме голубцов, на столе оказались котлеты из слоёного фарша с косточкой. Аня объяснила, что это её собственный рецепт, который получился, когда делала котлеты Пожарские. От искренних восторгов Ивана

изобретальница потупила очаровательные глазки. Облизнув нижнюю губу, тонким почти кошачьи язычком, сказала:

— Завтра, Ваня, я тебе такое приготовлю...

— Подожди, дорогая искусница, ты и так сражаешь меня своим талантом, который бесподобен и уникален. Оставь на будущее секретные блюда. Ведь я намерен эксплуатировать твои ручки и опыт не один год. Какими блюдами будешь потчевать по праздникам очаровательных наших детей? Ты не обижайся. Я не доел ещё утренние котлеты...

— Шницели, — тихо поправила мужа Анечка.

— Эти чудесные шницели я не смог стрескать. Ты разреши унесу на день рождения моего хорошего друга Сергея Дыдалина. Мы с ним учились. Тогда в посёлке не было средней школы. Мы жили в интернате, на субботу отправлялись по домам. Сергей жил в соседнем посёлке Рыбинске. Окончил Томский лесотехникум, теперь работает мастером цеха лесопиления, но не у нас, а в коммунальном хозяйстве. У них традиция на работе, если день рождения, то собирают «симпозиум» в конторке...

— Пригласи к нам...

— Приглашу, но не сегодня. Задержусь, на некоторое время. Узкий круг. Чисто символически. Только ты не вари ничего. Борща хватит до субботы, а плов завтра съем. Холодец возьму с собой и компот. Пусть оценят твои дарования.

— Ваня, я хотела свежее сварить. Пицца должна быть целебной и полезной. Мама говорит, что нельзя ущемлять себя в еде...

— Всё верно. Ну, я побежал. Подписываем сегодня встречный план, соцобязательства, вызываем на соревнования коллег из Тегульдетского района.

— Тебе, правда, понравилось?

— О чём спрашиваешь?

— Ваня, хочу на работу... куда-нибудь. Мама говорит, что нужно стаж зарабатывать.

— Стаж не помешает. Мама права. Что-нибудь придумаю. Отдыхай. У нас, возможно, откроется столовая в конторе. Станут по объектам возить пищу, чтобы плотники не теряли времени, не носили с собой мешочки и сумочки. Густокашин оборудование привёз из Томска для столовой. Не всё...

— До весны далеко, Ваня, почти полгода. Мне сказала соседка, что у них в больнице ушла на пенсию повар. Может, я пойду, узнаю.

— Хорошо. Пойдём вместе в больницу, посмотрим, что за работа...

— Обыкновенная. Я знаю диетические блюда. У меня все конспекты целые. Ваня, съешь ещё шницель. Он маленький, а ты большой. Давай, немного горчицы...

— Отличная котлета. Тебе нужно ресторан открывать, будем кормить соседей. Ты только не вари ничего. Я ж ещё и позавчерашние макароны по-флотски не съел. Где-то гуляш оставался.

— Вот тебе сумка. Я всё положила. Там твой гуляш и макароны, и шницели, и беляши. Ешьте, как следует. Закусывайте нормально. Макароны не пойдут. Лучше винегрет положу.

Иван бросился к двери, на ходу запахивая полушубок. Часы звали на работу. Опаздывать нельзя. Он секретарь комсомольской организации. Каков пример? Ко-

маров выскочил на площадку, а вслед за ним поспешила Анечка. Её личико было грустным, губки обиженно сложены, казалось, что вот — вот из глаз польются ниагарские потоки слёз.

— Ваня, тебе, правда, понравились голубцы? А что вкусней? голубцы или шницели? — с придыханием спросила Анечка, сделав такое скорбное лицо, что Иван остановился на лестнице.

— Всё очень вкусно. Удивительно вкусно, дорогая моя. Я никогда не пробовал таких голубцов. Мама делает, но твои — самые лучшие. Она их сначала жарит...

— Да. Можно жарить, если капуста квашеная, а не свежая...

— Аня, побежал я. В кино пойдём вечером. «Кавказская пленница» в сплавном клубе...

Конечно, ей скучно весь день сидеть на кухне и листать конспекты. Такая была суровая девушка, когда рыбачили, когда сено косили, а сейчас царевна Несмеяна; вот — вот слезами затопит. Изменилась. Нужно отвлечь от кухни. Нужно устроить на работу. Не разрешать вставать рано. Как это сделать? Комаров думал свою думу и не мог ничего придумать, чтобы оградить себя от пристального внимания жены, которое становилось навязчивым.

4. Анна удивляет и поражает... Странный предмет. На то они и соседи. Аня рвётся на работу.

В кино не опоздали. Мальчишник затянулся. Нужно уходить, а Сергей показывал эскизы встроенной мебели, наливал клюквенной настойки. Гости оценили Аничкины закуски. На расстеленных газетах остались крошки. Сначала пили водку, кто-то принёс самогон на

дегустацию. Иван старался пить мало, говоря, что ему далеко идти, обещал молодой жене в клуб сходить. Скидку ему делали, но дошёл до кондиции, пришлось принять экстренные отрезвляющие меры.

Клуб неподалёку. Комаровы прибыли к началу журнала. Фильм понравился. Девушка, придя, домой, напевала, собирая на стол: «Где-то на белом свете, там, где всегда мороз...».

— Ну, хоть чаю попьём с пирожками. Я морс сделала, если голова будет гудеть. Натолкла клюквы и брусники, процедила, добавила немного сахара...

— Аня, милая, не хочу. Хорошо, хорошо. Где морс?

— Я говорила, что вкусно. А пирожок попробуй. Эти с капустой, эти с ливером. Ну, хоть откуси. Хоть кусочек. Такусенький... Завтра они будут не такими. Сегодня у них настоящий вкус.

— Аня, добрая моя рукодельница, пойдём, поспим немного. Я попробовал. Вкусно. И морсу выпил два бокала... Завтра... всё... съем.... Даю социалистическое обязательство. Подписываюсь, моя дорогая. Когда ты успела такую гору напечь? Придётся соседей звать. Один не потяну этот Монблан из пирогов. Соседи выручат. На то они и соседи, чтобы выручать. Надо только бутылочку взять вина сухого...

— Я взяла. Ты ушёл, а я за солью бегала и за персиковым компотом. Это пока секрет.

Как ни старался Иван встать раньше Анны, не получалось. Лёг с краю. Как только Анечка начала выскользывать из-под одеяла, мягко обнял её и принялся целовать, не выпуская из объятий. Вскоре она затихла и перестала вырываться.

— Полежи немного. Печку затоплю, чай поставлю.

— Ваня, борщ... и морс, — расслабленно сказала Анечка. Вот оно что. Теперь знаю, как отучить женушку от кухонной болезни. Дрова весело разгорались. Иван смотрел на огонь и думал о своей чудесной Анечке, о том, как счастлив, живя рядом с удивительным человеком, который хочет сделать ему приятное. Нужно что-то ей купить, — подумал Иван. — Духи. Помаду. Что ж она любит, о чём мечтает. Ничего не знаю о ней.

Иван выбежал на улицу и в полумраке начал колоть дрова. Сосед — работник банка — Коля Круглов и его жена Рая усаживали детей в санки, отправляясь в детский сад.

— Рая, не вари. Приходите на завтрак. ...Как в честь чего? Суббота сегодня. Какой отчёт?

— Это нужно отметить, — улыбнулся Николай. — Постараюсь к обеду закончить. Ждите. Как там наши грибы? Пора дегустировать...

Осенью Иван и Николай выкопали погреб, чтобы определить на временное хранение запасы картофеля и прочих солений и варений, которым дома не оказалось места. В небольших бочках посолили грузди и рыжики, заквасили капусту и привозные огурцы, так как собственные — плохо уродились. Пока дом ещё лежал на бумаге, а землю Иван вспахал, посадил картофель, Аня привезла от матери семян и помидорную рассаду. Поливал Иван редко, сорняки вырывал периодически. Рыл траншеи под фундамент. Соорудил временный летний туалет, залил фундамент для бани. Хороша была редиска и кабачки, а вот помидоровросло мало. Доспевали в ящиках письменного рабочего стола. Иван увлёкся дровами. Забыл, что на плите стоит чайник, нужно подкладывать дрова в титан, чтобы после работы попле-

скаться под душем. Из форточки, из клубов пара вырвался негромкий голос Анечки.

— Ваня, пора удивиться. Заходи быстрее. — Иван сложил в поленницу дрова, определил колун в сарай и полетел домой. Запах чего-то ароматного, можно сказать, новогоднего встретил в коридоре. «Какую-то вкусноту придумала ненаглядная. Она спала, когда уходил».

— Полежала я полминутки и подумала, что пришло время тебя удивить. Не входи в зал пока. Сейчас Рая придёт. Чай пить...

— Ты вчера гору пирогов напекла. Кругловых пригласил отметить. Пусть ребяташки пирогами побалуются. Нужно грибы достать попробовать, что у нас получилось, как капуста сквасилась.

— Мы вчера с Раисой лазили в погреб. Пироги напекла с грибами.

— Подожди немного. Душ.

— Я помылась, бельё замочила. Буду стирать. Ты в баню хотел к Балахниным сходить.

— Надо договориться с Иваном Ипатьевичем о рыбалке. Забыл.

— Сейчас завтрак. ...Как не голодный? Должен быть у нас режим.

После душа Анечка разрешила ему войти в зал. Усадила перед столом, на котором возлежал пирог размером с велосипедное колесо. Или немного поменьше. На два сантиметра. Он благоухал ароматов цветов клумбы. Дольки консервированных ананасов и персиков, ягоды черники и голубики кружили на пироге, преследуя друг друга. Иван и пришедшая Раиса долго рассматривали сооружение. Анечка нетерпеливо толкала его под руку, приготовив тарелки и длинный нож.

— Давай. Ваня, давай, режь. ...Как в чём пекла? В печи. На большой сковородке.

— Я бы не догадалась, — сказала Рая Круглова.

Даже радио перестало петь, когда Иван приступил к разрушению целостного пирожного ансамбля. Аня внимательно следила за руками мужа, иногда подсказывала, как должен пройти маршрут ножа, чтобы куски пирога были одинаковы по размеру и содержанию аппетитных узоров.

— За неделю не съедим, — сказал Комаров, принимая от жены третий кусок аппетитного пирога.

— А Кругловы на что тут живут? Они сегодня помогут. Рая, согласна? — Соседка кивнула жующей головой.

— Аня, не накладывай. Побегу. У меня стиральная машинка включена. После обеда нагрянем в полном составе. — Рая вырвалась из цепких рук Анечки. Гудение машинки донеслось из-за стены...

— А ты читала, дорогая, Домострой?

— А зачем? Ты строитель домов...

— Домострой — это... — начал объяснять Иван, но вдруг понял, что Аня глубоко задумалась. В её очаровательной головке разгуливает, как некий призрак по Европе, какая-то отчаянная мысль.

— Хочу, чтобы ты ел самое вкусное, самое полезное. Это же моя обязанность, думать о тебе, заботиться. Хочу, что бы ты никогда не мог, есть блюда, приготовленные не мной.

— Всё твоё парни подобрали, а столовские котлеты долго грустно лежали. Серёжка рецепт попросил для мамы.

— Напишу. А ты знаешь, Ваня, сто человек будут готовить котлеты из одних продуктов, получится сто

котлет разных по вкусу. Как в детстве увидела кинокартину «Девчата», так захотела стать кулинаром. Нужно в институт поступать, я не хочу. Давай покажу диплом. Я старалась учиться. Одна тройка и все пятёрки.

— За что так? Кто этот глупый преподаватель, что поставил моей Аннушке низкие баллы? Мы его найдём. Мы его накормим пловом и напоим морсом.

Комаров раскрыл документ и поразился. Сначала развеселился, а потом нахмурился.

— И такие предметы бывают? Это не шутка, значит. Теперь многое проясняет, отчего в некоторых столовых отвратительно готовят. В них работают те, у которых по этому предмету — «отлично». Как же экономить продукты, если в раскладке все сказано, чего и сколько граммов сыпать, добавлять...

— А вот был такой предмет — «экономия продуктов». — Обиделась Аня.

— Как вас учили экономить? Чтобы себе выкроить. Хороший предмет, — Иван рассмеялся. — У тебя экономия не получалась? Злодеи учили экономить, а ты не умела. Они требуют, чтобы ты сэкономила соль, сэкономила масло, сэкономила мясо. Анечка не экономит, а кладёт вместо ложки соли — десять, вместо ложки перца — стакан.

— Не так всё, — обиженно махнула рукой Аня. — Я ходила в больницу. Меня берут...

— Только не это, — вскочил Иван с тахты. — Понимаешь, что это такое?

— Понимаю. Нас учили.

— Там платят очень мало, а работы — выше крыши. Более ста человек нужно накормить... Давай, сходим и на твоё рабочее место. Там — ад и ужас. Начали

строительство... Заморозили объект. Денег не выделили по смете.

5. Страх и ужас. Уроки тёти Тани. Конец каторжным работам.

Тот день был просто на загляденье. С проводов, с веток топольков у здания поликлиники плавно падали парашютики инея. На дощатых тротуарах, покрытых плотным слоем натоптанного снега, они лежали горстками белого пепла. Аня в большой песцовой шапке, в тёмно — зелёном пальто на фоне этого природного явления выглядела нестерпимо здорово. Иван шёл рядом и не верил, что идёт с ненаглядной женой, которая оказалась совсем не такой, какой знал её много лет; при этом вновь сожалел, что не женился в прошлом году, и немного, самую малость, завидовал себе. Небо висело чистым и счастливо — синим. Он не хотел, чтобы Аня устраивалась на работу в столовую больницы. Боялся, ей будет трудно, что злые больные начнут требовать чего — нибудь, а руководство — загружать работой, которую обязаны делать другие. Он почувствовал ответственность за жизнь беззащитной и талантливой Аннушки. Ему казалось, что злобные люди спешат сделать ей подлость, сплести интригу, как когда-то портили ему жизнь инженер и главбух, технолог и заместитель начальника. Только парторг пытался помогать молодому специалисту, защищая от подстраиваемых козней с отпуском материалов. Иван доверился кладовщику, доверился технологю. Оказывается, со всеми нужно держать ухо востро, а если пришёл на склад, каждый мешок цемента должен прощупать, вскрыть ящики гвоздей, перетрясти, убедиться, что на дне гвозди, а не металличе-

ский мусор. Его научили быть недоверчивым, его научили гнать план, научили закрывать наряды, когда нет объёма работ, потому что нет материалов. Он стал гибким, дипломатичным, но не подхалимом, заискивающим перед начальством, не верящим в честное слово, потому что случалось, подводили и обманывали хорошие знакомые и добрые люди. Не давал невыполнимых обещаний, не врал и не обманывал, как другие, надеясь, что ложь сойдёт с рук, а люди забудут, что обманул. Его зауважали коллеги и рабочие. Постоянно разгружал баржи со стройматериалами в выходные дни. Никогда не сидел в тени, когда другие работали.

Иван научился встречать выговоры стойко и просто, как само собой разумеющееся. А так ли будет встречать рабочие неурядицы милая Аннушка, ведь такая хрупкая и беззащитная. Не сможет дать отпор наглецу. Как защитить от нападков и пустых сплетен, от обмана и сволочизма коллег.

Когда подошли к двери райцентровской больницы, Аня грустно сказала, склонив голову:

— Ваня, что-то домой захотелось. Тебе не хочется? Я хочу маму увидеть. Давно не говорила с ней. ...Звонила. Разве по телефону всё скажешь?

— ...В пятницу поедem. Машина идёт в Клюквинку. Оденемся потеплее. Комсомольцы едут принимать Ленинский зачёт. Договорился.

— Правда? — обрадовалась Аня, беря Ивана за руку. — Сестёр не видела месяц. Что тогда они? переночевали и уехали.

Грузный главврач встретил Комаровых иронично, без особого внимания; говорил медленно, словно делает одолжение.

— Посмотрю, на какой стадии пищеблок... Я вообще-то не за этим. Знаю, что денег нет. Супругу хочу на работу к вам устроить...

Главврач оживился. ...Впился всеми глазами в диплом, уважительно полистал трудовую книжку, улыбаясь, заботливо сказал:

— Повар нужен. Петрову отправили на пенсию. Человека с образованием не можем найти. Зарплата небольшая, но премии могут быть в конце года, — мужчина скривился и помахал рукой, словно отгоняет назойливую муху.

— Это почему так мало? — удивился Иван. — У нас технички больше получают. Пересмотреть нормы и расценки. Это в ваших силах. Повар кормит три раза в сутки почти семьдесят человек и такая оплата.

Аня неодобрительно посмотрела на мужа и встала, готовая идти и варить пищу на пятьсот человек. Деньги её не интересовали. А то, что вставать в пять часов утра и ночью в буран и дождь добираться до кухни её не пугало.

В леспромхозе лесную столовую называли котлопунктом. Необычно. Люди привыкли. Лишь бы пища была на вкуснейшем уровне. Анечка начинала помощником повара. Тётя Таня её учила всему, что умела сама. «Академиев» кулинарных не оканчивала, но умела вкусно варить. Могла приплесневелую колбасу привести в съедобный вид. Экономила продукты и средства, поняв, что такое хозрасчёт и НОТ.

Набрав в лесосеке ягод, варила кисели, и морсы. А деньги, вырученные при этой научной организации труда, оказывались у неё в карманчике белой куртки. Анечка поняла, что тётя Танечка умеет варить щи и кашку. С котлетами и тефтелями не любит возиться.

Проще и быстрее нарезать печень или накромять мясо на гуляш.

Тётитанина заветная бутылочка, согревала сердца и тела проверяющих. Кто намёрзся за день, вышагивая по лесосекам, по тропкам между разделочных эстакад, в ботиночках на рыбьем меху, оценивали заботу тёти Тани, замечали и миленькую помощницу с большими васильковыми глазами и выпуклыми губками.

Один прилётный паренёк из газеты зачастил в леспромхоз. Писал о сплавщиках, о разделочниках, о вальщиках, но не забывал попасть на тот участок, где работала тётя Таня. Начальник лесопункта рекомендовал написать о поварах, предлагал сфотографировать, даже приказывал поварам замереть с половником или миской.

Однажды ехали в одном лесовозе. Это был последний. Начиналась буря. В кабину втиснулось трое, Анечке пришлось сидеть у него на коленях, так как автобус с рабочими рано ушёл, а она должна накормить валочно-трелевочное звено, которое не приехало на обед. Сломался трактор. Паренёк оберегал её на ухабах, чтобы не ударились о низкий автомобильный потолок. Его внимание и забота ей нравились. ЗИЛ быстро проскакал по расхлябанной лежнёвке пятьдесят километров, а она могла бы ещё ехать в нежной тесноте. Они вышли у гаража. Этот журналист возомнил о себе невесть, что. Галантно пригласил в кино. Отказала. В кино пошла. Он её высмотрел; они долго гуляли по ночному посёлку. Целоваться не умел. Поняла — никто не научил его нужному делу. Иногда вспоминает ту прогулку, но никто не знает о единственной встрече. Да и была ли она? Приснилась.

Случалось, Аня оставалась одна, тогда ей давали помощницу — малоопытную девушку, окончившую курсы поваров. Девчонки показывали класс. Аня приносила из дома банку сметаны, яйца, квашеную капусту и морковь. Лесорубы расхваливали кулинаров, удивлялись, что компот можно пить по три банки — кружки, что печень по-строгановски мягка и её очень много.

— «Тоськи», а почему так вкусно, что и работать не хочется? — спрашивал пожилой пилоправ Кузьмин. Почему Тоськи? Вы забыл киноленту «Девчата»?

— Ты, что не соображаешь? — говорил хохмач и драчун Мишка Бухарев. — Сегодня старшего повара нет. Вот весь сахар девчата в компот кинули, а домой не повезут.

— Я буду жаловаться, — корчил гримасу звеньевой Бориска Грачёв. — Порции большие. Да ещё и пироги. Тут норму не вытянешь. От такой жарчки в сон кидает.

Иван забрал документы со стола, пахнувшего хлоркой. Направился к двери, нахлобучивая шапку. Сестру-хозяйку искали недолго. Иван думал, что придётся разговаривать с полной бабушкой, но встретились с девицей со свёкольными пылающими щеками.

— Сейчас отпущу медикаменты, — сказала бархатным воркующим голоском, — тогда покажу пищеблок.

Иван был в этом блоке, когда подыскивали место, где строить типовое здание. Пищу готовили в щитовом доме. Анечка дрожала от нетерпения и желания приступить к работе. Она уже рисовала себе картину, как начнёт готовить здоровую и целебную еду, от которой больные станут поправляться, с большой скоростью. Иван думал, напугать жену тяжёлым трудом.

Большинство окон снизу заколочены досками. На обледенелых ступенях крыльца Комаров поддержал Аню. Тёмный коридор. Оббитая матрацем дверь не подходила к блоку. Иван с трудом открыл её. Сестра — хозяйка споткнулась на обледенелом полу. В мрачной комнате не белили лет пять. Две маломощный лампочки с трудом разгоняли полумрак. Девочка в замурзанном халате, который был белым в эпоху Хамураппи, чистила картошку. Поздоровались.

— Помыть надо, — сказала строго Анечка, вынимая из пакета свою спецовку. Иван удержал её, подошёл к плите, от которой шли тёплые волны.

— ...Не хватит тогда воды, — проговорила девочка — повар с грустью. Как выяснил Иван, жарочные шкафы давно погорели, овощечистка — в проекте, электромясорубка ремонтировалась. К одному из столов прикреплена домашняя шнековая измельчалка мяса, именуемая, — мясорубкой.

— У нас не ресторан, — повторяя чьи-то слова, говорила сестра — хозяйка. — Продукты свежие. Сразу идут в закладку. Меню простое — протёртые супы, жидкие каши. Иногда делаем салаты и винегреты. Прежняя повар по праздникам баловала биточками. Тая не успевает одна. Вот построим кухню, купят оборудование.

— Ваня, попробую, — умоляюще, проговорила Аня, видя, как мучается девочка, орудуя большим тупым ножом. Картофелина несколько раз падала на пол. Девочка поднимала её и пыталась тонко срезать шкурку, но пальчики замёрзли. Не получалось. Иван подошёл к крану над плитой, хотя по наледи на ступенях, на половицах коридора можно понять, что воды нет, поэтому картошку чистит повар не мытую. Он представил,

как его женушка носит воду по обледенелым ступеням, по тёмному коридору, наполняет огромные кастрюльки. Покрутив кран, коснулся батареи отопления.

— Отключили. Где-то порыв, а найти не могут. От плиты всегда тепло. Она же электрическая...

— Зато спина мёрзнет, — сказал зло Иван, качая головой. — Такие условия труда, и крошечная зарплата. На греческой галере у рабов условия были приличнее. ...Не был я там по счастливой случайности, но это, издевательство над живыми поварами.

— Иногда воду носят больные, — сказала тихо девочка-повар.

— Им нельзя на кухню, — недоумевала, Анечка.

— Иногда просим дворника. Когда у него нет работы...

— Тут должно работать четыре человека. Диетический стол. Общий стол. Детское отделение, родильное...

— Ну. ...Да, — сказала сестра-хозяйка и её щечки просто запылали огнём. — Работали трое. Дочь хирурга уехала сдавать сессию. Старший повар заболела. А главный — на пенсию ушла.

— В лесу готовили на сорок-пятьдесят человек, но только обед, а здесь... всё иначе. Ваня, я хочу попробовать, наморщила брови Аня. — Скучно дома.

Следующее утро начали Комаровы в полчетвёртого. Аня должна прибыть на рабочее место в четыре. Разыгрался буран. Добрели до больницы. Чернильный мрак разбивал свет из окон родильного отделения, где работа шла круглосуточно. Аня открыла замок, включила плиту. Хлопнула дверь.

— Иди, Ваня, Тая пришла. Разберёмся. Вода есть в кастрюле, молоко есть. Будем варить пшённую кашу. Начну перебирать.

Аня пришла поздно, принялась варить рассольник. Иван пытался отговорить, предлагал отдохнуть...

— У нас пироги остались. Сначала прикончим то, что наготовила в воскресенье, — упрашивал жену.

Неделя тянулась, как молочный кисель. Комаров не высыпался. Строители подтрунивали незлобно, говоря о превратности семейной жизни. Иван объяснял, что жена устроилась в столовую поликлиники, приходится носить воду и продукты. Это еще больше почему-то веселило строителей.

Заканчивалась Аничкина первая трудовая неделя. Иван выбирал подходящий момент, чтобы поставить вопрос, что называется, ребром, или на ребро. Это выражение, вероятно, связано с рёбрами Адама. Подходящего момента не подворачивалось. Аня пришла домой обиженная и грустная. «Ваня, а в той смене — трое. Мы и полы моем... и посуду. По отделениям носим кастрюли с борщом и кашей. Хлеб приходится резать самим. Странно как-то. Больше не пойду. Больных жалко. Они очень довольны нашими обедами, — сказала Аня, опуская плечи. — Устала».

6. Кулинарная любовь. Иван пытается бастовать.

Начался февраль — свирепый месяц карлик. Завыли в трубах метели, заплясали на сугробах бестелесные существа. Отменили рейсовые самолёты. В леспромхозах перестали валить лес. Опасно. На объектах СУ тоже тишина.

Комаровы, несмотря на пургу, бредут на работу. Иван в конторе занимается с документами. Чихает от бумажной пыли. Аня осваивает в банке специальность счетовода. Устроил её сосед Николай Круглов. Учил, подсказывал, как покорить счётную и печатную машинки. Каждое утро Аня вскакивала в шесть, готовила своему строителю. Иван удерживал её порывы, упрашивал не вставать.

— Нас только двое, — уплетал фаршированные блинчики или отбивные котлеты в кляре критик-дегустатор

— Вкусно? Правда вкусно, — говорила, блестя задорными глазами, девушка.

— Очень, — зажмурился Комаров. — Ты просто чудесница.

Однажды Иван понял, что кулинарная любовь жены до добра не доведёт. Он, показывая своё отношение к ней, обязан день за днём поглощать наготовленное, нажаренное и наваренное. Вчера остались пончики с повидлом. Аня насторожилась.

— Ты заболел? — начала нарезать булочки на пластики. — Совсем ничего не ешь. Придётся пустить на сухари. Немного готовлю. Может, что не нравится? Оладьи попробуй. Вот сметана, а это крем...

— Всё нравится, дорогая. Ты расчудесно готовишь. Мне кажется, кончилось мясо, что привозили во второй раз от родителей. Мы планировали купить пылесос и комплект посуды. Все деньги уходят на питание. Мы не съедаем и половины. Кругловы боятся заходить к нам. Ты ребятишек закармила пирожными и коврижками. Ты не обижайся. Поспи.

— Привыкла. У нас большая семья, — убирала со стола Аня. Иван понял, обижена. Постарался загладить вину, сказал:

— Когда будут здесь бегать три девочки и два мальчика, тогда мы осилим тазик беляшей и кастрюльку котлеток, выпьем ведёрко компота. Я — один, милая моя... — Он хотел сказать, что много продуктов пропадает. Поросёнок Ивана Ипатьевича и Матрёны Яковлевны Балахниных без её борща не может жить. Зарплаты катастрофически не хватает. Аня не всегда покупает то, что необходимо, но, как ей кажется, нужное. Скислась сметан. Стал издавать неестественный запах мясной рулет. Пришлось и его срочным порядком подарить поросёнку. Иван понял, оказался слабаком. Свой семейный долг не может выполнять.

Утром, застёгивая брюки, сообразил, что пуговица оторвалась не зря. Прodelав на ремне очередную дырочку, увидело, что швы на боках, у карманов разошлись. Пуговицы на рубашке не застёгивались. Взял другую рубашу. Та же история. «Я расту, — удивился Иван. Не расту, а реактивно толстею. Надо что-то делать». На работе почувствовал, что поднимается на леса не так быстро, как раньше. Дыхание участилось, словно внёс два мешка цемента. «Я каждое утро колю дрова. Все переколол. Снег сбрасываю с крыльца, дорожки очищаю. Надо заняться собой». Весь день носил с плотниками брусья на крышу. На обед не пошёл, а позвонил Ане в банк, сказал, что у них экстренное собрание участка. Аня расстроено сообщила:

— Придётся пить чай в банке, — кварталный отчёт, печатаю документы на зарплату леспромхозам.

Вечером, несмотря на то, что оставались, приготовленный утром, борщ и плов, Аня принялась отчаян-

но быстро печь чебуреки. Внимательно следила за руками Ивана. Сама ничего не ела. Убирая посуду, печально сказала:

— Ничего совсем не ел. Отказался от добавки. А чебурек только один попробовал.

— Милая моя, солнышко лесное, скоро стану я колобком твоим, — пропел Комаров, намереваясь идти на улицу и в полумраке побороться с выпавшем снегом.

— Ваня, я старалась. Вкусно?

— Очень.

— Ну, хоть один чебуречек. Кому я это напекла?

— Пойми, Аня, у меня уже обрисовался арбузный живот, как у начальника. Пуговицы на полушубке нужно перемещать. А на рубахах оторвались.

— Пришью сейчас. Купим другие рубашки. Ты не толстый. Ты — нормальный.

— Взвешивался в парной. Семь килограммов лишних. Не преувеличиваю. Ты не располнела, а я, каким стал?

— Начнётся лето, будешь строить наш домик, и станешь худым, как скелетик. Вот кружечку морса выпей и ступай на улицу. Клюквенный морс полезен при гриппе. Ваня, кто плохо ест, то неважно работает, — Комаров подхватил женушку на руки и закружил по комнате.

Рано утром, когда Аня пыталась начать свою подрывную деятельность, выскользывая из — под одеяла, Иван проснулся и удержал её.

— Одни косточки, — сказал он, обнимая жену. — Как балерина. Талию можно пальцами обхватить. Пора тебе немного добавить веса. Чебуреки едим вместе.

— Я ем, нисколько не меньше тебя. Ты не замечаешь. У меня такая конституция. У нас все дома такие. Отпусти на минуточку. Нужно борщ разогреть.

— Не нужно его греть. Я буду пить чай с булочками и сухарями.

— Я тесто поставила...

— Пусть себе стоит. А мы не станем мешать.

— Оно убежало.

— Это не наше дело. Пусть побегает, — улыбнулся Иван, глядя тонкую шейку, плечи...

Через неделю Аня спала спокойно и счастливо. Но вечером старалась приготовить оригинальное блюдо. Иван стонал, поглощая зразы.

— Ты меня перестал любить, — сказала Анечка. — Ты ничего не ешь. Тебе не нравится, как я готовлю?

— Очень нравится. Но не могу столько съесть. Готовь ещё меньше.

— Готовлю. Тебе трудно угодить. Стараюсь, чтобы было вкусно, а ты...

— Не плачь. Это мне на вред идёт. У меня лопнули опять брюки. ...Брусья грузил с Сергеем.

— Они старые. Сколько им лет? Студенческие. Угадала? Купим новые. Завтра купим.

— Я купил шифер. У нас нет денег.

— Возьмём ссуду. Банк даёт на строительство. Я оформлю. Опять чем-то недоволен. Забочусь о тебе. Вообще, не стану варить. Ты этого хочешь?

— Ценю твою заботу, Аня. Но готовь поменьше. Не могу я всё съесть. Варить, чтобы выбрасывать, это неразумно. Нам не хватает денег.

— Теперь я уже и неразумная. О здоровье нужно заботиться. Здоровая и свежая пища продлевает жизнь. А ты ноешь и ноешь, чтобы я готовила меньше. Другие

жёны не особо балуют свои семьи. Может быть, к маме уехать? Живи один и ешь камбалу в томате или котлеты рыбные.

Иван с удивлением смотрел на Анечку. Такой рассерженной никогда не видел. С чего завелась. Прошу готовить как можно меньше. Что тут такого? Живём вдвоём, а печёт таз пирогов. Сколько можно объяснять, что еда должна быть свежей. Через четыре дня эти пироги пропадают, даже если хранятся в холодильнике. Семилитровую кастрюлю борща можно есть три дня. Она же его выливает в помойное ведро.

— Аня, у нас маленькая семья. Ты варишь и выливаешь на помойку прекрасные щи и рассольники. Так должно быть? Нет. Нужно варить столько, сколько мы сможем съесть. У нас нет хозяйства. Собаки с удовольствием могли бы питаться мясными рулетами, отбивными котлетами. Ну, нет сил столько съедать. Ты это можешь понять, что порция должна быть реальной. Тебя учили, как готовить и что, но забыли сказать, что один человек не может, есть за пятерых. И не должен. Согласись и пойми. ...Я люблю тебя. Не стоит обижаться, если я не могу съесть за раз кастрюльку плова.

— Ну, ведь вкусно, — сказала Аня, вытирая глаза.
— Теперь я поняла, что у меня завелась помощница. Я уступлю. Я уеду к маме. Она поймёт меня.

— Не говори глупости. Какая помощница? Ты стройненькая, а я не влезаю ни в одни брюки, у меня нет рубах. Ты почему себя не кормишь? Не раскармливаешь, так сказать, а на мне отыгрываешься?

— Я не отыгрываюсь, я забочусь, я стараюсь, а ты не понимаешь.

— Понимаю. Разве любовь заключается в том, чтобы закормить человека до смерти. У меня начнётся

ожирение, потом диабет, потом сердечнососудистые, в конце концов, ты станешь молодой вдовой. Пожалуйста. Я люблю тебя и буду, есть, доказывая свои чувства. Вари двадцать литров компота, десять литров супа, жарь две сковородки мяса или котлет, варипельменей сорок штук, а не двенадцать. Я должен сдохнуть, но доказать свою любовь. Так трудно понять, что жизнь совместная состоит не только из обжорства... Две порции!!! А не десять

— Конечно, я дура. Ничего не понимаю. Не думала, что такая у меня будет жизнь. Считала, что ты будешь меня уважать, а ты... Толстокожий...

Иван ничего не мог понять, отчего так получается в его отношениях с любимой Анечкой. Она считает, что обязан всё съесть, но есть предел человеческим возможностям. Не хочет с этим считаться. Ешь, и всё. Куда есть, если надеть нечего. Живот скоро через ремень начнёт переваливаться. Как ей объяснить, что количество приготовленных порций должны соответствовать количеству едоков. Ну, не тупая. Должна понять, что готовить, а потом выбрасывать, обижаясь при этом на невнимание, это перевод денег, перевод продуктов. Не понимает, не хочет понять. Как жить дальше? Не давать деньги на продукты. Покупать самому.

Неделю Аня не разговаривала, спала на диване, но каждое утро продолжала, как автомат, как заведённая, просыпаться в шесть и жарить, парить, тушить. Количество пищи немного, но сократилось. Иван, молча, ел. Назло растолстею. Пусть видит, что она сделала с человеком. Пусть любит на произведение своих ручонок. Это какая-то пытка. Это форменное кулинарное издевательство.

7. Иван жалуется. Строительство дома. Полигон.

Отец, приехавший на семинар, рассмеялся, услышав жалобы сына. Таисия Сергеевна не могла нарадоваться на сноху, сдержанно молчала. Оказалась в райцентре по своим делам, вызвали в районо с обменом опыта. Порядок на кухне был идеальный. А вот сынок выглядел недовольным и каким-то нервным.

Свёкор старательно ел ватрушки, котлеты, биточки, тефтели, зразы, пельмени, манты, нахваливал сноху.

— Мать, а ты такие зразы не умеешь делать.

— Научусь у дочки, — смеялась Таисия Сергеевна. — Какие мои годы...

— Папа, ты приехал и уехал, а мне тут нажираться вдрызг до икоты, до поноса. — Жаловался Иван, когда пошли на усадьбу. — Незнаю, как жить дальше. Все деньги уходят на помойку, а частично в туалет.

— Ничего страшного, — сказал Комаров старший, — было бы хуже, если ничего не умела. Будь настойчивей. Не сюсюкай. ...Что значит, не понимает? Завтра приглашу своих.

Лесники без жеманство разместились за столом, поработав на Ивановом объекте. С завидным аппетитом отдавали должное и жареным уткам и борщу с пирогами.

— Такую дичь только в ресторане можно попробовать. — Говорил Комаров. — Хотя редко бывал в подобных заведениях. Изумительно. — Анечка сияла от похвал. И несла из кухни то стерлядку под шубой, то зимний салат и жареную картошку с грибами.

За выходные положили пять рядов брусьев. Друзья Комарова старшего и на другой день были ошеломлены, усаживаясь за стол.

— Куда мы попали, — вытирал руки инженер-лесовод Андрей Овчинников. — Я согласен каждый выходной заниматься строительством. Прямо, как на свадьбе. Пододвиньте студень, с горчицей. А это что? Какие манты? Не пробовал.

— Вот это сноха. Василий, скажи места, где растут такие рукодельницы? — расстегивал ремень под столом главный лесничий Тишин.

Анна светилась.

Стояла ясная и яркая погода, Снег, придавленный солнечным теплом, нервно таял на огородах посёлка Белый Яр. Уже обнажились клавиши — досок тротуаров, уже с крыш в отчаянье сбросился на вытаянные клумбы снег. А Кеть ещё стояла, нежась под зимним покрывалом. Гостиница, которую строил Комаров младший, за зиму подведена под крышу. Личный объект начал движение к далёкой отделке. И то, благодаря помощи отца и его коллег.

Василий Комаров выпил стакан пива, Анечка поставила какие-то тарталетки к пиву. Девушка настойчиво просила попробовать. Пришлось Ивану открывать ещё две бутылки. Комаров старший, отдуваясь, встал из-за стола, понимая сына, и, думая, что сегодня он не сможет ехать домой.

Иногда Ивану казалось, что он полигон Аничкиных кулинарных изобретений. Он — подопытное существо, которое должно есть и есть, чтобы она могла зафиксировать в тетради реакцию его организма на новый кулинарный рецепт. Во время очередного отчуждения, когда Иван, что называется, выпрягся, пытаясь забастовать, и не есть заливного рябчика, а потому что уже съел пару голубцов, оприходовал миску жареной картошки с маринованными огурцами, попробовал взять салат типа

«Зимний», но возможности его иссякли. Сил не было поднять ложку. Молодая хозяйка сказала:

— Так настоящие мужчины не едят, — в голосе послышалось ироничное и высокомерное звучание.

— Я не лес валю. Моя работа почти кабинетная.

— Кто доски складывал? Кто по выходным сколачивал ограду и сарай для дров? Кто брусья укладывает в стены? Ты же один надрываешься. Мне хочется тебе помогать. Но ты не даёшь...

— Это же после работы, в воскресенье...

— Ты работаешь, а значит, должен есть много...

— Но не столько. Ты знаешь, сколько граммов должно быть в порции? Я — смертный человек, а не гигант. Мой рост один метр восемьдесят сантиметров. Ты совсем ничего не ела. Я буду, есть столько, сколько съедаешь ты. Договорились? А вообще-то с завтрашнего понедельника буду варить я. Отдыхай. Очередь моя подошла, дорогая.

Анна поджала губы, принялась мыть посуду.

8. Кипучая жизнь. Ссора. Иван сдаётся.

Утром Иван принялся сочинять лагман. Аня следила за неумелыми действиями, подсказывала и показывала. Незаметно взяла не только руководство в свои руки, но и всю работу.

— Сделай три ящика под рассаду помидоров и перцев. Семена у меня есть, — сказала Анна, когда сели за стол. — Хорошо бы сделать теплицу. Если ты срубишь летнюю кухню и баню, станем там жить, и тогда никто не будет портить наш пиломатериал.

— Ящики приготовлю сегодня. В коммунальной столовке у Сергея рассадные ящики уже колотят. Он

поможет сделать заготовки, в сарае собью. Навоз обещал знакомый привезти для огуречной грядки.

— Ваня, доделай сарай, чтобы можно поросёночка определить. А ещё хочу кур и уток. Мама обещала привезти на развод.

— С поросёнком не получится. Нужно много корму, а вот кроликов и кур надо. Умница. Я не подумал. А сообразила, что нужно небольшое подсобное хозяйство иметь. Сделаю времянку, летом будем жить у себя на усадьбе.

— А ты вольер курам загородишь. Они должны гулять на солнышке. Ну, съешь ещё немного. Я почти всю тарелку опростала.

— Давай сделаем разгрузочный месяц. Пост начался.

— Согласна. Я умею готовить постные блюда. Тебе должны понравиться. Только ещё кусочек съешь. Я специальный соус сделала — бешамель. Вот молодец. Из-за какой-то крошечки у нас происходит раздельное ночевание. Я привыкла вместе спать. Одной скучно.

— Не вари много. — Сказал строго Иван, прикидывая у кого можно занять деньги. Ссуду оформили, а пылесос не купили. Нужно заказать сруб бани-кухни, в которой им придётся жить летом. Дни заметно удлинились. Наглая голоногая весна плясала на улицах райцентра, скакала по лесным полянам. Лёд на речках набух и потемнел. Скоро должен отправиться в последнюю дорогу. Во дворах пахло смолой, раздавались равномерные удары по дереву — это умельцы ремонтировали лодки, долбили обласки. Молодёжная улица возникла на окраине райцентра. Тайгу отодвинули два года назад, раскорчевав широкую ленту. Левый порядок застраивал сплавучасток, а правый — отдали частникам. В середи-

не просторной улицы стояло здание магазина, начали отделять детский сад. Коммунальный отдел осенью проложил дощатые тротуары. Проезжую часть улицы так размесили гусеницами трелёвочники, подвозящие строительные материалы, что образовались глубокие колеи и рытвины, заполняемые талой водой. Перейти улицу оказалось делом непростым и даже опасным. Иван помнил «брод», но вчера вечером влетел по пояс в жидкую грязь. Перед домом полчаса вытряхивал из сапог чёрный кисель, разулся и принялся полоскать в луже носки. Сначала Анна рассердилась на неловкого мужа, но, увидев его грустные глаза, рассмеялась.

Стук молотков и топоров, завывание бензопил и визг ручных циркулярок начинались с восходом солнца и стихали за полночь. В одних домах уже штукатурили стены, вставляли рамы, на других — крыли крыши. Большинство участков только начинали обустраиваться; закладывались фундаменты, возводились первые ряды стен. Очереди на пилорамах и шпалорезках растягивались на полгода. Хитроумные и предприимчивые строители комбинировали собственные станки с циркулярными пилами и строгальными приспособлениями. Люди соревновались друг с другом, стараясь к зиме войти в дома. Собирались ватаги шустрых плотников, которые после рабочего пилили, рубили, стелили заготовленный с осени мох, вколачивали шканты. Неподалёку варилась уха, жарились шашлыки, остывали бутылки с пивом и водкой в хиллом сугробике у ограды. По тротуарам прогуливались принаряженные смешливые девушки. Катили коляски с ребятишками будущие хозяйки возводимых особнячков и квартир. Получали мужчины удовольствие от настоящего горячего труда, от желания помочь другу или родственнику. На участках звучали

магнитофоны. Высоцкий хрипел о непредвиденной проблеме на судне, потому что порвался парус, а значит, приходится каяться. Валерий Ободзинский пытался заглушить Миансарову, грустно сообщавшую о том, как трудно быть чёрным котом, но как счастливо малышу топать по дорожке с мамой.

Это было такое время, когда каждый месяц в журнале «Кругозор» выходила тоненькая пластинка с чудесной песней, прозвучавшей или в кинофильме, или по радио в программе «С добрым утром». Песни волновали, и сердца трогали. Их можно было петь, не стыдясь детей и родителей.

Это было время моей молодости. Мы не думали о пенсии, не могли представить, что безработица лишит многих прекрасных специалистов куска хлеба. Нужно изворачиваться, чтобы заработать копейку на учебники ребёнку, на оплату коммунальных услуг, внести деньги в институт за учёбу сына или дочери. Страну грабили, растаскивали и продавали. Проныры и наглецы захватывали заводы и фабрики, институты и детские учреждения. И лозунг был прост, как вздох «Что не запрещено, то разрешено».

Не предполагали парни и девушки, что придёт то время, когда таёжные посёлки окажутся пустыми наполовину. Пенсионеры, не смотря на болячки, отправятся в тайгу собирать грибы и ягоды, чтобы заработать на хлеб. Побросают свои дома и отправятся в города бывшие лесорубы и сплавщики, закроются лесопункты. Птичий щебет поселится в лесосеках.

Василий Комаров уже не будет ломать голову, кого принять в пожарные сторожа, чтобы тушить горящую тайгу. Последний пожар разгорается в душах людей. Чем и как его локализовать — погасить?

...Но тогда люди свято верили в своё будущее, в будущее детей, а поэтому спешили жить, строили дома и домики, нянчили первенцев, беззаботно женились, выходили замуж. Жизнь была, в самом деле, хорошая, как писал Гайдар. Хорошие печники во все времена пользовались уважением. Водяное отопление — редкость, трубы в дефиците. Дома строили так, чтобы одна печь обогревала все комнаты. Иван в книге нашел описание экономной печи, которая охапкой дров позволяла сутки поддерживать нормальную температуру в квартире. Посоветовался с опытным печником, пообещавшим разобраться в чертежах, и сложить такую печь.

Пока высота стен позволяла работать без лесов, Иван укладывал брусья с помощником. Ему помогал сосед. Сегодня Комаров на своём объекте один. Он соорудил хозяйственный сарай. Обжигал на костре и вкапывал столбы будущего вольера для кур. Не заметил, как в калитку стремительно вошла с сумкой Аня.

— Почему на обед не пришел? — сердито накинулась на мужа. — Я жду. Волнуюсь. Борщ остывает. Блинчики теряют...

— Они сейчас потеряют. — Говорил Комаров, устраивая из обрезков брусьев импровизированный стол. — Присаживайся, примемся за работу ложками.

— Так нельзя. Время четвёртый час. Здоровье нужно беречь. — Аня расстелила на брусьях салфетку, принялась добывать из сумки тарелки, кастрюльки, ложки и половник...

— Ты не обижайся. Увлёкся. Зато теперь у нас и ограда красивая и вольер скоро будет готов.

— Стараюсь, стараюсь... А ты всё причины ищешь, чтобы гастрит заработать. — Аня осмотрела усадьбу, улыбнулась, — Огород у нас большой. Я цветы

посею. Вот тут клумбы сделаю... Ты, где руки моешь? Вот мыло. И вода тёплая. Кто же в луже моет руки?

— Анечка, что с тобой? Помнишь, по малину ходили? Откуда пили? Из болота. Самого настоящего. А наша лужа у берёзки самая чистая в мире.

— Это было тогда. В той нашей детской жизни. Мы много делали глупостей. Зря, что ли воду тащила? — Девушка всё больше мрачнела, не принимая шуток, подала полотенце, молча, налила борщ.

— Что случилось? Какая муха укусила? — Она не хныкала, не раздражалась по пустякам. Всегда приветлива, без тени уныния и пессимизма. На покосе, когда оставались одни, Аня ловко потрошила рыбу, умело варила уху, а если приносил убитых рябчиков или уток, быстро теребила перья, напевая о девчонках, танцующих на палубе.

— Ты ушёл рано утром, а я опять одна, — Анна притворно скорчила гримаску обиженного ребёнка. — Зачем замуж выходила, если приходится быть одной.

— Ну, как же ты одна? Вот мы вместе...

— То на рыбалку уехал зимой на весь день, то в субботу работал, то в воскресенье ездил за тёсом. А тогда с друзьями засиделся до часу. Я, значит, жди его, а он забыл, что женатый человек.

Иван ел. Понял, что у Ани изменился привычный жизненный уклад. Другая работа, другая обстановка. Она скучает. Обычно разговаривала с мамой, с сёстрами, делилась сокровенными планами. Теперь одна. Мало уделяет внимания. Занялся домом. В клубе были в январе. Приезжали артисты из томского театра, но не пошли. Скоро приедет танцевальный ансамбль из Дагестана. Нужно заказать билеты...

По мере того, как пустели кастрюльки, лицо Анечки становилось радостней. Шесть больших тефтелей и пюре на гарнир вполне насытили троих плотников. Как только Иван захотел отставить тарелку с четырьмя тефтелями, Анечкино лицо стало мрачнеть. Она не сводила с мужа изумительных открытых глаз. Если вдруг ему что-то требовалось, она почти всегда угадывала его желание и подавала аджику или соус, горчицу или перец. Ошибалась редко. Иван брал протянутую баночку или кусок хлеба, не показывая вида, что ему нужно другое. В такие минуты Аня становилась удивительно красивой. Иван любовался женой и ел, не замечая, что давно сыт, ему приятно следить за милой Аннушкой. Тефтели не лезли, но их нужно прикончить, а предстояло отдать должное ещё и какао.

— Помогай. Мне одному не справиться.

— Я ела. Повар сыт, пробуя и нюхая...

— Понятно, дорогая, ты опять меня эксплуатируешь, как подопытного. Ты видишь, тут три порции.

— Ты с утра ничего не ел. Мы с тобой не в столовой, а дома. Я — старалась. Ведь вкусно? Знаю, что ты опять начнёшь говорить о деньгах. Ты меня разлюбил. Твоя мама говорит, что ты привык жить по-студенчески. В армии не баловали вкусненькими блюдами. Гастрит заработать недолго, а вот лечиться не просто. Но я не допущу до такого. Не хочу видеть тебя больным. Ты мне нужен здоровым. Будешь есть всё, что посчитаю нужным...

Иван хотел сказать, что надоело занимать у приятелей деньги, потому что зарплата уходит на продукты. А расходуются они не рационально. Мог сказать, что рачительные хозяйки так не делают, но сдерживался. Устал убеждать Аню не кормить чужих поросят. Не

поняла, что любовь к мужу не должна выражаться лишь в обильной еде.

Как только речь заходит о питании, о расходе средств на приобретение продуктов, Аня замыкается, начинает плакать, словно он пытается уличить её в чем-то позорном и отвратительном. Она долго не разговаривает, но утешается тем, что варит, варит, варит. Он ест, ест и ест. Наступает ночь, когда кулинар переселяется с дивана. Тогда каждое утро он старается её задержать и не допустить до плиты.

Утром его ждали умопомрачительны оладьи из печени, фаршированные перцы, заливное мясо. Комаров смотрел на стол, как на заклятого врага, был готов сражаться с ним, не покладая рук и, не щадя, живота своего.

В то утро наступил перелом. Не заметил его, но он произошёл. Ваня перестал сопротивляться, устал бороться за своё здоровье, поплыл по течению. Понял — Анин характер тверже его, а поэтому сдался. Она победила. Добилась своего, прошла через слёзы, через скандалы. Пришивала и пришивала отрывающиеся пуговицы, застрачивала на швейной машинке разошедшиеся швы на брюках, покупала галстуки, чтобы, воспитанный ею живот, не бросался в глаза. ...Он съел всё и, молча, пошёл к двери. Спускаясь по ступеням лестницы, тяжело дышал, вспомнив, что ремень нужно купить новый. Аня догнала его на улице.

— Я знала, что тебе понравится, — радостно щебетала. — Мне этот рецепт дала Эмма Антоновна из кредитного отдела.

— А меня коллеги зовут Колобком, — горько усмехаясь, сказал Иван. Война кончилась. Не просто воевать с милой Аннушкой. Любовь не проходила даром.

Иван почувствовал, как после крепкого кофе начинает давить сердце.

9. На подворье. Бунт на корабле. Первые признаки... Токсикоз. Зря ликовал... Анна показывает когти.

В летней кухне Комаров установил газовую плиту. Пригласил мастера по проверке и монтажу газовых приборов. Плит привезли в райцентр ограниченное количество. Начальник строительного управления помог своим рабочим, выделив транспорт для закупки плит в Томске. В Белом Яру организовали газовый участок; несколько человек прошли обучение и стали развозить по квартирам баллоны с газом. В квартире Комаровых установили трёхкомфорочную плиту, но Аннушка сказала, что если они станут жить во времянке, то без газа грустно. За каких-то полтора месяца привыкла готовить на новой плите. Удивлялась, как всё быстро варится и жарится.

Диван-кровать привёзли от родителей Ивана. Аня повесила весёлые шторы на окно, натянула марлю в форточку от комаров и мух. Поставив чайник на плиту, включила радиоприёмник. Дачка понравилась соседям. Они сняли размеры и срочно принялись строить себе такую же. В коридорчике располагалась топка бани и дверь в парилку. Иван хотел установить верстак, чтобы в любую погоду строгать, пилить и сколачивать, но Анна сказала, что коридорчик довольно узок, а стружки и опилки могут воспламениться от раскалённой дверцы печи.

— Лучше верстак поставить в сарае или под навес. В коридорчике может уместиться старенький холодильник «Саратов». Тут ему не место.

Иван согласился. Холодильник пылился в сарае. Привезти надо было сразу, как только они переехали на свою усадьбу. Огород требовал пристального внимания. Грядки редиса и моркови Аня прополола два раз, подкормила всходы капусты, огурцов и кабачков. Рассада помидоров и перцев укоренялась плохо. Иван затенял нежные стебельки газетными кульками, но жгучее солнышко обожгло листья. Аня расстроилась, а Иван уверял её, что это ерунда. Обычное явление. Через месяц рассада пустит корни и зазеленеет.

— Подожди. Нельзя после обеда работать. Посиди минут двадцать... — Приказала Анна. Иван отбросил лопату.

— Хочу от ручья прокопать арык до середины огорода, чтобы воду носить.

— Мне из колодца хорошо поливать.

— Насос куплю. Ёмкость большую вкопаю. Вода нагреется для полива. — Иван взял лопату и начал размечать будущий канал. «Ручей может летом пересохнуть, докопаюсь до родников. — Думал Комаров, рассматривая русло в конце огорода. — Поговорю со старожилками, они должны помнить, когда ручей пересыхает, когда наполняется водой».

— Ваня, посиди. Чего вскочил?! Сядь. Нельзя после еды работать. Я тебе говорю, а ты не слышишь. ...Не работаешь, а лопату взял... Почему такой? Я — не девочка с погремушкой. Забочусь о тебе. — Громко вопрошала Аня. Голос её стал начальственно-строгим. Это удивило Ивана. — Не думаешь о здоровье. Почему равнодушный к моим рекомендациям? — Ворчала, не переставая, Анечка. — Плохого тебе не хочу. Понимать должен. Не маленький...

Ивану удалось раздобыть большую емкость. Хотя была ржавой и дырявой, вкопал в конце огорода. Арык не стал рыть. Отсоветовал сосед, сказав, что много земли займёт его канал. А проще выкопать глубокую яму, расчистив дорогу родникам. Как-то утром Иван рвал траву крольчатам у своего гидросооружения. Увидел у поверхности стайку мальков. Пескари. Как попали в бассейн? Не мог понять. Кинув траву двум поросётам и подросшим цыплятам, налил в корыто воду утке с утятами, которых привезла два дня назад тёща. Аня полола грядку моркови, собирая сорняки в ведро, чтобы бросить в кормушку крольчихи. Вдруг побежала в кулинарную лабораторию, чтобы сбросить в кастрюлю стебельки укропа.

Посмотрела испуганно на Ивана, собиравшегося шкурить брёвна для коровника.

— Ваня, не могу... — сказала испуганно.

— Что с тобой?

— Не могу переносить запах жареных котлет.

Иван улыбнулся, полагая, что кончились страдания, Анечка перестанет готовить — у неё аллергия, а правильнее, токсикоз. Зря ликовал. Пересиливая себя, Анечка не отходила от плиты. Варила и жарила, пекла и томила, требуя, чтобы Иван ел, не нервирова её отказами, которые она считала капризами.

— Тебе нельзя долго стоять, — урезонивал Иван кулинарку.

— Я вареники делала сидя. Всего сорок получилось...

— Ну, куда нам столько? — взмолился Комаров, хватаясь за голову. Хоть бы скорей пришел срок. Тогда жену возьмёт в свои ручки ребёнок, тогда забудет кулинарные выкрутасы.

— Не бурчи. — Приказала Аня. — Меня нервировать нельзя. Усёк? А то будет ребёнок нервным.

— Смотри, начали траншею копать. Водопровод обещают провести.

— Вообще, улицу невозможно будет перейти. Хорошо, что столбы установили осенью. Завтра я получу декретные, и мы купим сепаратор.

— Хотела пылесос...

— Ну и пылесос. Мне, кажется, что врач ошиблась. Всё пройдёт, рассосётся как-нибудь. Ты полочки сделал в погребе? ...Боюсь. Я не умею жить беременной.

— Кто умеет? Ты должна отдыхать, а не работать. Давай в субботу к маме отвезу. Лодку и двигатель испытаем.

— Ты решил меня спровадить? — надменно проговорила Аня, — Кто тебя будет кормить? Кто будет грядки полоть? И не думай. Съездим по ягоду. Малины наварю.

Поутих токсикоз. Тазы беляшей и пирогов поглощались друзьями и соседями, приходившими помочь поставить стропила, разгрузить шифер. Аня краснела от похвал. Её личико светилось в такие минуты. А за рецептом хлебного кваса приходили к Комаровой даже пожилые женщины, которые умели делать разные квасы, но такого, который умела делать Анечка Комарова, никто не умел. Беседы о квасе переходили на другие темы. Комарова могла часами рассказывать, как делать рыбные консервы, как варить тушёнку. А уж о дипломной работе рассказывала с таким восторгом, с таким радостным лицом, что соседки, отведав этого самого карася, тотчас записывали рецепт.

Иногда Аня брала банку с квасом и уходила в банк угощать девочек. Скучала без работы, скучала без коллектива. Вечером, накормив бригаду плотников, Анечка садилась за швейную машинку и принималась подшивать пелёнки. Детские одёжки Комаровы привезли от родственников, когда ездили по ягоды, помогали косить сеном. Однажды в такой вечер Иван вдруг сказал жене:

— Давай будем расписывать свои расходы. Сколько потратили на гвозди, сколько ушло на стекло...

— Это ещё зачем? — строго спросила Аня. — Я ничего лишнего не покупаю.

— Будем знать, во сколько нам обойдётся строительство... — пролепетал Иван.

— Ты думаешь, если всё записывать, то денег прибавится?

— Денег не прибавится, но нам нужно сократить расходы, которых могло не быть. Мы давно не покупали одежду. Обязательно понадобятся просторные платья...

— Хватит болтать. Надоело твоё нытьё. Не мужик, а баба базарная. Мама говорила, чтобы я не связывалась с тобой. Другие мастера и прорабы цементом торгуют налево, а ты ни украсть, ни покараулить не можешь. Я забочусь. Ты не понимаешь, будто я хочу тебе сделать плохо... зудишь, как комар.

— Сама-то не хочешь толстеть.

— Не кричи на меня. Моду взял покрикивать. Хватит из меня верёвки вить. Не позволю. С пьянкой твоей покончу. Каждый день бутылки берёшь. Бригаду плотницкую привёл бы свою на выходные. Пусть строят. Они профессионалы. Наряд им закроешь, побольше начислишь.

— Ты не кормишь меня, а закармливаешь, как бобра. У меня одышка. Ни один костюм не сходится. Ты не успеваешь пуговицы переставлять и пришивать...

— Значит, я виновата? У тебя такая конституция.

— Попробуй, я не съешь. Ты сразу — на диван, и молчишь, как рыба.

— Не нравится? Уезжаю к маме. Худей на здоровье. Неблагодарный. Ты и дом будешь строить пять лет такими темпами.

— Что с тобой? Откуда у тебя такое?

— Надоело копейки считать. Если бы не мои родители, так с голоду подошли. Шапку мне песцовую ты купил? Пальто ты купил? Мама заботится и папа. На твою зарплату не больно разбежишься...

Иван молчал, поражённый. Жена показала своё отношение к нему. Обида терзала его. Не свои слова повторяла добрая Анечка. Что же случилось? Сам виноват, если обозвала. Кто-то её научил. Она не могла сказать такое.

— Не по носу. Правда всегда глаза колет. Жить бы научился, как люди, а потом женился. Ох, и дура я, летчик сватался из авиаотряда. Журналист предлагал в Томск уехать, а не прозябать в этой дыре.

Наступила зловещая тишина. Почему ссорились Комаровы? Ещё недавно это была дружная семья. Молодые присматривались друг к другу. Теперь выясняют отношения. Добрый Иван послушно исполнял волю жены. Не восставал. А если роптал, то очень робко и заискивающе, боясь обидеть милую жену. Анечка подспудно понимала, что она теперь будет отвечать за всё, её указания должны выполняться без рассуждений, без сомнений. Только она станет рулевым на семейном корабле. Ваня будет делать то, что скажет она. У них в семье

так. У неё в семье не должно быть иначе. Она постарается устранить скандалы. Когда мужчина пытается поднять голову, вопрошая, дескать, кто в доме хозяин. Пусть себе считает себя головой, но жена-то — шея. Её мама — настоящий пример для дочери. Ваня не догадался о своём положении, но огорчился странностям в поведении жены. Он не стал топтать ножкой, не помчался к друзьям искать утешения, хотя вполне мог, мог, доказывая свою состоятельность, купить водочки и выпиться. А что могут нынешние мужчины, доказывая свою значимость? Ушло то время, когда женщина не могла одна воспитывать детей, не могла жить, добывая пропитание. Нынче иные женщины зарабатывают больше своего главы, которого сократили на работе, а он не привык ещё крутиться и вертеться. Просто не умеет жить иначе. Что теперь делать нашему Ивану? У него из рук вырван жезл власти, а он не понимает, что стал инструментом в руках коварной жены. Она использует его в своих целях. Анечка, используя кулинарию, разрушила авторитет любимого, совершила семейный переворот. Её оружие - миска пельменей, образно говоря. Вы понимаете, читатель. У вас не так? Поздравляю.

Прошло полчаса. Тишина спокойно разгуливая по квартире Комаровых. Иван включил радиоприёмник. Потекла музыка Равеля, а скорей всего, Брамса. Да, Брамса. Музыка их помирила. Страсти улеглись. Анна вызывающе говорит:

— Не надейся. Не уеду. Кто будет поросят кормить? Кто утяткам воду поменяет? Нет. Не поеду. Лёгкой жизни захотел? Райка и траву не будет крольчатам рвать. Если и нарвёт, то не подсушит, а станет кормить мокрой. Марганцовку не будет лить в воду. Рано обрадовался. Не получится у тебя лёгкой жизни.

10. *Побеждённый ищет выход. Поздно...*

Утром пришло окончательное примирение. Иван переживал ссору, но простил жену, полагая, что беременность сделала её жестокой и крикливой. Он ошибался. Мужчины не дальновидны, они и добры, и нежны. Они ласковы и сентиментальны. В знак прощения, разрешила ему готовить так, как хочет.

Анечка конспекты подарила сестре. Иван, выписав рецепт на листок, пытался всё делать по указаниям авторов. Но авторы сами не всегда готовили, поэтому опускали главное. Они рассчитывали на тех, кто мог кое-что, но Комаров умел варить уху и картошку в мундирах. Он метался по кухне, роняя, проливая. Не успевал перевернуть или помешать одно, как начинало пригорать другое. Рис слипся, мясо пережарилось, лук забыл крошить. Борщ почему-то пах мылом. Оказался какого-то бледно-розового цвета. «Ничего, — успокаивал себя Комаров. — Первый блин комом, но не Боги...». Не знал, что пословица имеет продолжение: не боги горшки обжигают, но мастера. Ему до мастера далеко.

Разбудив жену, она притворялась спящей, предложил отведать завтрак. Аня осмотрела его руки. Не увидев бинтов и волдырей, удовлетворённо вздохнула. Её опасение не подтвердилось. Иван не порезался, не обжегся. Остался живым.

— Теперь у тебя будет отдых. Твой личный повар выполнит заказ.

Аня ела, пахнувший мочалкой жиденский борщ, пыталась есть плов с привкусом «пожара». Компот получился на тройку. Иван понимал, его еду можно есть, но

сначала поголодать неделю. Не удержавшись, спросил, как это обычно делала Аня:

— Вкусно?

— Очень. — Сказала, улыбаясь, Анна, целуя при этом гиганта кулинарного искусства. — Открой свой секрет. Как можно приготовить еду, которой нельзя отравиться с первого раза. У тебя нет практики, но ты смог сделать нечто съедобное. Я сражена. В плов лучше обжаривать морковь, а не свёклу. Третий сорт — не брак.

— Я перепутал. — Схватился за голову Иван. — Балда. Исправлюсь, моя дорогая учительница. У нас плов марсианский. Я сварил на две порции. А хватит, как мне кажется, на обед и на ужин. Борщ нужно развести водичкой. Пересолил. — Иван говорил, говорил, и сам себе был противен. «Не умею воровать, не умею жить. Уйти? Куда? Ребёнок не должен жить без отца...»

— Вода выкипела. — Иван убедился, проиграл кулинарный поединок. Можно сдать. Подготовка еды труднее, заливки фундамента. — Спасибо, что ела. Побегу кормить и поить. ...Когда ты успела? Почему я не видел?

— Я, коллега, всё поняла, — улыбаясь, сказала Анна, запахивая полы тесного халата.

Комаровы начали новый виток семейной жизни. Прошёл первый год, год очень важный в отношениях молодых. Они скрестили в поединке свои характеры, свои взгляды. Победил сильный.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Прошло тридцать лет. Собрались на очередной юбилей дети Комаровых, приехали с внуками и мужья-

ми. Тесно в старом доме. Шумно. Немного выпили домашнего вина. Начались разговоры, и потекли ручьи воспоминаний.

— Папа, а помнишь, когда мама уехала в санаторий, ты сварил нам манную кашу с мясом, — сказала Оксана.

— А марсианский плов со свёклой? — Встала старшая Алёна, наливая чай дочери Ангелине. — Кислый, пузырится, фантастика.

Три зятя дружно пьют пиво, лущат вяленую рыбу. Они спортивные и веселы. Завтра едут на покос. Это символично. Покосят сено двум козам, смечут в стожки десяток копён. Это традиционный отдых — выезд на природу.

Вера заставляла сына есть окрошку. Вова сопротивлялся, говоря, что поел, что ему не помешает добавка тортика, который она испекла. Анна смотрела на крупногабаритных дочек, думала, что зря заставляла, есть жирные утиные тушки, зажаренные в духовке, зря научила солить и коптить сало, делать колбасу и печь торты. Из стройных очаровательных девушек превратились в полных, хотя и добрых жён и матерей. Но болезни стали привязываться. Дети стеснялись располневших матерей, которые выглядели не эстетично и не опрятно.

Анна выиграла кулинарный поединок. Закармливая детей и мужа, думала, что проявляет заботу о них. Победителей не судят. Но удовлетворения от победы нет. Муж белит и красит, стирает и гладит. Зависть гложет соседок — в семье тихо и благополучно. Ни ссор, ни драк. Дружно и счастливо живут Комаровы.

— Сходи-ка за минералкой, — приказывает Анна. Иван, молча, берёт пакет. Оксана предлагает сыну Сер-

гею прогуляться с дедом до магазина, но мать возражает дочери:

— Пусть мальчик отдыхает. С дороги, устал. Ему полезно ходить. Совсем жиром заплыл. Дышать не может. Двигаться лень вашему папе. Перед телеком всю зиму просидел, не слезая с дивана.

Иван борется с полнотой. Сахар в крови — 15, развивается диабет. Давление высокое. «Скорая» приезжала в понедельник.

— Что вы хотите? — полушутя говорит Анна Ивановна, — Папа у вас полный, мама у него была полной, тётки — полные, братья и сёстры двоюродные не страдают худобой. Наследственность. Ешьте меньше, дети мои. Вот и весь секрет похудения.

КУКУШКИНЫ СЛЁЗКИ

Эскиз киносценария

1.

Запахи вокзального туалета не смущали Петра.

Приходилось дышать и не такой вонью. Глядя на своё искажённое отражение в старом зеркале, отметил худобу и бледность стареющего лица. Острая бритва легко снимала мягкую щетину. «Укатали Сивку крутые горки, — подумал Панькин, смывая остатки пены с седых висков, быстро пригладил редкие пегие волосы. Рядом жужжал электробритвой высокий парень в полосатой майке — тельняшке с ярко-голубыми полосками. Вытряхнув в урну из бритвы волосы, парень два раза дунул в неё, открыл фиолетовый флакон. Пётр собрался уходить, но запах остановил его. Незнакомец, приветливо улыбаясь, подал флакон. Пётр машинально взял его ухоженными длинными пальцами с распухшими суставами и плоскими ногтями, поднёс к перебитому длинному носу, задумчиво возвратил флакон. Он никогда не пользовался ни одеколоном, ни туалетной водой. Знакомый запах насторожил Петра Ивановича Панькина, покинувшего час назад душное купе фирменного поезда «Алтай».

Шёл Пётр по перрону; — высокий, сутуловатый с крохотным портфельчиком из коричневой кожи. Люди поспешно уступали ему дорогу, опуская глаза. Плоский подбородок с ямкой в центре неестественно был выдвинут вперёд, а светло-жёлтые глаза пронзительно смотрели перед собой, касались людей, но, ни на ком не задерживались. Пётр Панькин никого не видел. Взгляд пронизывал встречных, тонул в дальней дали. Запах

преследовал, как голодная овчарка. Волновал и тревожил. Пять раз Панькин измерил Барнаульский перрон журавлиными ногами в импортных туфлях неопределённого мышинового цвета, пять раз бросал взгляды на висящие большие часы с чёрными равнодушными стрелками. Неожиданно резко встряхнул чемоданчик, словно хотел услышать, как поведут себя предметы, уложенные внутри друг на друга, быстро зашагал к высоким вокзальным дверям. Панькин принял решение.

2.

Кончился пыльный городок Рябцевск кладбищем справа и дымящейся травой — слева. Панькин увидел высокую часовню, догадался, что старое кладбище закрыли. Теперь последний путь покойников стал длиннее. Сколько тут не был?

Вспомнил, как грузотакси, буксуя в глубоких колеях, ревели двигателем, выбираясь на край дороги вдоль скошенного пшеничного поля. Парни таскали из ближней копны мокрую солому, бросали под колёса. Их было двенадцать. Уже остриженные наголо, отрешенно — весёлые, задиравшие друг друга. Он молчал. Не было тогда ни лесополос, ни высоких ажурных мачт линии электропередач. Плоская щетинистая от стерни степь лежала во все стороны, растягивая горизонт с приклеенным небосводом, по которому тяжело ползли лохматые низкие серые тучи, предвещавшие снег. Какой же это был год? Пытался вспомнить то время, когда повезли служить родине. Долго ей служил. Служил бесплатно, без взаимной любви и привязанности.

— Села вашего нет, — сказал неожиданно водитель «Нивы», полагая, что пассажир потребует развернуться, но он молчал. — В прошлом году ещё жила семья казахов, пасли десятков овец на полигоне.

...Полигон был. Испытывали технику. Хорошую технику. Эта техника раскатывала по остаткам саманных изб
...Сначала закрыли школу. Потом магазин. Колхозы укрупняли. Стирали грани между городом и селом. Достигались, что от многих сёл остались названия.

— ...Я тоже в таком селе вырос. Бригада называлась номер три. А был колхоз с громким названием «имени цэка». Заводы закрылись. Народ разбежался. Токарем работал. Парень мой поступил в институт. Учился хорошо, но ввели платное обучение. Пришлось переквалифицироваться в таксисты. Дорогу знаю, попробую проехать. Сейчас поворот будет. Березовый Лог. Там у меня тётка жила. Детей учила. Матрёна Павловна Поморцева. Настоящий коммунист. С совещания из города шла и замёрзла в степи.

— Она меня учила, — глухо сказал Панькин. — Останови. Не ломай машину.

— Пять километров. «Нива» пройдёт. По такой жаре долгим путь покажется.

— Я не спешу. Не жди.

Панькин распахнул коричневый портфельчик, высыпал содержимое на сиденье, из-под денежных серозеленоватых пачек достал паспорт в голубоватой обёртке. Обшарпанный, потерявший воронение, Бельгийский браунинг малого калибра сунул в брючный карман.

— Это — мне. Остальное — твоё. Считай, что Матрёна Павловна оставила наследство. Учи детей.

Водитель частного такси отупело смотрел вслед удаляющейся тощей фигуре незнакомца, которого подхватил у автовокзала. Мужчина пугливо смотрел на деньги, на уходящего незнакомца. Он прикинул, сколько это будет по курсу; понял, что и за десять жизней не сможет столько заработать.

Высокую дорогу с изжёванным асфальтом справа и слева охраняли редкие берёзовые лесополосы. В прогалах высывалось жёлто-зелёное пшеничное поле. Панькин шёл по заросшему редкой сивой полынью разбитому просёлку. На горизонте темнели густой зеленью берёзы. Огромные округлые клубы сахарных облаков громоздились друг над другом, словно старались придавить нижних к земле. Там, впереди его родина — Берёзовый Лог. Запахи трав, которые забыл за много лет, вошли в него, разматывая ленту воспоминаний.

Послевоенный хлеб был горек. Много полыни росло на полях. Мама болела. С трудом выполняла работу по дому. Пряла и вязала, перешивала и кроила соседям за банку молока рубашонки и штанцы ребятишкам. Он пропадал на конном дворе, ловил сусликов, ставил мордушки в пруду. Выполнял нехитрые поручения конюха. Бригадир конюшни — одноногий дядька Ларя — заметил расторопного паренька, через день рисовал в тетрадке против его фамилии палочку. Две младших сестры — золотушные и сопленосые, но ласковые существа нуждались в нём. Он выливал сусликов, снимал шкурки и мчался домой, срывая верхушки лебеды и крапивы. Мама варила похлёбку. Издалека приезжала бабушка. Находила пахаря, добывала у дальних родственников и знакомых в соседних сёлах картошку для посадки. Пётр не помнит, где жила бабушка, но помнит её посылки с мукой и крольчиными выжарками. Зимой Петя приносил в больших старых валенках овёс, пшеницу, подсолнечник. Толок в ступе, варил кашу, а семечки жарил на металлическом листе.

Затерянный в степи посёлок жил своей тягучей жизнью, которая отставала от событий в районе, в стране. Длинный широкий лог, окружённый берёзами, пере-

прудили ещё в пору коллективизации. Запустили мальков. Каждое утро Петя забрасывал удочку с крючком из согнутой иголки, сидел в тени старой ивы, сторожа корчаги, сплетённые из прутьев. Летом перед воротами выкладывали коровий навоз, поливали водой, месили долго и старательно. Формовали станками кирпичи, выкладывали на полянах для просушки. Это было топливо.

Петя, идя с рыбалки, прихватывал пару подсохших кирпичей, забрасывал в заросли конопли, окруживших старый покосившийся сарай. Поймали. Большинство женщин закрывали глаза, видя, как паренёк подбирает сломанные или целые кизяки. Дородная жена агронома, больно крутила ухо и хлестала прутом по спине, приговаривая:

— Не тобой положено, не тобой и возьмётся. — Он молчал. Не просил ни прощения, ни пощады. С кизяками его приконвоировала агрономша к школе.

Учительница ничего не сказала. Поняла, что произошло. Пообещала воздействовать на мальчика. Матрёна Павловна завела в свою комнатку, пристроенную к зданию школы и, наложив полную миску гречневой каши, ушла. Есть Петя не стал. Подумал, что это будет предательством, если поест ароматной каши, а сёстрам придётся довольствоваться пареной тыквой. Сорвал со стены портрет вождя, одарившего детвору счастливым детством, высыпал из тарелки кашу, аккуратно завернул плакат. Огородами промчался к своей саманушке. Перелезая плетёную ограду соседей, задел пакетом за сушок, каша рассыпалась. Заплакал. От боли, от унижения и от того, что не смог донести девочкам вкусную кашу. Матрёна вылила в миску две ложки растительного масла. Конечно, ей сделает что-нибудь хорошее. Знает, что

это будет. Наловит рыбы из дальнего пруда. Петя собирал с травы кашу. Стряхивал соринки, песчинки.

Скоро пойдёт в колках земляника, слизун и щавель. Мать давно варит щи из крапивы и лебеды. Картошку, что накопал с другом Колькой Пичугиным, засыпал в погреб, украли зимой. Унесли всё. Не оставили ни морковки, ни свёклы. Колхоз им помог — вырешили два пуда ржаной муки на затируху, но привезли почему-то мало. ...И десяти килограммов не оказалось. Петя принёс от соседней безмен. Тётка Лидка возмущалась, говоря, что это завхоз прикарманил, что нужно пойти к председателю с этим кисетом. У матери болели ноги. Она простудила их ещё в ссылке, когда оказалась в Томской области. Ходила с двоюродными сёстрами по клюкву и провалилась на озере под лёд. Ноги лечила тётя — Екатерина Егоровна; и травами, и мурашиным спиртом, но ревматизм не отпускал. Работать женщина не могла. Пенсию ей не дали, сказав, что вполне здоровый организм, а что ноги не ходят, так это оттого, что кара Божья кулакам назначена ещё до коллективизации.

История с кизяками получила продолжение. Утром Петя пришел в школу, его начал задирать мальчишка из четвёртого класса. Он бы победил, но сзади подкрался сынок бригадира и присел. Петя оступился, упал. На него набросились сразу трое. Учительнице кто-то сказал о драке. Матрёна Павловна выбежала на крыльцо и пронзительно закричала. Драка распалась. Поднимаясь по ступеням крыльца, Петя вдруг сказал:

— Запомните. Всех постреляю из отцова нагана.

— У тебя и отца никогда не было. Ты — сураз. Нагуленный. — сказала дочка бригадира Иванищева — белокурая отличница Тая.

— Мой отец — танкист, — сказал мальчик, вытирая кровь. — А твой — в тылу ряху наедал, от фронта дезертировал.

— Ты, если хочешь знать, мой папа выполнял партийное задание.

— Знаем это задание, — усмехнулся Терёха Завидин, начавший драку, — Правда, Сураз? Он девок по баням шушкал. А кто не пойдёт, так дров не выпишет и работой замордует. Ты мне дашь стрельнуть с нагана?

— Я тебе не сураз, — сказал Петя и ударил обидчика кулаком в лицо.

— Самый настоящий сураз, — заплакал Завидин. — Всё папе расскажу.

— Дай ему, Петька, за Сураза. — загомонили мальчишки.

Он не прощал обиды. Бросался коршуном. Его били часто, но мальчик не сдавался. Через два дня, через три подкарауливал наглеца и давал трёпку. Родители стали жаловаться на Панькина директору школы, звонили в роно. Перечислялись порванные рубахи, разбитые носы.

Его исключили из школы. До конца учебного года оставалось три недели.

Панькин пришел в своё детство. Оно жило в нём слабым росточком. Пряталось в памяти на самом дне. Зачем сюда пришел? С какой целью? ...Он им больше не слуга. Хватит.

Пруд покрылся ряской. На местах, где стояли саманные избы, кучи глины и мусора. Буйствовала конопля, на огородах распорядился клён. Запустение и тлен. Следы гусениц машины, которая легко ползала по саманным развалинам, по оставленным фундаментам.

Пётр срывал листья и цветы люцерны, растирал в пальцах и нюхал. Искал тот запах, что был когда-то здесь. Но где он? Кусты мальвы, словно в насмешку играли разноцветьем лепестков. Пётр сорвал бордовый цветок шток — розы. Нет и это не то. Что так пахло в то время? Вот тут был конный двор. А здесь стояла школа.

Учиться хотел. Легко давалась математика. От обид убежал в степь, и читал. Здесь стоял саманный домик, где жили. Вот и остатки того листа, на котором жарил семечки. Лист живёт своей ржавой жизнью, а матери нет. Любил ли её? Заботился. Старался облегчить жизнь. Помогал, как мог. Плохим рос помощником. Вернуть бы то время. Всё могло быть иначе. Он сделал тележку на шарикоподшипниках, катал по улице сестёр. Где же они? Как сложилась жизнь у Таи и Феоны? Где ихние суразы? Разметала жизнь по чужим углам. Откуда тут битые кирпичи? Из темной глубины далёкого неба, с солнцем — пробитой кровавой раной, тянутся к бывшему поселку кружева жаворонков. Слушает их Панькин, как в детстве, лёжа на песчаном курганчике.

Был подпаском. Коровы, спасаясь от настырных слепней, забредали в пруд, стояли, отгоняя хвостами насекомых. Старый пастух под кустом ивы чутко спал, иногда посматривал на солнце, на стадо, лежащее на вытоптанном берегу.

Он ловил карасей. Разводил костерок, жарил две-три рыбки, чтобы заглушить голод. Вечером добывал из пруда леску из конского волоса с насаженными карасями и спешил домой. Есть хотел постоянно. Искал старый щавель, копал пучки и саранки. Дед Гавря рассказал, как раскулачивали деда, отбирая лошадей, выгребая семенную пшеницу.

— Твой дед не хотел идти в колхоз. Такой настырный был. Кремень. Не богач, но за ножиком не ходил к соседям, чтобы сало порезать. Всё у вас было своё. Он не хотел отдавать нажитое добро в общественную кучу. Будто знал, что лошадей опоят нерадивые конюхи, что коровы запаршивят и не станут нормально доиться. Увозили твоего деда и семью старшего сына Андрея зимой. Твою маму взял к себе отцов брат Егор. Он был бригадиром, а в гражданскую воевал командиром роты в Змеиногорском полку крестьянской армии Ефима Мамонтова. Через год и Егора с семьёй, как врага народа, отправили в Нарым. На партийном собрании в уезде покритиковал начальство за перегибы руководства и приписки. Так стал врагом советской власти. Это было просто, и никто не вступился, не учли и его заслуг. Вот какие дела творились. Потом разобрались. Дядя Андрей умер от надсады. Дом строил. Дядька Егор был реабилитирован, но по дороге домой его арестовали за драку и припаяли политическую статью. Он избил милиционера, который пытался отнять мешок с просом у пожилой женщины. Заступился. Вот и получил путёвку в Сиблаг — строить железную дорогу. Из ссылки вернулся только дед — Антип Владимирович Панькин и твоя мама Люба. В гражданскую у твоего деда убили сына белые. Молодой был, а поэтому глуповат. Младший дедов сын Костя служил в штабе Мамонтова по секретной части. После войны стал художником. Уехал в Москву, говорят. Попроси учительницу написать письмо московским художникам, чтобы сказали адрес твоего дядьки. Ты вон как рисуешь баско. Может, и выучился на чертёжника-землемера. Они страсть, как много получают. Мог и в школе учителем. ...Что за корова такая! — воскликнул старик, привставая на локте. — Куда поёр-

лась? Сейчас всё стадо за ней потянется. — Петя вскочил, подхватив с земли длинный ремённый кнут. Резво побежал наперерез проказливой корове.

Тени удлинялись, переговоры перепелов становились отчётливей. Белым обмылком выскользнула луна. Пахло чабрецом, полынью и молоком. В поднятой пыли сновали мушки. У фермы, крытой камышовыми плитами, застрелял тракторный пускач. Это дядька Лазарь Глухов заводит старенький тракторишко ДТ. Вот если бы научиться управлять техникой, тогда смог заработать много трудодней, увезти маму на грязевой санаторий, — думает Петя, глядя, как забредают коровы в свои дворы, как мальчишки и девчонки подгоняют их хворостинами. Кончился ещё один душный июльский день. Он упадёт через несколько минут на доски кровати, не услышит, как мама мажет ему обгорелое лицо и сбитые ноги суслиным салом. Во дворе на таганке девчонки будут помогать матери варить уху. Пошатываясь на кривых ножонках, станут тащить из соседского плетня сухие веточки и толкать в огонь под чугунок. А он будет спать, видя во сне рябь пруда и белый поплавок из гусяного пера, уплывающий в тёмную глубину.

Панькин подошёл к раскоряченным старым вёслам. Плотина разрушена, и пруд давно ушел. Небольшая лужица, поросшая ряской, забита разной, отжившей свой век, хозяйской ветхостью, которая обычно тянет свой срок на свалках и помойках. От пруда несло тиной и сероводородом. Пруд когда-то пах мокрым деревом и рыбой, а теперь от его трупца несло обыкновенной падалью, пропастиной.

Вновь вспомнился тот день, когда Гавря поведал ему историю появления на свет. Не верил старику, хо-

тел ударить по белой плешивой голове обломком кирпича. Старик говорил тихо, печально и, надсадно кашляя, хрипящими лёгкими. Его простоквашные бельмастые глаза с красными веками сочились мутной влагой.

Вернувшись из ссылки, дед Панькин определил в дом престарелых пожилую жену, а сам стал бродить по селам с восьмилетней внучкой Любой. Попытался старик вымолить справедливость у новой власти. Доказывал, что по ошибке его сынов признали кулаками и отняли нажитое. Улещал на коленях председателя сельсовета возвратить ему старый амбар, который бы переставил под жильё.

— Советская власть не ошибается, — скалил белые волчьи зубы сын первого богатея Георгиевки — Иван Петрович Тарусов. — Стало известно, как воевал с партизанами твой братец. А ты — белая сволочь. Служил у брата разведчиком. Андрей твой передавал сведения дяде генералу. Архивы всё сказали. А при штабе Мамонтова в агитотделе был кто? Костя — твой младшенький. Тоже шпионил в пользу белых. Только белые получают диспозицию полков, а Ефим Мефодьевич быстро все планы нарушит. Белые изготовятся к атаке на слабый полк, а их встречают пулеметами. Где Костя? Скрывается ваш художник. Найдут и арестуют. Нет тебе, старик, места. А про амбары свои забудь. Мой тятя мельницу враз сдал в коммуну, а ты упрявился. Егор первым вступил в колхоз. Хитрый, собака, дальновидный, а ты тупо лез под колёса красного паровоза. Вот он тебя переехал.

Гнали Панькина власти из сел, не разрешали ночевать у знакомых. Попытался уехать, но с поезда сняли, отправили обратно в свою волость, как нарушителя — босяка, шатающегося без дела, занимающегося неза-

конным лекарничеством. Запуганные сваты тайком выносили узелки с едой и, вытирая глаза, кланялись поясно, извиняясь. Решил старик жить в бору, как волк. Вырыл берлогу, но зимой его выследили лесники, когда поймал в петлю лося. Мясо отняли, спровадили в уездную тюрьму. Внучка оказалась у старшего полещика в няньках. Жена полюбила старательную девочку. Зимой даже отправляла в школу. Прошло несколько лет. Люба выросла в симпатичную статную девушку. Работала по дому, ухаживала за скотиной и ребятишками. Но выгнали её. Приняли в колхоз поварихой. Через обыкновенное время родился мальчик Петя. Жили на бригаде до холодов. Потом определили Любу в сторожихи конного двора, вменив в обязанности ухаживать за лошадьми. Бригадир начал утеснять молодую мать, всячески изнуряя работой и придирками. За растрату колхозного овса судили. Через два года вернулась с мужем. ...Пётр помнит кашляющего мужчину, у которого бледное лицо и тонкие пальцы с толстыми суставами. От папы Аркадия остались две девочки и толстая книга «Капитал».

Старик Панькин жил при уездной тюрьме истопником и сапожничал. Менялись председатели сельсовета, изменялись азимуты строительства социализма. Старика оставили в покое. Он купил саманную избушку в Берёзовом Логу, соорудил из лозы сарай, обмазал глиной, завёл несколько овец и коз. На следующее лето расширил саманушку, превратив в небольшой, но тёплый домик. Пётр помнил деда, помнил, как он плёл ульи и обмазывал глиной, помнил, как нужно плести из лозы корзины и корчаги. И это умение пригодилось не раз и не два. Глиняная пасека дожила до осени.

Председатель согласился развивать колхозное пчеловодство на тех условиях, что вкладывать средства не

станет, но каждый год будет столярная мастерская поставлять бочки под мёд и домики для пчёл.

Ревизия установит, что председатель незаконным образом оформил пасечником врага народа, обнаружат, что его трудовни приписаны родственникам. Возникнет постановление об уничтожении пасеки. Приедет милиция и начнёт давить трактором глиняные ульи. Дед Панькин распишется в акте и скажет страшные слова:

— Много разных дураков видел при царе, новые дураки дурнее старых дураков.

Арестуют Антипа Владимировича за оскорбление представителей власти при исполнении трудовых обязанностей. Уведут старика. Поплетётся он за ходком уполномоченного. Над полянкой в березняке будут метаться в тоске пчёлы, оставшись без домиков. Тракториста, вызвавшегося раздавить ульи, пчёлы зажалют до смерти. Его не довезут до больницы. Петя стоял у балагана и смотрел на разломанные рамки, восковые соты с расплодом и думал, как спасти дедов труд, как помочь пчёлам вновь обрести домики на полосьях. Что он мог сделать? В восемь лет. Больше деда не видел. Разве в снах.

Спустя много лет встретится ему личность, которая хлопнет по голенищу хромового сапога и скажет, дескать, эти сапоги сточал дед Панькин, ты мне сошьёшь такие. Ты тоже Панькин. Тоже из Березового Лога. Хотел сказать, что мозоли натрёшь от моих сапог, но научили молчать. Смолчал.

4.

Весенними днями сходились мужики и парни у кузни, будто мухи на сахар слетались. Кузница стояла на берегу пруда за старым саманным птичником. Перед кузницей широкая поляна, на которой осенью был ток,

куда свозили пшеницу и подрабатывали ручными веялками. Весной эта поляна просыхала быстро, и мальчишки устраивали игры. До звёзд шумно на поляне. Раздавались удары по мячу, крики одобрения. За игрой в лапту наблюдали взрослые. Курили самосад, обсуждали новости мирового масштаба, говорили о погоде и строили прогнозы на урожай. Иногда забирали у мальчишек катанный из коровьего волоса мяч, брали черенок от кувалды и начиналось. К вечеру приходили женщины за своими мужьями.

Небесная синь глубока и тверда. Поэтому и журчали жаворонки, словно приклеенные к ней. На гнилье угла кузни выползали и красно-чёрные букашки. У них обсуждались свои проблемы. Лёгкий порывистый ветерик приносил из степи запахи сырого напитанного водой снега и терпкий аромат чабреца. Кузнец Левыкин и его помощник Ероха — придурковатый парень с жеребьячим лицом — ремонтировали бороны. Вызывал молоток кузнеца, ухал молот, вздымаемый сильными руками парня. В немытое стекло бьётся большая чёрная муха. Кузнец кладёт набок молоток и бросает поковку в квадратную лохань с чёрной водой. Ероха снимает вязанную рваную рукавицу, вытирает лепёшистый нос и, сделав шаг, наотмашь хлещет по стеклу. Муха лежит среди всякого железного сора, набросанного на мазутном верстаке, к которому приверчены небольшие тиски, ими редко пользуются. На толстом сосновом чурбане укреплены мощные тисы. Они отливают угольной чернотой. Рукоятка заблестела, но если присмотреться, то можно обнаружить жёлтые пятна ржавчины. Через неделю они исчезнут. Рукоять станет сверкать серебром.

— А кто влюбка? — говорит Ероха в нос, прихлёбывает из глиняного черепка чай дегтярной черноты. — До первой кровянки.

Мальчишки, польщенные вниманием силача Ерохи, которого в деревне никто не может победить, притихли, выжидая, кого молотобоец первым призовет выйти на состязание. Тут не спрячешься за спину приятеля, не скажешься больным. Нужно показать, что ты настоящий пацан, а не хлюзда девичей породы. Если откажешься биться с соперником, то не надейся, завтра никто не захочет с тобой дружить, делиться куском пирога или секретом. Старшие ребята не возьмут в ночное, не примут в лапту. Будешь один сидеть в сторонке, как больной свинкой или просто, как ненадежный, с которым не стоит даже рядом стоять.

— Слабо тебе, Тухма, насновать в этом году Суразу? — говорит кузнец, закладывая табак в кусок газеты. Ваня Тухмин — сын агронома. Рыхловатый крепыш с большой головой и длинными руками. Он второгодник, дерётся не по правилам. Бьёт коленом под живот, хватает за горло а, схватив за рубаху, берёт на калган. Многим мальчишкам выбил зубы. Из школы его давно пора исключить, но... Папа всемогущ. Его боятся. А больше всего боятся в деревеньке его жену, работающую заведующей молочно-товарной фермой. Ваня выходит на улицу с творожными шаньгами, но ни с кем не делится, приговаривает: «Всем давать, не успеешь штаны снимать».

С Ванькой никто из нормальных мальчишек не дружит. Вокруг него вьются золотушные малолетки, подчиняются беспрекословно, заглядывая в рот, надеясь получить разрешение покачаться на больших качелях, установленных во дворе за тесовым забором Тухминых.

В прошлом году победил Ванька, легко расправившись с тщедушным пастушком. Он захватил шею, прижал к себе голову Панькина и бил кулаками в живот. Оторвался ворот рубашки, отлетели пуговицы. Петя не сдавался, хотя из носа текла кровь, а оба глаза затекли опухольями.

— Увёртывайся, — шептал на ухо Ероха. — Он прёт, как бугай, а ты ударь и отскочи, держи его на кулаке, не давай схватить за шею. Бей так, будто спасаешь своих сестёр.

— Чего ты стравливаешь пацанов, — встал тракторист Лазарь Глухов, отряхивая солдатские замасленные бриджи. Они тебе не щенки...

— В жизни всё пригодится, — скалил жёлтые зубы молотобоец. — Чтоб ни одна тварь не смогла обидеть.

Как обычно, Ванька бросился вперёд, но, получив в лоб, остановился. Бросился ещё раз, но Петя ударил его по уху и отскочил. Мужики и парни одобрительно загудели. После нескольких наскоков Ваня остановился и, схватившись за руку, повалился на землю. Не ожидая подвоха, Петя приблизился к поверженному противнику, помня правило, что лежащего не бьют. Но Тухма вдруг резво подпрыгнул и ударил по щеке Сураза. Кровь хлынула из раны. Ероха, схватил мальчика за руку. Ваня что-то держал в кулаке.

— Показывай. — Потребовал молотобоец строго. На ладони увидели круглую баночку из-под вазелина, залитую свинцом. Края заострены и блестели неровными зубцами. — Сюда больше ни ногой, — сказал Ероха. — Запомни...

— Сам запомни. Будешь тяпки ковать налево, тебе отец сделает волчий билет.

— Змеёныш.

— Весь в отца.

— Забери свинчатку, — слышались голоса. Не успел Лазарь Глухов отцепить с ладони мальчишки сыромятный ремешок, как Ваня вырвался и с воплями побежал домой, придерживая кисть руки. Он орал так, будто с него снимают кожу. Сураз морщился, прикладывая к щеке снег. Мужики суетились вокруг Пети, не зная, чем помочь. Кровь текла обильно из рваной раны на рубашку. Галдели мальчишки, ободряя приятеля.

Ероху выгнали из кузницы. Агрономиха оттартала сына в город на снимок руки, но переломов не обнаружили, а слухок был пущен, якобы у мальчика очень сильно порвались связки и теперь он останется инвалидом по вине каторжника и подзаборника, изувечивших ребёнка на всю жизнь.

В двенадцать лет Пётр возил на пароконной бричке зерно от комбайнов. Работа показалась не трудной. Нужно найти в степи закреплённую машину, подъехать точно под выгрузной шнек. Как только пшеница или рожь потечёт в дощатое корыто, установленное на бричке, нужно разравнивать зерно по ящику. Техника гудит, лязгает цепями, хлопает ремнями, молодые меринки пугаются, не стоят на месте. Хорошо если копильщик подержит их, а если примется мазать деревянные втулки тавотом, то хоть кричи, но успевай, чтобы и горстка зерна не оказалась на земле.

Если не было ночью росы, то комбайн Глухова начинал обмолот с восходом солнца и останавливался на перетяжку подшипников, на обед. Работа могла закончиться и в три часа ночи и в четыре. Урожай отменный. Пока Петя сгружал, открыв окошки в боках ящика, зерно на току, пока поил уставших меринков, бункер полон. Его ждали, материли, ставили в пример других пацанов.

Что мог сказать в ответ? Кому помогали братья, кого подменяли, давая возможность поспать час другой, сёстры. Пётр работал один без подмены, не выспался, уставал. Однажды уснул, разморённый зноем. Лошади забрели в водомоину и опрокинули ящик, сломав бричку. Оглобли заменили быстро, но старый короб нужно делать заново.

На собрании председатель грозил всеми карами земными и небесными. Обещал снять половину трудодней за принесённые убытки. Вступились женщины. Говорили, наступая на бригадира, почему только Панькин работает без сменщика? Почему записывают только один трудодень? Мальчику всего двенадцать лет, а работает за двоих.

— Тут не митинг, — заговорил агроном Тухмин. — Ответит по закону за срыв государственного задания. Завтра передадим иск в судебные органы. Вот они и пусть разбираются, куда хотел деть государственное зерно, свалив в буерак. Видать, не рассчитал. За воровство посидит в колонии.

— Заодно и тебя засадят. Не пугай ребёнка. Прошло то время, когда вы людей сажали за букетик колосков, — встал Лазарь Глухов. — Почему так в сводке обозначено? Наш комбайн намолотил сто сорок бункеров, а возчик Панькин значит, что привёз на ток только сто два. А где остальные?

— Так вот кто расхищает колхозный урожай! — зашумели женщины. Мужчины молчали. Курили, опустив головы, зная, что плетью обуха не перешибёшь.

— Мальчишке не дописывал товарищ наш — родименький агроном.

— Он сейчас скажет, что усохла пшеница, что учётчик не записала. Забыла. Проверьте данные, комбайнёры.

— Смололи и растащили по себе, будто на столовую. Почему молчит товарищ партийный секретарь. Не хочет вмешиваться и уполномоченный из политотдела. Надо разобраться, а не только заметки писать в газету.

Собрание заштормило. Петя не знал, что ему делать. Хотел спать. Понимал, что у всех комбайнеров и возчиков данные сойдутся. Только у него получилось расхождение.

— Дайте ребёнку сменщика. Лошадей меняют, а человек — хоть подохни!

— Бабка Лукерья, ты давно вернулась из Колпашево? Уже забыла свою кулацкую жизнь в болотах? Напомним, — вскочил агроном.

— Вот и будешь подменной. Хватит на кухне мослы грызть. — Махнул рукой председатель колхоза.

— Буду. Работы не боюсь. Мой отец за вожжами не ходил к соседям. А вот ты занавески с печек у нас снимал тишком, чтобы жена рубаху тебе сшила. Присосались к советской власти, как клещуки. Сосёте. Вон, какие животишки через пояса свесили. Товарищ уполномоченный, запишите себе в блокнотик, что у агронома и председателя хлеб дома едят из новой пшеницы и шаньги пекут и самогонку гонят в бане. Поедем, посмотрим с секретарём. Он у нас тихий — скрипы тележной боится с детства. А теперь вот тихоня — коммунист.

— Поедем, — вскочил из-за стола долговязый рябой парень. — Если оклеветала, то держись, получишь за всё сполна.

— Ну, бабка Лукерья, ну молчунья наша, — восхищенно шептали мужики.

И что? Всё оказалось так, как очертила старая женщина. Проверили, нашли, составили акт. Ничего не произошло ужасного. Пожурили председателя и агронома на выездном бюро. Повинились мошенники, а Тухмин даже плакал горячими слезами. Принципиального паренька Раздугина, написавшего докладную о нарушении партийной и производственной дисциплины в колхозе имени «ЦэКа» отправили в отсталую МТС. Не может в колхозе с таким красивым названием твориться непотребное. Ну, невозможно, и всё.

Трудодни и переработку мальчику так в документах замозгокрутили бухгалтер с учётчиком, что вроде и дали ему за первенство красный флажок на дугу, а заплатили меньше всех. Лазарь Глухов, вспахивая зябь, взял Петра к прицепщиком. Зимой на двух тракторах станут возить на ферму солому и сено.

Бабушка Лукерья весны не увидит. Угорит со стариком в избе. Только не поймут соседи, как угорели, если в печи нет вьюшки. Зато снег на крыше примят. Кто-то залез и заткнул трубу дерюжкой.

5.

Могилу матери нашел не сразу. Все металлические оградки, обелиски убраны с большого кладбища заботливыми руками тех, кто, оставшись без работы, хотел ещё жить. Земли колхозов покроили на паи и прибрали к юным помещичьим рукам новые фермеры, будущие кулаки. Колхозов в районе не стало. Они оказались невыгодны новому правительству. В то время, когда власть тихо, на цыпочках повернула страну в другую сторону, когда последние опять стали первыми. Золото добывать убыточно, а что говорить про горох, про свёк-

лу. Встали фабрики и заводы, выпускающие не нужную продукцию. Помчались за границу учёные, не пожелавшие торговать китайскими пуховиками; как расколотые льдины, поплыли в разные стороны милые союзные республики. Им очень захотелось самоопределиться, не желая, чтобы кто-то их опекал и учил жить. Тащили к себе столько суверенитету, сколько могли загрузить. Россия, кормившая, поившая, учившая культуре, развивавшая промышленность «сестричек» сама не имеет до сих пор нормальных дорог, приняла на себя выплату царских долгов тем, кто грабил её, вывозя всё, что можно к себе домой. Умные люди оказались за рулём государства. На вопрос фермера, когда у нас будут выпускать настоящую технику для работы на земле, ответил рулевой, не моргнув глазками, дескать, нам и ненужно тревожиться, купим в Германии. Да. Зачем развивать в России машиностроение на современном уровне? Могут обидеться заокеанские ковбои, попугать нас ржавыми кольцами. Чтоб не обижались, завезли на свалки свои «Бураны» и забыли, доказывая себе, что они уже устарили, не годятся для музеев. Затопили космическую станцию, как устаревшую. Растаскивают достояние страны те, кто смог широко раскрыть рот, чтобы глотать куски жирного природного пирога. Что осталось тем, кто не мог дотянуться до нефти или алюминия? Добывали алюминий с линий электропередач. Сдавали «цветмет» с мемориалов и кладбищ. Разбирали брошенные железные дороги, разрезали оборудование заводов и фабрик, а то и просто выдирали столбики оград. Рушатся гидростанции, падают самолёты и взрываются шахты. Во всём неисправимый «человеческий фактор»...

Панькин у могилы мамы вкопал весной черемуховое деревце. Выросшее, оно и стало маяком-ориентиром. Сел в тени. Достал плоскую флягу в виде книги, которую назвал алтайский писатель Евгений Гуштин — «Храм спасения». Тёплый коньяк оказался до странности вкусным и приятным. А вот запах, который искал. Тонкий аромат. Откуда исходит? Пётр осмотрелся. Выпил ещё.

Мама, мама. Пришел к тебе. Хотел вернуться в то своё время, в бледное детство. Стар и болен. Он бы мог помогать сёстрам, но они отказались от него. Боялись замараться. Кому теперь достанется его квартира на Зубовском бульваре? Родименькому государству. Последний подарок.

Сёстры не могли не знать, где он. Знали и понимали, что не виноват, но забыли о нём. Заботился. Ласкал. Старался для них. Воровал из колхозного склада зерно им на кашу... Родные сестрички. Может быть, вам было не до меня. Ваша жизнь оказалась не слаще моей. Ладно. «Всё прошло, как с белых яблонь дым».

...Его не дождутся сегодня. Всем хочется денег. Сразу и много. Без труда и напряжения. Так не бывает.

Панькин приложился к «Храму». Вдруг взгляд его упал на голубые невзрачные цветы. Он потянулся и сорвал лепесток, растёр в пальцах. Незабываемый запах. Эти цветы росли только здесь. На кладбище. После дождя пахли так звучно, так пронзительно-печально, что пронёс этот запах через беды, через судьбу человека из рода Панькиных. Родня не исчезла. На земле Панькиных много.

У него нет наследника, который бы мог честно нести его фамилию, быть справедливым и умелым в своих делах. Он виноват в том, что случилось. Не она, а толь-

ко он. Она с его разрешения уничтожила ребёнка. Он убил своего наследника. Не мог оставить ему свою биографию. Потому что в ней он будет несчастен и бесполезен. За это рассчитывается всю жизнь. Казнит себя. Просит прощения и не прощает себя. Он бы мог носить имя Антон. Панькин бы его звал на рыбалке, на охоте. Сажал с ним картошку и ездили самолётом в какие-нибудь государства, расположенные на другом конце света. А может быть, звал его Степаном или Семёном. И мальчик бы учился у него строить дома и пахать землю. Нет, зачем ему жить. Чтобы ему дал? Чему научил? Какую землю они пахали? Какую картошку? Вырос бы в приюте, как безродный щенок. Носил ветер, как перекапти-поле по степи. Повторил бы его судьбу... А у него — пропавшая родина, да материна могила. Прокисший пруд и дедов крест. У других и этого нет.

В четырнадцать работал на тракторе. Бригадир прибавил ему два года, уговорил директора МТС разрешить оформить на работу. Сутками не покидал кабины трактора. Надеялся, отправить маму на курорт, чтобы она вылечила больные ноги.

Сроки, сроки и срока. За срыв посевной наказывали, отнимали «волшебные книжки», а без книжки ты уже и не руководитель, а значит, человек второго сорта. Работяга. Партбилет — прочный щит от передряг. Он не приспособливался. Не вступал. И не звали. В армии чуть не вступил в комсомол, а потом, когда рассказал биографию, не стали докучать. Хотя и сфотографировался, но... не взяли. Такие не нужны.

— Паши ровно, — говорил дядька Лазарь Глухов. — Вильнёшь, так потом кривулина будет увеличиваться, дотянется да самого последнего твоего края.

Вилял. Плуг учителя спрямлял огрехи. Без вилюшек пахать и жить невозможно. Нужно пахать и жить честно, чтобы никому не пришлось исправлять твои огрехи. Огрехов накопилось много. Не исправить никаким плугом. ...Деревни нет. Поля радостно заросли кривыми тополями и развалистыми клёнами, седым ковыльём и какой-то странной незнакомой высокой травой. Раньше её не было в деревне. Она, наверно, пришла из космоса, как отместка за то, что неправильно живём. Не так воспитывали детей. Грешили... Закрыли глаза совести большими пятаками.

Пётр хотел заплакать, но не смог. Слезы кипели в нём близко, давили на горло и жгли глаза, но не могли найти выход. Он ревел, когда рассыпал кашу. Но горше этого была нечаянная смерть матери. На тихих похоронах не появились слёзы. Он в глубине маленького сердца радовался за наступивший материнский покой. Столько времени страдала и мучилась, что этих мук могло хватить на несколько человеческих жизней. Больше никогда не плакал. Не умел? Не хотел? И тогда...

Вечер тянул синие тени по розовеющему плотному снегу. Старый трактор задышался, вытягивая к ферме большой кузов на санях. Было начало зимы, сено берегли для будущих телят. Кормили коров соломой и силосом. Это, когда его закладывают в траншеи, то кукурузная масса, подавленная бешеными гусеницами, пахнет мочёными яблоками. Через два месяца запах становится другим; кислым, гнилостным; как ни старайся привыкнуть, ничего не выйдет. Этот тошнотворный «аромат» пропитывает телогрейки и халаты доярок. Даже его старое пальто вместе с мазутом и запахом дизельного топ-

лива стало пахнуть силосом. Пётр, выгрузив силос, выехал из коровника, остановился у тамбура и принялся заколачивать самодельной сбитой кувалдой, вылезшие из разношенных траков, пальцы.

«Трактор, трактор, ты бы мог рассказать, кто сотворил эту пакость. Когда успели? Ванька Тухмин уехал в город. Его отец на пенсии. У них много родни. Влюб-ка...»

Не успел покинуть территорию фермы, как выметнулся навстречу «козлик», придурковато, заморгал фарами. Панькин остановил трактор, уступая дорогу. Тотчас выкатились из автомобиля трое, побежали к нему. Но, протрусили мимо. Почему? Вдруг один из членов группы народного контроля, заскочил в кузов, пытался выталкивать большой белый мешок, но не мог сладить. Тащили вдвоём. Пётр вылез из дребезжавшей кабины, подошёл. Контролёры опускали глаза, показывали на синие буквы. Они вскрыли кражу мешка дроблёнки. Знали, и беззастенчиво тупо лгали. Расписаны роли. Подготовлены действующие лица честных коммунистов-активистов. Отрепетировали спектакль, чтобы ему отомстить. Отомстили. Передали документы в суд. На мешке написано: «Пётр ПАНЬКИН». Значит, украл он. Других мнений нет и не должно быть.

— У нас дома таких мешков никогда не было. Почерк не мой. Сличите, — говорил паренёк заведующей фермой. Женщина молчала, кривя губы. — Нам и кормить некого.

— А ты за бутылку решил загнать, — говорил председатель народного контроля, вытирая слюни в уголках толстых губ.

— Где бы я взял эту дроблёнку, если ключ от склада у заведующей фермой? Она мне насыпала, а теперь обвиняет? Так получается?

— Назови сообщников.

— Ничего не видел. Силос выгрузил и выехал. Не оглянулся. Не заметил, кто кинул этот мешок. На кого-то нужно свалить своё воровство. На суде разберутся. Люди грамотные. Не могут не разобраться. Должна же быть справедливость в этом мире. Нельзя судить невиновного. Должна быть, но нет её близко. Её нужно добиваться, искать.

— Похоже, это не впервые проворачивает...

— Допустим, я хотел украсть. Написал свою фамилию на мешке. Зачем? Это почерк не мой. ...Кого-то попросил написать. Как бы я насыпал дроблёнку, если разгружал силос. Ключи от склада у кого? У заведующей. Выходит, она мне насыпала, принесла в коровник и кинула в кузов. ...Их было двое. Мешок большой. Нужно списать недостачу проданного налево зерна за мой счёт. Простая истина.

Суд принял во внимание его возраст, его хорошую работу, первое правонарушение, и посчитал, что четыре года — срок небольшой расхитителю социалистической собственности.

— Не виноват я. Вы это понимаете, вы же не малые дети, а профессионалы. — Его не слушали и не слышали. Всё было решено заранее.

Обида пожухла, поросла быльём. Он простил обидчиков, но ничего не забыл. После поверки, перед сном желал всем недругам счастья и здоровья. Желал искренне. Так учил дед. Злоба не должны выжрать твои мозги. Прости и забудь Легко сказать, а как сделать.

Сделать трудно. Никто не сказал, что ему только четырнадцать лет, а не шестнадцать.

Лазарь Глухов через год написал ему, что заведующая фермой, умирая от рака, покаялась, сказав, что она невинно оболгала мальчишку — Петьку Панькина, а муж её с учётиком сунули в кузов мешок с дробленным зерном. Ванька Тухмин задохнулся в гараже, лёжа в легковушке с соседкой. Так их и нашли. Старший Тухмин ранил себя на охоте, не смог добраться до деревни. Судья разбилась в аварии. Пыталась пересмотреть дело, но никто ходатайствовал, никто не подал вовремя документы на апелляцию.

Мстить некому.

Много вариантов опланировал Панькин. Ждал сначала часа, когда освободится, как накажет обидчиков. Оказалось, что ехать домой не имело смысла. Зачем? Простил всех.

...Обидчики его ждали. Очень ждали. Обзавелись иностранной собакой для охраны. Случилось так, что она загрызла внука Тухмина — от старшего сына Ваньки. Простил. В Бога открыто не верил, но дедов крестик всегда с ним. Прочитал Евангелия. Библию не осилил. Работать не мог. Пальцы потеряли бы гибкость после общения с рычагами фрикционов трактора, со штурвалом комбайна, мазутом и грязью. Серп крестьянский экологии не портил.

Зной сдал. Стальным отливом волновалась пшеница. Желтоцветный кустик донника хоронился в тени низкорослого подсолнуха, выросшего на краю кладбища. Полупрозрачное марево, поднимающееся от старой земли, искажало дальние холмы, раскоряченные опоры ЛЭП, связанные проволоками, которые провисли, чуть ли не до самых колосьев. Походили на ватагу бурлаков,

тянущих из-за горизонта невидимую баржу. Панькин сорвал цветок, именуемый кукушкиными слёзками, и потянулся к своему «Храму». Браунинг напомнил о себе, давил на ногу.

Послышался шум работающего автомобильного двигателя, потом три коротких сигнала и зовущий крик:

— Панькин! Пётр! — таксист, мелькнула мысль.

«Он. Чего нужно человеку? ...Поорёт и уедет». Но таксист не думал уезжать. Он ходил по кладбищу, заглядывал в канаву у края. И звал уставшим голосом. Панькин молчал. Не хотел, чтобы его кто-то тут увидел. Зачем? Он уже всё решил.

Таксист продолжал вопить, приближаясь. Они увидели друг друга. Мужчина обрадовался, разулыбался, размахивая призывно рукой в синей рубашке.

— Зову, зову. Охрип. Тут в Песчаном ваш дядя жил — Сидор Павлович Панькин. Мне его жена Нина Фадеевна доводится роднёй — отец женат на её младшей сестре, которая стала моей мамой. Сейчас заезжал к ним. Её муж вам доводится дядей. Он умер. Ваша мама ему сестра родная. Вчера твоя родная сестра Феона приехала из Красноярска с дочерью и внуками. Она помнит тебя. В машине сидит... Плачет. Мир тесен. Не случайно мы встретились...

— Уходи. Не тот я человек, чтобы мной могли гордиться, и с радостью показывать фотки соседям. Уходи. Как человека прошу... Не чувствуй себя должным. — Пётр вспомнил о квартире, о тайнике в лоджии...

РАСТЁРЗАННЫЕ ЖЕЛАНИЯ

Эскиз киносценария

1.

Валентина решила, и сегодня не отдыхать. Приняла инвентарь. Завхоз долго устанавливал ржавый мангал, который зимовал за складом. Пожилая и худая, как щепка, Людмила Степановна Кузнецова, заведующая пищеблоком, улыбалась морщинистым лицом, обещала помогать. Выдала под роспись весы, разовые тарелки, банки со специями. ...Валентина помнит тот день до мельчайших подробностей. Отпечатался в памяти, как самое первое сентября.

— Будет прибыль. Организую помощницу. Пристроим к бару павильон. Купим гриль и оборудование. Пока потерпи.

Она училась у завхоза, у армянина дяди Бори. Читала книги.

— Шашлык — самая древняя еда. Первое блюдо, которое освоил человек. ...Денежки считай. В долг никому не давай. — Советовал поддатый завхоз Мазницын. Его смуглое лицо наводило на мысль, что он закоптился у костра и не хочет отмываться.

— Золотое дно, Валя, — говорила белокудрая пампушечка, Зоя-буфетчица из бара. — Попроси завхоза, чтобы настрогал деревянных шпажек. Как только мясо сжарится, надевай и мне давай сигнал, чтобы я знала, сколько у тебя заготовок. Деньги буду брать я, а жарить — ты. И развешивать. Потом поделюсь с тобой излишками. Не обязательно ровно сто граммов нанизывать. Не бойся, дурочка. Лаваш режь на порции. Не

дрожи. Стульчик имей. Не стой лишнего. Ноги не казённые. Береги. Мне только сорок, а я уже получила увеличенные вены. Варикоз.

В первые дни много было шума. Не хотели ждать, не хотели оплачивать. Пьяные дядьки совали деньги, забывали брать сдачу. Кто понаглей, хватали шампуры, бросая купюры на весы. Валентина бегала в бар, просила Зою отбить чеки. Женщина желтозубо сверкала ртом, говорила медовым шепотом:

— Простота ты моя. Бери. Это твоё. Ко мне не бегай больше. Братишкам купи к школе кроссовки. Сама в чём ходишь? Золушка одевалась лучше. Кофту сбрось. Фигура у ты — будь здоров, Клавка Шифер позавидует. А что мордуленция топором тёсана, так это поправимо. Ресницы свои белёсые покрась. У свиньи краше. Брови нарисуй. Их не видать вовсе. Ни одного платья нет нормального. Тебе замуж выходить. Оденься мало-мальски. Сначала мужики смотрят на одежду, а потом лишь, — что под одеждой. Скоро зима. Нам тут пахать, подруга, и на морозе придётся. Веришь в павильон? Наивная. У тебя руки за неделю обветрили. Крем купи. ...Научишься обвешивать, собачиться. Я не с луны упала в этот бар. Только не пей. Будут в рот лить, не пей. Я ж такая была, как ты. Подмяли, задавили. Поверила одному подлецу, потом другому. Не верь никому. И мне тоже не верь. Плохая, когда выпью. Помни. У тебя цель. Иди к ней. Нельзя тебе задерживаться надолго. Это пока здесь тихо. Подожди. Девчатки будут наезжать, обслуживать крутых парней. Картишки, наркотики, драки. Всё это будет. Скоро. Знаю.

Как-то утром увидела Валя, взъерошенную сороку. Птица едва сидела на ветке и оправляла помятые перья. Одно перо торчало из крыла. Она не могла его опреде-

лить на прежнее место. Сорока слетела и села на спинку скамейки. Вале показалось, птица голодна. Её грустный вид вызвал жалость. Девушка бросила ей кусочек жилы с мясом. Сорока боком отскочила, но, взглянув на девушку блестящим глазом, подобрала мясо и взлетела на сосну. Валя продолжала работать, нанизывая холодное мясо на шампуры. Трещал костёр, плюясь искрами. Приплыл на своей кособокой лодке завхоз. Он проверял сети со сторожем, появившемся на базе недавно.

— Валюня, сооруди нам по палочке. Продрогли, — ласково попросил мавр Мазницын. На противоположном берегу ахнули два выстрела. Высокий парень понёс на кухню тяжёлый, пахнувший тинной, мокрый мешок, в котором трепетали от страха рыбины. Валя слышала, как они судорожно шлёпали друг друга хвостами. Сторож поставил на столик два стакана с водкой, подложил в костёр поленья. Завхоз снял половину мяса с двух шампуров и начал насыпать в мангал угли.

— Беда, дева. Нету древесного. Чо делать будем зимой? Намёрзнешься. Нашёл в одном месте. Так цену заломили не вышепчешь. Ты в своём павильоне задубеешь. Надо утеплять. Хоть гипсокартоном. — Завхоз и сторож в два приёма высосали содержимое стаканов. Заговорили. Ушли. Валя начала заполнять мангал шампурами. Как привидения появились отдыхающие. Красные изжёванные опухлые лица. Запах смердящего перегара. Непроизвольные стоны — вздохи. Наливала быстро пиво, подавала разовые тарелочки с жареным мясом. Пришёл с чеком завхоз. Валя подала и ему тарелочку.

— Васька придёт позже. Он начал яму копать, чтобы уголь выжечь. Говорит, что умеет. Ловкий, гад. Всё знает. Его бы на «Поле чудес». Обо всём судит со своей колокольни. Глухонемой, а грамотный...

Отдыхающие разбрелись по озёрному берегу, поросшему желтеющими камышами. Латунные сосны чёрные у комлей глухо шумели вершинами. От воды потянуло холодом. Пронзительно и требовательно застрекотала сорока. Пробежалась под столиками. Подобрала кусок лаваша, улетела к домикам, которые зачем-то называли палатами, где жили и поживали в одиночку и парами горожане.

У селян деревни Круглые Копанцы не было времени отдыхать. Копали картошку, убирали овощи, солили и мариновали огурцы и помидоры. Грибы настырно пошли слоями. Сыроежки и рыжики, грузди и белые всходили и зрели с большой скоростью. Вале иногда удавалось выбежать за территорию базы отдыха, нарезать ведро, а то и пакет. Она пыталась сушить белые, а сыроежки отваривала и мариновала с укропом и специями. Возила домой с мясными косточками, которые хранила в холодильной камере. Два раза приходил Виктор, молча помогал жечь уголь. Иногда рассказывал, как идёт работа у девушек. Они стали часто ссориться из-за денег. Виктор отрешённо смотрел на огонь. Вале казалось, что хочет важное сказать ей, но стесняется. Её тяготила его тупая нерешительность и мальчишеская трусость.

Наступали с озера глухие туманные сумерки. Загорались на танцплощадке разноцветные лампочки. На базе отдыха начиналась другая жизнь. Музыка разрывала туман над озером, колотилась меж сосен. Валька обречённо шла с Виктором домой по сумрачному лесу, высматривала на обочине грибы. Молчание было тягостным и тоскливым. Только у калитки, передавая, сумку с банками, проговорил:

— Ты бы, Валя, вернулась в цех. Так всё было у нас хорошо. Зачем ты ушла?

— Сама жалею, — ответила резко Лебедева. — Теперь поздно. Зарплата хорошая. Надо мальчишек в школу собрать.

— Я тебе помогать стану. Ты поступишь в институт. Верю.

Виктор поспешно ушел. Валя горько смотрела ему вслед. Братья встретили шумно, и она за этой радостью забывала грустное виноватое лицо Виктора. Деньги обесценивались на глазах. Валя в один из выходных решила поехать в город и купить пальто к школе мальчишкам. Она планировала справить и себе обновку, но денег едва хватило только на два сиротских по цене пальто. Всё подорожало. По её подсчётам денег должно было быть больше. Но факт остался фактом. Поплавав, купила погодкам Толе и Коле по мороженому. Валя догадалась, что мама нашла её копилку и брала на свои неотложные нужды. Самогон стоил недорого, но у мамы были подруги. Мама, мама. Тебе тяжело. Но и мне трудно. Придётся деньги прятать где-нибудь в бане или в летней кухне. Это же не порядок, если родная мать ворует у дочери трудный заработок.

Придёт зима. У меня старое пальто, у меня худые сапоги. Ничего не скопила на учёбу. И не смогу накопить. Не смогу... Валя тяжело вздыхала. Она думала, как ей поступить с зарплатой. Придётся ездить в город и обменивать рубли на валюту, которая не падает, а растёт.

Мальчишки были довольны. Они ели грибы с жареной картошкой и вспоминали поездку в город. Мама набычилась. Она полусидела на крыльце. Её голова не держалась. Валя затеяла стирку. Но не обнаружила сти-

ральной машинки. «Украл. Доча, кто-то стыбзил. Теперь вот... Буду я стирать в корыте. Кому понадобилась старая машинка».

Мальчишки переглянулись. Толя сказал:

— Мама, ты же её отдала дяде Ивану. Он тебя угостил водкой.

— Он ремонтировал... В ремонт сдала, — сказала очень поспешно мама.

— Мама, ты же её продала, — сказал Коля.

— Не может такого быть, дети. Мама не обманывает вас. Машинка наша в ре-мон-те. Скоро мы её заберём. Дочка, он отремонтирует, и мы пойдём забирать машинку нашу. Как ты получишь деньги, так мы и заплатим за ремонт. Какая ты у меня заботливая. Пальтишки красивые и цвет не маркий. Надо было брать на размер больше, чтоб на другую зиму хватило. Они растут быстро. Пальты будут малые им.

Сорока прилетала часто. Она не боялась Валю. Усаживалась на ближнюю скамейку и ждала, когда обратит на неё внимание и бросит кусочек мяса. Один раз даже пыталась украсть ломоть лаваша. Лебедева пристыдила сороку.

— Исповадила ты её, — ворчал нехотя Мазницын. Мужчины смеялись, а дети подкармливали птицу. Родители поощряли их, говоря, что птиц нужно жалеть.

— Сороки и вороны очень умные. — Проговорил господин в шляпе и в тапочках на босу ногу. — Вот у нас в части была ворона, так она однажды у солдата украла часы. Он кидал в неё камнями. Умывался после наряда. Снял часы. Пока лицо вытирал полотенцем, она спикировала. Солдат на своего приятеля взъярился. Обвинял и требовал вернуть. Благо, один ефрейтор заме-

тил кражу, так он и помирил друзей, рассказав о воровке. Долго искали гнездо. Нашли часы.

— Они любят блестящие предметы. Им всёрав — но часы это, или обрезки жести, или осколки зеркала, — сказал другой отдыхающий. — Читал я в книжке. ...Шашлык сегодня отменный. Был я на Кавказе, в Болгарии. Доводилось, и в Узбекистане жить. Уважающий себя узбек, подойдёт к мангалу, понюхает. Если уксусом пахнет, мимо пройдёт. Наша Валюша молодец. Настоящий профессионал. Мы сюда каждую пятницу с ребятами ездим. Да. Из-за Валиного шашлыка.

— Я дома всегда делаю только на вине. Баранина не так вкусна.

— Говядину, козлятину, конину нужно в простокваше мариновать, — заговорили отдыхающие, обсуждая секреты приготовления шашлыков.

— Не скажите, эти птички не просты. Валя, у тебя, почему нет книги предложений? Мы тебе благодарности будем записывать.

— Костя, это всё муть. Выпиши премию, девочке. Ты в карты проигрываешь за ночь десять её зарплат годовых.

— Не возьмёт, — сказал отдыхающий. — Она не крысятничает. По понятиям работает. Не современная. Сдачу вечерами сдаёт до копейки. Проверять не нужно. ...Пробовал я. ...Обижается. ...Таких мало нынче.

— Пацаны, давайте сложимся, ...в натуре, и купим девочке путёвку. Пусть отдохнёт от своего мангала. — Парни заспорили. Один предлагал подарить крестик золотой с цепкой, другой настаивал на браслете.

Подвыпившие отдыхающие, вечерами легко оставляли в баре солидную сдачу. Зоя, отпуская вино и

водку, выгоняла Лебедеву, если она приходила отбивать чеки.

— Ты пойми, Валька, твой мангал такую прибыль даёт, что все расходы на мясо окупаются в двадцать раз. А эти копейки никому не нужны. Сколько тебе можно втолковывать.

— Не могу брать то, что не принадлежит мне. Зарплату я получаю.

— И за питание с тебя и с меня высчитывают. А ты в столовую не ходишь, картошку печёшь. ...Не придуривайся. Не тобой заведено. Не тобой будет отменено. Тебе платят отдыхающие за твою неандертальскую честность и высокое качество шашлыков. Ты работаешь в две смены. У тебя должен быть помощник. Обещала же заведующая питанием. И что? Поулыбалась. Прибыль пошла, а помощника тебе не дала. Ревматизм от холодного мяса заработаешь. Ты не шути... Пока молодая, так не чувствуешь, что постоянно с холодным мясом возишься. Иди отсюда. Чтобы ты не мельтешила с этими деньгами. Бери, как заработанное, как плату за вредность. Лицо у тебя стало, как печёное яблоко. Я тебе крем привезу, чтобы мазала руки и мордочку. Защищать надо.

— Красоты не прибавится, — скромно говорила Лебедева.

— Кто тебе сказал, что ты у нас уродина? Нормальное лицо. Только нужно ухаживать за ним. ...Не маши рукой. Ты молодая, умная. Не будь такой унылой. Улыбайся чаще. Не для них. Для себя. На тебя новый сторож поглядывает. Он хотя и немой, но ничего. Старательный. Говорят, что его избили. Вот он и не разговаривает. Угля тебя на зиму нажжёт. Всё с костром не возиться. Шустрый. Только ты имей голову. В контакт

не входи. Сказали недавно ребята, что отбивал по глупости, а потом за воровство. Хотя... Я тоже ворую. Пьяных обсчитываю. ...Не делай коровьи глаза. ...Такова наша торговая жизнь. Не захочешь, так украдёшь. Делиться надо и платить за привезённый дефицит, за недостачу, которую ты не делала. За всё платим, Валюха.

Лебедева уходила к мангалу, сильно сминая в комок деньги в кармане фартука. Людмила Степановна в тот же день выговаривала:

— Ты отдыхающих не обижай. Жалуются. Где вы такую откопали?

— Я вообще...

— Почему не берёшь чаевые? Этим обижаешь людей. Они хотят тебя отблагодарить, а ты свой гонор выставляешь. Так нельзя. Хвалю за честность, но не то время, чтобы от денег отказываться. Да какие это деньги. Слезы. Уважают тебя. Из города к нам едут, чтобы твоего шашлыка поесть. Мы это ценим. Помощницу пока не нашла тебе. А вот насчёт зарплаты решу.

— Пиво бы убрали от меня. Не успеваю. Нужно за мясом следить, отпускать, взвешивать, пиво наливать. Когда народу много, так шумят.

— Пиво в бар поставлю, — пообещала Кузнецова. — На шум внимания не обращай. От пива грех отказываться. Навар всегда у тебя. Смотри сама.

Отдыхающие ели, ели и ели. Ели в столовой, ели в баре, ели в своих шалашиках — бунгало. Ели вечером, ели ночью. И всеравно оставались объедки, которые с упоением поглощали поросята, выращиваемые добряком — завхозом в новом свинарнике, расположенном недалеко в лесу. Ему помогал Васька, по прозвищу Немтырь. Ночью он зорко охранял базу отдыха, которая

официально будет называться со следующего года санаторием «Серебряные плёсы». Уже куплена пасека для меда и апитерапии, строится блок грязелечебницы, готовятся кабинеты для массажа и рентгена, иглотерапии и медитации. Планируется строительство бассейна, спортзала и боулинга. В бывшей колхозной ферме уже оборудованы стойла для лошадей, закуплены коровы и куры. В перспективе производство кумыса, конные экскурсии. Уже работает мельница и строится теплица для ранних овощей.

— «Откуда у людей такие деньжищи? — спрашивают друг у друга селяне, работавшие когда-то механизаторами и доярками. В колхозном саду новый хозяин. Выкорчёвываются старые яблони и сажаются новые, растут плантации ягодников и кустарниковых. Дисциплина и порядок удивляют. За пьянство на рабочем месте — увольнение, за воровство — наказание суровое. Счастливики, получившие работу, регулярно несут в семье зарплату. Это радует и вселяет надежду на то, что не придётся стоять на базаре, торгуя импортным шмутьём. Начальник «Плёсов» привлекает молодых, отправляет на курсы, строит жильё. Его уважают и боятся. Прозрачные глаза, бледное неулыбчивое лицо; — мальчик, совсем мальчик, а в голове держит всю бухгалтерию, помнит каждого по имени отчеству. Не повышает голоса, а речь чистая и правильная.

2.

Валя Лебедева привычно протыкает кусочки маринованного мяса острым шампуром. Одервенели руки. Кастрюля ночевала в холодильной камере. Трещит костёр, выплёвывая искры. Свистят тревожно птицы. Девушка спешит. Скоро проснутся усталые отдыхающие,

пойдут в бар за пивом и коньяком. И всё будет так, как было вчера, позавчера.

Скоро месяц девушка «фарширует» маринованное мясо шампурами, жарит его, снимает, взвешивает и подаёт, требуя чеки, которые тоже накалывает на шампур. Не снимать нельзя. Почему? Потому что, как сказал пожилой рябой армянин, дядя Боря, отделявавший столовую: «Где шашлык, там вино, где вино, там разговор, где разговор, там спор, а где спор, там обида, а в руках глупца острый шампур».

— Завтра я тебе травку привезу для шашлыка. Специи наши, из Армении. Пачку соли держи при себе. Если возникнет пламя, посыпай. Смотри как. Вкусный шашлык получается на косточках. Вырезай рёбра. Отбивай. Ладно. Скажу повару, пусть составит калькуляцию. Можно делать отбивное мясо на решётке. Привезу тебе и решётку. Покажу.

Валя придерживает мясо вилкой, как показал дядя Боря, сбрасывает в глубокую миску. Случается, что наглецы хватают шпажки, не оплатив. Валя не плачет. Привыкла. Ходит по территории, по берегу озера, собирает кованные из толстой проволоки шпаги. Для особых лиц есть шампуры из белого металла. А проверяющих много. Каждую неделю приезжают. Особенно много проверяют по пятницам.

С удовольствием уплетают шашлык, отбивные котлетки на решётке. Но больше всего, им нравится мясо на косточках, шашлык по — карски. Вале кажется, что мир наполовину состоит из проверяющих. Прибывают из райцентра, из города, и даже из Барнаула. Похваливая жареное мясо, изредка спрашивают санитарную книжку, но никто не приносит оплаченные чеки.

Была одна тётка, которая старалась всучить мелочь. Валя поняла, что это подлая провокация. Деньги не взяла.

— Где у вас стоит кассовый аппарат? — ехидно спросила дама.

— В баре, где вы кушали, — ответила Лебедева. — Блюда отпускаю по оплаченным чекам. Там висит меню, выход продукции и стоимость.

Замдиректора в припадке радости после отъезда комиссии, обещал построить прилавок, чтобы не толкались, не лезли к мангалу, но только вчера привезли доски. Они лежат большой, пахнущей живицей кучей, между соснами. Дядя Петя Мазницын, хромая протезом, шурил со сторожем столбы. Она бы помогла. Как только приливает затишье на берег, крошит холодное мясо. Её тонкие пальчики удаляют жилы, срезают плёнки. Убраны в пакет кости. Их разрешили забирать домой. Каждый вечер Валька с попуткой едет в деревню, а рано утром бежит по тайге, стараясь пораньше занять рабочее место. Персонал привозят, но только к восьми часам. А Валя старается начать работать, как можно раньше, когда отдыхающие, страдая головами, бредут похмелиться. С остервенением пьют пиво, чтобы погасить пожар в отравленном желудке. Этот пожар бушует неугасимым пламенем каждое утро. Лебедева — главный пожарный, главный лекарь.

Она знает, что шашлык должен мариноваться в растворе уксуса с разными специями, с луком. Проходили в училище. Но уксус она почти не льёт, а добавляет аскорбинку. От уксуса мясо быстро ужаривается, становится твёрдым и не вкусным. Дядя Петя замариновал две банки мяса. В одной, как требовала технология, был уксус и всё необходимое, а в другой — специи, соль и лук, перекрученный на мясорубке, но без уксуса.

— Попробуй, — подавал ей кусочек мяса, снятого с длинного шампура. — А теперь вот с этого. Какое мясо вкусней? То-то. Твой шашлык должны запомнить на всю жизнь. Любую работу делай так, чтобы не стыдиться потом. — Пожилой дядька опекает её, подсказывает, как хитрить, взвешивая порции, куда прятать излишки мяса и уносить домой, чтобы подкормить двух младших братьев.

— Дядя Петя, что вы такое говорите. Я, не могу.

— Дурочка из переулочка. Хозяйства у вас нет. Мальчишкам расти надо. Мать, небось, их лапшой кормит и картошкой. Когда ещё прийдёт отец деньги. Надо форму купить, учебники. Мешочек подвяжешь покрепче. Но не холодное мясо. Усекла? — Пётр Иванович Мазницын оглядывал худую мальчишескую фигуру девушки, хмыкал, качал большой бритой головой. — Ну, надень эту «сбрую» для вида что ли. Хоть бы ваты подложила. Из старого матраца не дёргай. Грязь там одна. Из аптечки возьми на кухне. ...Нам не важно. Что дальше, что за платьем, важно, что глазами можно пощупать. Очередь будет длиннее, а чаевые — больше

Дядя Боря — армянин научил её, как держать в мангале нужную температуру, как следить, переворачивая шампуры, чтобы мясо не слишком зажаривалось и не горело.

— Ты что-то совсем ничего не ешь? Ходи в столовую. Кожа и кости. Из зарплаты всеравно высчитывают за питание, — сказал завхоз.

— Петр Иванович, это же не моё. Как есть чужое?

— Вот ты какая. Говорю, что высчитает начальник, глупенькая. Не украдёшь, не проживёшь. Голова твоя садовая. Святая простота. Да-а-а...

— Я картошку пеку в мангале.

Костёр из больших поленьев, составленных почти вертикально, догорал. Валя бросилась к нему, чтобы положить очередную порцию дров. Огнём должен заниматься сторож базы отдыха, но он, и завхоз добротного выпили. Дядя Петя вышел из бара, сказал: «Седня, доча, день счастья», ушёл топить баню.

Валя ополоснула руки в кастрюле, вытерла о фартук, так как полотенце, которое вчера получила, куда-то делось. Над соснами, что чернеют на противоположном берегу, давно выкатился слепящий блин. Алая гладь воды остекленела. Лишь изредка поверхность большого озера ломают расходящиеся круги.

Шиферный навес сколотили недавно, принялся завхоз из обрезков стены мастерить. Дождь не мочит ни отдыхающих, ни мангал. Над ним — раструб и труба. Она жарит мясо в тепле. Отдыхающие, загрузившись в баре, располагаются за столиками с бутылками и тарелками, приходят к ней с оплаченными чеками и развязно требуют своё, в любую погоду. Вкопали ещё ряд столов, поставили бочку и кегу с пивом рядом с мангалом.

Обжигаясь, девушка крутит шампуры, следит, чтобы в мангале не было пламени, от которого копоть. Наливает пиво в полторашки, в банки, в стаканчики. «Какой дурак требует зарплату на пиве», — расхохотался дядя Коля, коммерческий директор, когда вкатили на помост первый бочонок, именуемый кегой. Установили насос, который нужно качать ногой, и все начали пить пиво, подставляя под кран обрезанные полторашки. Нестерпимый жар делает её измученное лицо уродливым и красным. Педаль насоса она, по совету дяди Пети, положила у прилавка, чтобы любители пива сами шевелили ногами. Отдельные плешивые граждане суют ей ка-

проновые стаканчики с пивом, покровительственно говоря:

— Выпей, Вальша, охладись. Сегодня у тебя запарка. Жара-то какая. Духота. — Она не пьёт пиво. Не пьёт и водку. Зачем травить себя.

Большой мангал помнит с того времени, когда впервые попала сюда. А путёвку в пионерский лагерь «Юность» взяли родители, когда окончила второй класс. Мангалу уже тогда подпирал стену склада, в котором нервно гудели двигатели холодильных камер. На открытия и закрытия лагерных смен собиралось много представителей разных ведомств. Тут были важные медицинские работники, в армейской форме офицеры райвоенкомата, пожарное крутое начальство — тоже в кителях со своими эмблемами, миленькие тети из отдела культуры и библиотеки; директор дома пионеров всегда стояла рядом с заведующей санитарной службы, во втором ряду — парни из ДОСААФа. Они учили их стрелять из «воздушек», водили в походы, проводили соревнования с военкоматскими офицерами. Независимо держались представители «Сельхозхимии», СМУ, которые ремонтировали домики и строили столовую. Даже построили двухквартирный дом для сторожа и старшего повара. Их семьи прибыли потом, спустя много лет, когда Валя выросла, после событий в Узбекистане. В первый сезон были настоящие палатки. Спать в них было душно в тихий час, пионеры и школьники убегали в бор, на берег озера. Печь, на которой варили суп из рисового концентрата, стояла под навесом. Отряды ели под навесом. Первый домик заняли малыши, а второй — только строился. Территорию не успели огородить, дети носились по бору, собирали грибы и землянику.

...Важно стоял пухлощёкий председатель колхоза, высокий и худой парторг с женщиной большого вида, председателем местного комитета. Директор кирпичного завода всегда стоял с весёлым начальником «Сельхозтехники». В первом ряду — представители райкома партии, райисполкома и райкома комсомола. Им сдавали рапорты, им пели песни, читали стихотворения. Каждое лето Валя отдыхала в лагере. Появились улицы из домиков-палат, построили просторную столовую, в которой показывали киноленты. Мангал появился неизвестно когда, но тогда он выглядел большим и новым. Валя помнила и знала, что комсомолки из аппарата перед открытием первой смены убирали мусор, скопившийся за зиму. Такой у них был субботник. Почему ей это было известно? Потому что после восьмого класса Валька работала техничкой, пионерской вожатой, была кухонным рабочим. Носила в штаб котлеты, яблоки. Гости веселились до утра...

Начальник управления сельского хозяйства, напоминавший зарубежного актёра, выделялся высоким ростом и удивительной причёской. Говорил коротко, будто кто-то где-то его ждал. Он всегда вручал нужное. Это мог быть телевизор, магнитофон или проигрыватель. А вот редактор местной газеты «Вымпел» ничего не вручал, но в газете всегда была его статья. Фотографы (они в редакции часто менялись) снимали отряды на линейках, на эстраде во время концерта, за обедом и у прощального костра.

Когда Валя была маленькая, всех стеснялась. И не замечала, что мангал исчезал, а потом появлялся на своём месте. Уже после восьмого класса она, стоя на линейке, недоумевала, отчего с каждым открытием и закрытием смен уменьшается количество гостей на три-

бунке. Валя слышала, как отец говорил, что его скоро сократят, так как закрывается СМУ. Нет финансирования, сократилось строительство. Он работал на автокране. Летом дома бывал редко. Колхозы строили двухквартирные жилые дома, мехтока, коровники и свинарники. Автокран большой мощности был один на весь район.

Помнит, как однажды не пришли поздравить с открытием сезона девчонки-комсомолки. Не стали показывать в столовой кино, зато появились «видики». Экран телевизора мал, отряды садились даже на столы, чтобы увидеть зарубежный боевик. Вале не нравились чужие фильмы. Она любила «Полосатый рейс», «Кавказскую пленницу» и многие свои советские фильмы. А чужие мультики показались ей глуповатыми и неприятными.

В последний сезон Валя уже не стояла на линейке. Работала в столовой. Мыла посуду, помогала поварам. У мамы тоже не стало работы. Она плакала, провожая отца в далёкий Сургут. Папа должен был устроиться и приехать за ними. Но прошёл год. Не только переводы перестали получать, но и открыток не находили в почтовом ящике. Папа не отвечал на письма, не приходил на переговоры. Начальник транспортного предприятия, куда папа устроился водителем трубовоза, ответил, что Лебедев М.И. уволен по статье за прогулы и пьянство. Мама собралась обратиться в органы, но тут папа прислал письмо из Тюмени, извинялся, просил не волноваться, так как ему удалили почку, а медсестра взяла его к себе в семью. Возможно, он приедет, если отпустит молодая жена, потому что у них после почечной операции образовался ребёнок.

Мама устроилась мыть полы в доме культуры, а Валя решила поступить в профтехучилище, так как оно ещё работало в соседнем селе. Она очень хотела стать врачом, но училась на повара. В училище хорошо кормили, платили стипендию. Подруги — Настя и Таня отговаривали её, хотя сами в школу посещали неохотно. У них не было ни модных сапог, ни новых платьев, чтобы ходить на школьные вечера. Они бродили по улицам, заходили в парк, который взяли в аренду какие-то мужчины, установили качели, карусель и колесо обозрения. Играла музыка, продавали пиво и мороженое. Знакомые мальчишки, бросившие учёбу, собирали по свалкам металлолом, сдавали, и могли жить самостоятельно, не выпрашивая денег у безработных родителей, отдававших своё время огородам и личным подворьям, на которых росли животные и птица. Мальчишки угощали девочек пивом и шоколадками.

Училась Валя старательно. Не ходила на танцы. Ей нужно было получить свидетельство о среднем образовании. Она непременно будет врачом. Свою работу видела даже во сне. Будто бы ведёт приём больных детей. Она всех исцеляет. Дети водят хоровод. Она стоит в центре, и всем раздаёт импортные конфеты, которые не вкусней своих, родных, которые всегда покупал в полочку отец.

3.

Валя поняла, что наступившие перемены ей не принесли ничего хорошего. Народ потащили в новую светлую даль, когда спекуляция стала называться предпринимательством, а вседозволенность, демократией. Мечта об учёбе в институте таяла. Девушка верила, что сможет добиться цели. Она сильная и настойчивая. На-

деяться на помощь родителей не могла. Решила получить какую-нибудь специальность и окончить школу.

Настырная Валька Лебедева добилась своего. Она за один учебный год сдала экзамены за десятый и одиннадцатый классы. Ей вручили два документа. Она стала поваром-кулинаром. Её хвалили. Хотя и не все. Ей было всеравно, что скажет завуч по внеклассной работе. Валя отказывалась выполнять её поручения. Не участвовала в спортивных соревнованиях, не выпускала стенную газету, в редколлегию которой, её записали. Она даже отказалась копать и делать грядки на огороде завуча, хотя другие девочки это делали с удовольствием, за что получали высокие баллы по истории, предмет, который вела тётя Алла, молодящаяся бабулька с вихляющим из стороны в сторону бюстом. Когда она видела преподавательницу, спешащую по коридору, ей казалось, что вот сейчас кофточка прорвётся, и два арбуза упадут и разобьются об пол. На Валентину жаловались и другие преподаватели. Но директор училища — полный и добрый Алексей Алексеевич Водкин — заступался за неё. На краевом конкурсе Лебедева получила за профессиональное мастерство второе место. Первое не могла получить, так как выступала и внучка председателя жюри.

Валя хотела попасть в столовую больницы, но штат оказался укомплектованным. Не приняли её и няней. Главврач сказала, что её не могут направить на учёбу, так как она не из семьи медработников, не училась в специальном классе, который проходил практику в поликлинике.

— Я получила специальность повара-кулинара. У меня есть медаль и диплом. У меня два брата и мама...

— Работайте по специальности. Что вам тут надо?

— Я — хочу стать детским врачом. Дайте мне направление. Я была в администрации. Послать меня можете только вы. ...Я не могу учиться. Там платно всё. У нас нет денег.

— Ищите заведения, где доступно.

— Мне нужно стать детским врачом. Я умею делать инъекции. Я читала много литературы по детским болезням. Я могу работать санитаркой. Вы увидите, что я не подведу вас. — Валино безбровое личико с узкой верхней челюстью и тонкими синюшными губами было бледно и выражало тоскливую озлобленность. Девушка напоминала затравленного волчонка, который не знает, что будет с ним, но пытается сопротивляться, озлобясь на всех, кто не хочет его отпустить на свободу. На Вале коричневая материна вязаная кофта и клетчатое платье, из которого она никак не могла вырасти. Поэтому носила его много лет. — Ну, спросите меня о том, что нужно делать, когда ребёнок получил ожог или другую травму. Спросите меня, как диагностировать аппендицит у трехлетнего...

— Чего ты тут разоралась? Иди. Не мешай работать.

Главврач испугалась. В просительнице увидела настоящего педиатра, который угрожает появлением её мальчику. Олежек учится на первом курсе. Он будет работать в этом чудесном посёлке городского типа, недалеко от большого промышленного города.

Валя понимала, что семья нуждается в её помощи. Мама иногда прибредала с работы пьяной. Дочь ничего не говорила. Сажала огород с братьями. Помогали подруги, приносили из дома рассаду помидоров и баклажанов, давали семена. У них всё было своё, но мама оставила семена огурцов и помидоров, тыкв и кабачков в

сенках, а голодные мыши съели. Мама не очень горевала, надеясь купить на базаре необходимое, но денег не было. Они уходили, как вода между пальцев.

— Я не могу отстать от подруг. Сложились на подарок. У Дуси день рождения. Сама, понимаешь, — говорила мама. — Могу и не пить, но как, если приглашают. Значит, уважают.

Валя подумала, что можно заработать деньги на учёбу. Она станет экономить во всём. Сможет скопить за год нужную сумму. Ей повезло. Её приняли в фирму, которая организовала филиал в посёлке. Она с подругами оказалась в новом цеху, в котором запахи лука и фарша с трудом перебивали аромат краски. Валя присматривалась к женщинам, училась работать.

Через неделю, когда приехал технолог, обратилась к нему.

— Разрешите работать самостоятельно, — сказала Валя, испугавшись своей смелости. Изложив молодой женщине план, с тревогой ждала ответ. Фирма платила за сотню пельменей, которая должна иметь определённый вес. О качестве и вкусе не подумал никто. Валька подумала.

— Умница, — сказала технолог. — Такие люди нам нужны. Назначаю бригадиром смены. Получите наклейки на пакеты. Смена номер пять. Устроит? Холодильную камеру...

— Она же без замка, — сказала Настя Ольгина. — Так не пойдёт. Поставьте замок. Пожалуйста. Мы там будем хранить мясо, фарш, изделия готовые.

На следующий день приехала технолог, привезла слесаря, который вставил решётки на двери и окна, установил сигнализацию и повесил замки на холодильники. Женщины из бригады, видя такое, поджали губы,

полагая, что девчонки им не помеха. Даже обрадовались, что продукция не будет смешиваться. «Сэкономленные» компоненты распределялись по сумкам. Валя это видела. В обеденный перерыв варили пельмени, сделанные из другого фарша, из другого теста. Валя помнила, как бабушка учила её работать сечкой. Мясо на котлеты и пельмени дома рубилось в корытце. Как специалист, Лебедева знала, что фарш в мясорубках окисляется и мясо теряет настоящий вкус.

Их было трое. Настя, Таня и Валентина. У всех дома пустила корешки нужда. Родители у Насти пили. Татьяна жила с бабушкой и братом. Отца посадили за похищенный мешок овса, а мать лишили родительских прав. Адвокат обещал, будто бы будет отсрочка наказания, так как его судили впервые. Каждый вечер девчонки начинали канючить:

— Валя, на дискотеку пойдём в парк? Валь, а давай немного мяса возьмём на тефтели. Брат работает на пилораме. Ест одну картошку. Хозяин не платит второй месяц.

— Немного. По двести граммов, — подходила и Настя Ольгаина. Девушка высокая и привлекательная. Она курила и ходила к женщинам, поучаствовать в застольях. Приглашали тётки всех, но Валентина и Татьяна Солопина отказывались.

— Мяса брать не будем. ...По две порции возьмите. Запишу.

— Ты что, Валюха, не убудет, — наступала Ольгаина. — Чего, блин, ты делаешь? — удивилась, видя, как Лебедева бьёт яйца в тесто. — Это же твои яйца. Ты же из дома припёрла. Зачем?

— Чтобы пельмени можно есть. Вы их ели? Ели. Варили? Свои, которые сделали отдельно. Эти же разваливаются. Без яиц тесто, не тесто.

— И молоко будешь лить вместо воды? спросила с иронией в голосе Настя. — Хочешь, давай своё дело откроем. Я тебе верю. У тебя получится. Мы сможем. ...Транспорт нужен, сбыт отладим. Возьмём ссуду, купим «Москвич» с будкой. Пикап.

— Не получится у нас. Нужны документы, сертификаты, лицензии... Хочу, чтобы наша продукция была нарасхват. Чтобы за ней гонялись. У нас фарш, как трава. Я ела. Жилы, не перекусишь. Кто жилы бросил? Одна жила может навредить. ...Удалять. Рубить мясо будем. Это не мясорубка. Это измельчитель. Кости бабы пропускают. От этого вкус плохой.

— Нам чего? Как сказано, так и делаем, — загорячилась полненькая Татьяна, её глазки — пуговки заблестели. — Пусть за качество хозяйка думает. Она получает больше нашего...

— Зачем делать плохо, если можем сделать отлично.

— Мускатный орех прикажешь толочь? — вздохнула Настя Ольгина. Что ты сыплешь?

— На базаре купила приправу.

— Наркотик? — подошла голубоглазая белокурая Таня. — Дай понюхаю. Ты что решила и муку покупать и фарш? Излишки — домой? Или продавать налево?

— Нет, подружки. Просто не стану откладывать в свой пакет и прятать в плавки мясо, как это делают тётки. Крахмал и гречку в мясо бросать не станем. Договорились?

— Ладно, — буркнула Ольгина, нюхая длинные наманикюренные пальцы. Что же это такое? ...Завтра Костя приезжает из армии... Надо причёску сделать.

— Иди, — сказала Лебедева. — А мы. Доделаем. Останется фарш, останется тесто. Завтра приедут забирать пельмени.

— Мы и так за эту неделю сделали два плана, — сказала Татьяна Солопина.

— Значит, вы тут будете пахать, а я уйду, — насупилась Анастасия.

— Настя, не каждый день из армии приезжают одноклассники. Давай. Наводи красоту. Но замуж не ходи.

— Почему? Валька, а ты бы пошла? ...Почему нет?

— Я хочу стать детским врачом.

— Пальцы развиваешь? ...Я видела, как тётя Рая выхватила из кармана мешочек полиэтиленовый и надела на руку. Хватить из тазика фарш и за пазуху спрятала. У своих воруют. ...Пятеро детей у неё. Сестра приехала из Киргизии с оравой. Квартиру там бросили. Работу не могут найти. Продают на базаре ерунду всякую. На хлеб нет денег.

Лебедева промолчала.

На следующий день прибыла с проверкой технолог. Приказала поставить на газовую плиту кастрюльку с водой, и пошла по цеху. Юлия Дмитриевна Гришко даже забралась в шкафчики девчат, проверила санитарные книжки, заглянула в мясорубку, заметила в углу паутину. Взяла швабру, начала убирать. Лебедевой стало стыдно. Она устроила мать убирать помещение, но работала сама. Гришко взяла пачку пельменей из холодильника. Бросила на весы.

— Татьяна, открой, — придирчиво рассмотрела почти каждый пельмень, даже ковырнула пальцем мерзлое тесто. — Сыпь, в кипяток. Посолю сама.

Подошли Лебедева и Ольгина. Девушки внимательно следили за действиями подруги. Технолог не отходила.

— Всё. Вынимай. Остальные пусть кипят. Посмотрим, как разварится тесто ваше, подруги. — Что-то вы много наработали в эту неделю. Халтурите? — Женщина взяла вилку, но Валя подала ей ложку, поставив рядом горчицу, натёртый хрен, сметану в вазочках, принесённых из дома. Женщина старательно жевала второй пельмень, не притронувшись к специям. Отложив ложку, сказала грубо:

— Что ты вытворяешь, девчонка? Кто тебе разрешил менять раскладку?

— Ничего не меняла. Всё положила в фарш, в тесто, что вы написали. Согласно раскладки, — хитрила Лебедева.

— Это совсем другие пельмени.

— А я мясо сама рубила, а не машина. Я удалила жилы. Они портят вкус. Протёртый фарш плотной консистенции, отличается от домашнего тем, что происходит процесс окисления.

— Я, забыла, девочка, что ты специалист. А что будешь делать с жилами и прочими отходами? Перерасход?

— Мы будем выпускать мясо-картофельные вареники. Вот моя раскладка. ...Из дома принесём по ведру. Начистим. Можем манты делать. Чебуреки... Мясо будем несколько раз пропускать, чтобы жилы не чувствовались

— Пробуйте сначала одно. Сертификат пробью, если будет прибыль. Упаковочную тару привезу через неделю. Назовём ваши пельмени «Мамины». Пойду к вашим соседкам. А почему эти в кастрюле не развалились? — Юлия Дмитриевна достала шумовкой пельмени, рассмотрела их. Начала есть. — Фантастика. Они стали ещё вкусней. И не расквасились. Не понимаю, Валя, но вкусно.

Девушки прятали сияющие глаза, восторженно улыбались, когда получали деньги.

Гроза разразилась через три дня. После обеда в цех к девушкам буквально вкатилась тётка Рая. Завизжала с порога.

— Страмовки вонючие, вы, что тут делаете? Заказчики сейчас приехали. Требуют какую-то «пятую смену», а у нас не берут. Говорят, давай «пятёрку». А халтуру, пусть сами жрут. Чо кладёте? Признавайтесь.

— Мясо и лук, — рассмеялась Настя.

— Я не шутки с вами тут шуткую. Сейчас вот сварили вашу пачку. Не развариваются. Хоть час вари. А вкусные какие.

— Тётя Раечка, всё как вы учили. По вашей раскладочке. Ни больше и не меньше.

— Хватит брехать, Танька, говори секрет.

— Вы наши сумочки видели. За пазухой фарш не носим. Мы ещё не оформились, как следует. Сисек у нас больших нет. Хоть Рексом обнюхивайте. И за забор мы не кидаем пельменьки. И крахмал с гречневой кашкой не добавляем.

— Хватит. Нашли посмешище. Молода больно выдрючиваться. Валька, пошли в цех, учи баб, как вкусно делать

— Раиса Петровна, как же я их научу, если их уже научили при социализме, а мы живём при капитализме. Кто теперь их переучит? Я, не смогу. «Не украдёшь, где взять». Вы так живёте. Дома такие пельмени лепите?

— Так то дома... Правда, в пазухах фарш тягают домой? А премию вам большую дали?

— Будто вы не видели, — сказала Таня, демонстративно скривив полненькие алые губки. — Нет, и я не видела.

Прошла неделя. Девочки работали быстро. Водитель, привозивший мясо, загружая коробки, сказал:

— Вот эти с цифрой заказали два ресторана, беру, а вот эти лежат. Сегодня не беру. Их никто не берёт. Подумайте, тётки. Шеф обещал вам всю продукцию выдать вместо зарплаты.

Женщины перестали дуться и начали здороваться с молодыми коллегами, выказывая знаки внимания.

— Девки, а чо вы туда кладёте? — спросила дородная Зинаида Сидоровна Близнюхина..

— Не подглядывайте. Заходите. Не ужалим. Дайте слово, что никому не передадите. Даёте? Мы без сумок уходим с работы, — рассмеялась Таня Солопина.

— Мы не видим? Вы тут ночуете. Зачем вам это надо? Выскочки. Зассыхи. Мы работали...

— Пёрли вы яйца, муку... Тащили домой. А не работали.

— Не украдёшь, не проживёшь, девочки. Платят нам гроши, а вкалывать приходится как рабням Изаурам. Пальцы у вас не сводит? У нас сводит.

— Бабы, чо с ними говорить, надрать крапивой, чтоб стоя работали. Штрехбрекеры. — предложила бригадир женской бригады.

Девушки уставали. Изрубить килограмм мяса дома — не трудно, а если нужно двадцать килограммов измельчить? Валя купила топорик, надеясь, что широкое лезвие позволит быстрее справиться с фаршем. Однажды пришёл брат Татьяны Солопиной. Пилораму закрыли. Парень остался без работы. Его накормили, что называется, как родного. Он, видя, как трудно сестре и её подругам, решил помочь. Через час вышел покурить. Вернулся вечером.

— Витя, куришь долго. Помощник. Что ты принёс? — спросила Настя.

— Это мясодробилка. Переделали с Колькой. Он выточил штифты. Помойте кипятком, чтобы не пахло сваркой. Теперь она будет не зерно дробить, а вот такие куски мяса рвать.

Испытывали машинку поздно вечером. Виктор два раза очищал свой агрегат, забивался. После регулировок машина заработала быстро и прилежно.

— Всеравно металл, — вздохнула Валентина.

— Зато быстро. Мясо не успевает окисляться. Валя, а если в этот фарш добавлять рубленый вручную. ...Я, кто. Без работы остался. Принимайте. В две смены стану пахать. На хлебозаводе видел сломанный тестомес. Восстановлю. Папаху шить, не шубу шить, для сестры можно и поспешить. Мы станем выдавать в три раза больше пельменей. И ещё у меня мысль есть. Это потом.

Приехавшая технолог, увидела парня в белой куртке и брюках, удивилась, но потом сказала:

— Это ты о нём мне звонила? Поговорю с начальством. Чтобы книжка была санитарная, а то...

— Вот документы. Возьмите. Трудовая и санитарная, — сказал Виктор.

— Мне-то что. С выработки работаете. Валя, пошли в бытовку, запиши заказ. — Женщина раздвинула занавеску, села перед столом. Бытовка — огороженный уголок, в котором стоял стол, плита и умывальник. — К вам собирается директор приехать. Особо не усердствуйте. Не любит подхалимов. ...Не могу сказать. Слышала, что намерены рекламу снимать для телевидения. Может быть и не правда. На всякий случай, погладьте шапочки и халаты. — Юлия Дмитриевна положила на стол ведомости. — Здесь зарплата и премиальные за качество. Ваши пельмени берут в кафе и рестораны. Цену подняли мы, естественно. Сделаем контрольное взвешивание. Ставьте воду...

Технолог выбрала из коробок десять пачек. Взвешивала каждую. Девушки помогали. Они не боялись за свою продукцию, но всегда волновались, когда приезжала нафуфыренная, как актриса, технолог — Гришко. На улице раздался звук работающего двигателя автомобиля. Валя увидела, пожилого мужчину, идущего от калитки к цеху.

— Вот и пятая смена, — пророкотал простуженным баском, вошедший. — Давайте знакомиться. Валерий Артёмович. Заместитель директора. Кодин.

Вышла из-за шторы Юлия Дмитриевна, поздоровалась с начальством.

— Я предупредила девочек.

— Реклама отменяется. Хорошая продукция не нуждается в рекламе, — сказал мужчина. — Обедать не буду. Мало времени. Кто старшая? Вот ты какая. Хвалю. Есть мнение, чтобы забрать тебя в город. В основной цех. Начальником. Пойдёшь? Комната будет...

— Не смогу. У меня два брата и мама больная, — сказала Валентина.

— Подумайте. Учиться будете? Можем послать. ...Хорошо. Сделайте нам что-нибудь оригинальное. Намечается собрание акционеров на базе отдыха в субботу. Хочется выпендриться. У нас есть шеф-повар, но может быть, вы придумаете такое... — мужчина потряс кулаком, надевая шляпу.

Оставив коробку конфет, заместитель покинул цех.

— Почему ты не согласилась? — спросила технолог.

— Незнаю. — опустила голову Лебедева. — Мама без работы. Мальчишкам в школу. Одежду надо купить, учебников нет.

— Всю жизнь будешь тут с фаршем возиться. А если фирма прогорит, если перестанем заниматься полуфабрикатами. У нас есть колбасный цех, есть свиарник, мельница, скупает начальство землю. Тебе нужно учиться. Обязательно.

— Мне очень хочется стать врачом. Детским.

— Что вы говорите, Валя? Вы прирождённый кулинар. Знаешь, что, дорогая, поговорю с шефом. Он собирается открывать санаторий, массажный кабинет, грязи и так далее... Здесь. На берегу. Хотя это и не для детей, но и... Нужно подумать. Пока мамы отдыхают и лечатся, дети тоже могут получать какие-то оздоровительные процедуры. Напомни, Валюша, позвони в понедельник утром до планёрки. Будет собрание. Шеф приедет. Вот и сама потолкуй. Говори коротко и обоснованно. Не мямли. Любит конкретику и серьёзность.

До конца рабочего дня девушки наперебой обсуждали предложение. Валя записывала идеи. Но ничего стоящего не придумали.

— Если пельмени жарить во фритюре, — сказала Татьяна.

— Это же чебуреки, — вздохнула Настя. — Я читала, что в некоторых областях пельмени сначала варят, а потом обжаривают.

— А кто знает, как делать струдели? Я ела раз у соседей. ...Как спросить, если они уехали в Германию, — сказала Таня. — Остаётся поискать бабушек, которые знакомы с немецкой кухней.

— Я, знаю. У нас на улице Чкалова живёт семья Дофлер. К ним я схожу, — сказал Виктор. — Мы с сестрой всё вызнаем. В лоб не дадут. Серьёзно, девочки. Удивить сможем.

— Нужно кислое тесто, — проговорила Лебедева. — Нужна пароварка, в которой манты варят. Нужно книжки полистать кулинарные.

— Схожу в музей. Видела старинную кулинарную книгу, — загорелась Татьяна. — Галина Алексеевна разрешит. Она у нас историю преподавала в классе.

Девушки притихли, думая о своём. Начали мыть руки, переодеваться. Полученная зарплата лежала в кошельках и требовала, чтобы её потратили. В тот вечер никто не взвешивал пельмени на ужин. Виктор, придумавший фаршедозатор, засобиравшись домой, хотя у него было горячее стремление довести до ума приспособление, которое позволит быстро наполнять заготовленные сочни одинаковыми порциями фарша. Он обещал выведать секрет рецепта штруделей.

— Валя, давай по субботам будем работать. Пусть они косятся. На базаре видела такую курточку на Витьку. Он ходит, как бомж. Ему жениться пора. Он, как из армии пришёл, так и вкалывает в солдатском. На бабушкину пенсию ведь жили, — горько говорила Татьяна, оглядываясь, чтобы брат не слышал.

— Давай. Я, согласна. С Настёной поговори, — сказала Валентина.

К приезду Валерия Артёмовича девушки приготовили выставку — образцы блюд. В старинной кулинарной книге Татьяна нашла простое, но необычное блюдо, колдуны. Разобрались с рецептом. Попробовали. Решили предложить заместителю. Пока варились колдуны, Валя и Настя старались над струделями. Валя сделала раковый соус. Виктор занимался своим дозатором, не принимая участия в девичьих хлопотах.

Валерий Артёмович и шеф — повар, полнолицый китаец — уйгур с хитрыми глазами снимали пробу. Заместителю всё понравилось. А вот приглашённый из ресторана асс, кривил губы. Ему что-то хотелось переделать. Он записывал рецепты шикарной чёрнильной ручкой с золотым пером в узкий блокнотик. Гости затопились. Выходя, Валерий Артёмович, позвал Виктора. Валентина сложила в стеклянную банку остатки колдунов и струдели.

— Пообедаете. Пригодится, — сказала она у автомобиля. — Заместитель взял тёплую банку, поблагодарил за выполненное поручение и отдал водителю, что-то сказав.

— Вот вам, Лебедева, премия, — проговорил Валерий Артёмович. — Забирайте. Открой, Ваня, багажник.

Виктор и водитель внесли в цех мешок сахара. В то время продавался редко и стоил дорого. Девушки обрадовались.

Валя с нетерпением ждала того дня, когда сможет поговорить с шефом фирмы, которая купила пионерский лагерь. У районной администрации не было денег его содержать в надлежащем порядке. Сначала отклю-

чили воду, так как водоразборная башня не отвечала требованиям. Пытались провести водопровод из соседнего лагеря, но запретили, так как трубы оказались не того размера и материала. Последний сезон воду привозили большой бочкой, которая обнаружилась в колхозном складе. Это тоже оказалось нарушением. Бурить новую скважину почему-то не стали. Если раньше колхозы вносили посильную долю на содержание пионерского лагеря, то наступившие перемены уже не позволили этого делать. Колхозы переименовывались, но от изменения названий, денег в кассах не прибавлялось, чтобы приобрести новую технику, удобрения и семена. Землю стали делить на паи. В пустых коровника и свиарниках гуляли сквозняки. Кучи навоза не отвозили на поля. Снимали с крыш шифер, утаскивали транспортёры навозоудалителей. А электродвигатели исчезли сами по себе. Руководители хозяйств менялись каждые полгода. Но и это не спасало от развала. Появились свободные фермеры. Люди начали обрабатывать землю индивидуально, семьями, как это было когда-то.

Неожиданно приехала технолог. Загрузили несколько коробокпельменей в китайский грузовичок — рефрижератор. «Поедем, — сказала Юлия Дмитриевна Валентине. — Сегодня он ещё не очень занят. Я ему сказала насчёт медицинского обслуживания. Он хочет поговорить с тобой».

Валя долго сидела на крыльце домика, в одной половине которого располагался медпункт. Из раскрытого окна доносились отрывки громких слов. Она поняла, что решается важная задача. Вдруг вышел мужчина с бледным лицом и пошел к озеру по асфальтированной дорожке мимо старых выцветших плакатов наглядной агитации. Валя помнит их. Каждый день проходила

здесь по этим дорожкам в строю с девочками, бегала на купалку, на спортплощадку.

— Иван, обиделся, в натуре! Можно переиграть, — крикнул вышедший на крыльцо высокий парень в дорогом костюме. — Иди, — напустился на Валентину, — Нечего тут сидеть.

— Мне назначено, — встала девушка.

— Отойди в сторону и жди. Доложу.

Лебедева ушла к волейбольной площадке и села на расстеленную газету. Выходили и заходили, подъезжавшие на чёрных больших автомобилях озабоченные молодые мужчины с папками. На крыльце сидели двое и тихо переговаривались. Пахло расплавленной смолкой — живицей и гниющими водорослями несло от озера.

Неожиданно увидела идущего Валерия Артемовича. Он тоже заметил её. Едва кивнул и быстро шагнул на крыльцо. Валя обрадовалась. «Сейчас выйдет и пригласит её. Тот, кто решает, примет её и отправит учиться в Барнаул. Она успеет на вступительные экзамены. Должна успеть. Можно поехать в Новосибирск, в Томск, в Кемерово. Только бы разрешил, только бы оказалась нужной его фирме».

Прошел ещё один час. Валя огорчённо смотрела на дверь и думала о своей жизни, которая перестала быть интересной и желанной. Вспомнила, что ничего не ела. Технолог уехала. Ей предстояло идти домой по песчаной дороге, петляющей по тайге, Она верила в удачу, верила в то, что сбудется мечта. Не сегодня, но когда-нибудь добьётся исполнения желания. Вот открылась дверь, и Валерий Артёмович посмотрел по сторонам. Валя вскочила и почти подбежала.

— Врачи будут нужны, — сказал мужчина. — В этом году ты опоздала. Документы не принимают. Всту-

питательные экзамены идут. Поработаешь здесь по специальности. Через три дня открывается санаторий — профилакторий. Зарплата больше, чем получаешь.

— А зимой?

— Домики утепляют. Грязелечебницу начнут строить весной. Будут врачи по желудочным заболеваниям, опорно-двигательного аппарата. А пока будут приезжать отдыхающие, автобус начнёт ходить регулярно из города и в город. Решили делать экскурсии. Купили катер для водных лыж. На пельменях столько не заработаешь. Мой тебе совет, Валентина, соглашайся. Покажи себя. Пообещал оплатить учёбу в медицинском институте. Он слово держит. Хочешь, дождись его. Со строителями сметы просматривает...

Валя не стала спрашивать, куда вылетает шеф. Один плюс — стабильная зарплата. Девочки поймут. Она докажет свою необходимость и значимость. В самом деле, документы не готовы. Август.

В первую неделю отдыхающих было десятка два. Бродили по кедровой гриве, сидели в баре, стучали по шарам палками. Привезли и установили игральные автоматы. Видеопроектор с утра до вечера показывал эротику. Вечерами отдыхающие собирались на дискотеку, но большинство играли в карты, пили коньяк и лезли в воду.

Постепенно пионерский лагерь заполнили мужчины и женщины. Домики спешно утеплялись и перегораживались. Приехав утром на работу, Валя замечала, что на бывшем футбольном поле появились ещё несколько шалашеобразных домиков, которые называли «бунгало». За территорией началось строительство большого здания. Пробурена скважина, установлена во-

донапорная высокая башня. Появилась спутниковая антенна. В бывшей библиотеке заработали компьютеры, — это открылось «Интернет-кафе». Если в первые дни Валентина могла искупаться с девчонками, кухонными рабочими, то теперь у неё, как у старшей смены, хлопот выше макушки. Отдыхающие с вечера заказывали меню. Нужно было успеть сварить, сжарить, стушить. Людмила Степановна Кузнецова умело гасила конфликты с капризными заказчиками, говоря, дескать, не ресторан, но готовить каждому отдельно будем. Заказы стали принимать в баре за невероятно высокую цену. Были отдельные граждане, что требовали невиданных блюд.

— Не робей, — говорила Валентине. — Это обыкновенный белый соус, но с грибами, а их в этом году прорва. Постепенно привыкнешь. Они дома тюрю хлебали, а тут выколашиваются.

Поиздержавшись, отдыхающие перестали модничать, и ели обыкновенные Пожарские котлеты, не брезговали крошкой. Обычно было три-четыре вида кофе, но большим спросом пользовался чай. Не какой-то в пакетиках, а настоящий, индийский. Валентина привезла конспекты, книги по кулинарии. Отдыхающие хвалили её смену. Блюда были вкусными, их хватало. Она делала всё быстро. Её помощницы, опытные кулинары-самоучки из городских столовых сначала пытались показывать гонор, недовкладывали продукты. Валентина нашла заначки масла и мяса, молча, выложила на стол.

— Ешьте. До конца смены пропадёт. Шеф-повар накроет. Кому вредите? Себе. Неделя кончится. Выпишу вам и мясо, и сахар. Повезёте в город? Воруйте, но чтобы я не видела.

— Сила привычки, — улыбнулась золотозубая Екатерина.

— Забудь, Валюшка, заедает самолюбие. У нас стажу по семь лет, а ты, после училища, и — старшая смены, — насупилась полная, но подвижная Алевтина.

Когда окончилась неделя, когда заступила другая смена, женщины, отказавшись от дежурного автобуса, который должен идти утром, отправились домой на грузовике, привозившем со станции уголь. Валентина решила отдохнуть после напряжённой недели, а утром на автобусе ехать домой. Намеревалась сходить в душ, полезла в сумку, обнаружила мороженный фарш и банку конфитюра, который шёл на пончики. Коллеги решили «подшутить». Она пошла на кухню. Женщины ставили тесто, чистили овощи, готовили мясо на бульон.

Старшая смены отозвала Валентину в уголок и сказала:

— Твои обещали показать тебе козью морду. Я их знаю. Шалашовки. Набери себе других. Почему они не поехали автобусом? Натырили продукты, и у строителей прятали. Хотят тебя подставить.

Валентина положила на стол банку и свёрток.

— Зачем это? ...Ловкие бабы. Ты поедешь, а утром тебя осмострят. А может, и вечером Людка придёт. Как ты обнаружила? Проверь постель. Загляни в шкафы. Перетряси всё бунгало.

Через час поварих привезла шеф-повар. С участковым и понятыми нашла женщина на автостанции, потребовала открыть сумки. Женщины противились, говоря, что это насилие, что станут жаловаться. Милиционер предложил пройти в отделение. Обнаружили продукты. Составили акт хищения. Женщины плакали, умоляли, чтобы простили.

— Предупреждала, — сказала Кузнецова.

— Валька воровала и нам дала. Мы не хотели.

— Она и к строителям бегала водку пить и продукты у них оставлять?

— Она с виду такая справедливая, а в тихом омуте... Проверь у неё.

— Подложили и ей? — рассмеялась Кузнецова. — Знаю вашу породу. Мерзавки. Готовы человека втоптать в грязь.

— Проверь, а потом говори, — рассмеялась Алевтина. — У неё рыльце в пуху.

— Знаю, что вы её хотите подставить. Обидно? Не стала с вами воровать, не стала масло на самогон менять. Получайте расчёт. Завтра утром — домой. ...Акт не у меня. Что решит суд.

Валентина сходила в душ. Посидела на скамье у своего домика и отправилась спать. Можно было идти домой. Но силы оставили её. Подлость женщин угнетала. Не могла уснуть. Играла музыка на танцплощадке, доносились с озера голоса женщин. База отдыха жила своей размеренной жизнью. Испугалась, когда в дверь домика начали сильно стучать.

— Ищите, подлые души. Куда напратили? Не нравится вам девочка, требует нормальную работу. Себя подставили, а не её.

— В сумке поройте, — нагло выговорила золотозубая Екатерина.

— Под шкафом.

— Что там? — спросила Кузнецова. — Доставайте сами. Ничего нет. Вы же положили, а куда делось? Идите в бухгалтерию за расчётом. Испугалась?

Лебедева понимала, что люди настолько могут быть подлыми, но не, да такой степени. Вместе работа-

ли, вместе потели у кастрюль, у жарочных шкафов. Разговаривали, делились сокровенными мечтами. Она сидела на кровати, обхватив колени, выпирающие неровными бугорками под натянутой тканью рубашки.

— Не испугалась, а не могу понять...

— Поймёшь. Всё у тебя впереди. Отдыхай свою неделю. Кадры подыщу. Придётся открывать новое дело. Могу только на тебя надеяться. Жалуются отдыхающие, просят шашлык и пиво разливное. Двенадцать сортов пива в баре, а им подавай из бочки. Посоветовали мне взять тебя. Артёмович высокого мнения. Ты ему нравишься. Научу. Подскажу. — Успокаивала Лебедеву Людмила.

Спала в ту ночь плохо.

б.

Валя не удивилась, когда базу отдыха всколыхнуло известие о краже ювелирных украшений у Аглаи Марифанкиной. Женщина гуляла в весёлой компашке. Развлекались сначала в баре, потом на берегу жгли костёр, пытались купаться. Прибегали парни за шашлыком. «Она могла потерять украшения», — подумала Валя.

Приехавшие из райцентра следователи осмотрели домик, где жила потерпевшая с подругой. Замки целы, окна затянуты сеткой от комаров и мух. «Я сходила в сауну. Браслет, перстни, серьги, цепочка с кулоном знака «Тельца» лежали на тумбочке. Потом отправилась в столовую. Всё было на месте. На берегу, мы пели у костра, купались. Перед сном я видела, что всё лежит на месте. Мы провожали подругу мою. Она уехала в город ночью. Вызвали такси. Когда проснулась утром, на тумбочке ничего не было», — рассказала Марифанкина.

Следователи опросили всех, кто гулял в тот вечер на берегу озера. Вале тоже задали несколько вопросов.

Поев шашлыку, надели наручники на немого сторожа и укатили на автомобиле, оглашая лес «музыкой».

Сорока прилетела к Вале после обеда. Она сразу застрекотала, привлекая внимание. Лебедева заметила, что в клюве птица держит кольцо. Она подошла с кусочком мяса. Сорока положила перстень, взяла из пальцев мясо и улетела. Большой перстень с красным камнем ей оказался великоватым. «Вот кто вор», — подумала Валя, опуская подарок сороки в карман. Она видела такой перстень у Аглаи. Подошли заказчики шашлыков и любители пива. Лишь через несколько часов Лебедева смогла отдать перстень потерпевшей. Ей нужно было пригласить с собой Зою или Кузнецову, но она, ни о чем, не думая, отправилась к женщине. Вместо благодарности Аглая обозвала девушку воровкой и начала звонить по телефону. Валя ушла на рабочее место. О находке уже все знали. Пришла Зоя и тихо проговорила:

— Дурища, ты — не битая. Помалкивала в тряпочку, а то придумала, что сорока принесла ей перстень. Кто тебе поверит.

— Я ж весь день на ногах. Кручусь у мангала.

— Будешь теперь ментам объяснять.

— Директор базы отдыха делал объявление по радио. Вот я пошла и отдала. Она меня обозвала.

— Где остальные украшения? — подскочила Марифанкина.

— Радуйся, что перстень нашёлся, — сказала Зоя.

— Это она с Немтырём забралась в домик и украдала. Лучше отдай всё. Ничего не скажу.

— Чего тебе отдавать? Сорока принесла твой перстень. Прошлый вечер кувыркалась и потеряла, а птица нашла, — говорила со смехом Зоя.

— Это они с Васькой ключи подделали и украли. Я что дитё — буду сказкам верить о сороке. Дуру нашла. Хочешь подельника выгородить. На птицу свалить.

— Надо последить за сорокой, — сказал завхоз. — Возможно у неё в гнезде и остальные цацки. Сороки любят блестящее. Оставила где-нибудь, а сорока утащила.

Аглая расхохоталась в лицо пожилому человеку.

— Вот она сорока. Она и украла.

Подошедшие отдыхающие напали на Марифанкину, выгораживая Лебедеву.

— Валюша до звёзд стояла тут. Пиво свежее привезли. Очередь была. Когда бы она успела? Ты вчера была какая? Что ты помнишь?

— В домик тебя привели во втором часу. В умат пьяная.

— На ногах не держалась. Дружки стырили твои серёжки. А ты на Ваську показала.

— Случай был, — начал завхоз.- У командира роты сорока утащила карманные золотые часы на цепке и с надписью от генерала армии.

— Сороки тут двуногие поработали. Эта раскидала свои кольца, а на людей клепает. «Телегу» на Вальку не кати. Поищи хорошо, где акробатикой занималась в кустах.

Через час приехал участковый и надел на Валентину наручники.

— Дядя Толя, вы меня подозреваете? — удивилась Лебедева.

— Велено доставить в отдел.

— Дайте время, чтобы прибрать всё. Мясо сгорит, пиво надо отнести в бар. Вы ж меня знаете. Рядом живём. Надо и деньги сдать в кассу.

— Не трусь, — сказала Зоя, — Только не ври. Говори, как было. Разберутся. Неужели, Васька стибрил драгоценности у этой халды? Он дрова колол. А ночью кто знает, где был. Вот, дурёха, зачем перстень вернула этой козе задрипанной? — Нашла приключения на свою худую шею.

— Я ручаюсь за Лебедеву, — сказала заведующая питанием и технолог Кузнецова. — Эта девочка чужого не берёт.

— Моё дело, сторона. Приказали. Звоните начальству. Пишите быстрее характеристику.

Автомобиль подбрасывало на сосновых корнях, Валю мотало по вонючей будке. Она хотела плакать, но не могла. Васька колол дрова, жёг угли, помогая ей. Не мог он украсть украшения.

Допрашивали её долго, повторяя одно и то же. Пугали увольнением.

— Скажи, когда и с кем украла драгоценности у отдыхающей Марифанкиной? Какая сорока? Что за лапша? Давай колись, зараза. Некогда нам тут с тобой сказки слушать.

— Сороку ты дрессировала, учила воровать перстни и цепки? Много наворовала? Сади её в камеру. Пусть посидит и подумает над своим поведением.

Валя молчала. Ей не верят и никогда не поверят.

В камере жутко воняло. Поплавав, уснула. Ей снилась мама. Она звала копать картошку. Заскрежетал замок. Послышались голоса.

— Иди домой, шалава, — сказал парень в форме. Валя его не знала.

— Немой сознался. Указал, где запрятал похищенное. Сорока, сорока. В гнезде нашли. Поехали, и нашли.

— Не мог он украсть. Это сорока. Васька дрова колочил. Потом мясо рубил для столовой. Потом они с завхозом поехали на свинарник. Повезли отходы. Завхоз может подтвердить. Они кормили поросят и забили свинью. Аглая сказала, что утром не нашла украшений.

— Кого ты защищаешь? Васька Барабанов двух заколол, а уж кольцо украсть ему, что два пальца обсосать, — сказал следователь, работавший в школе учителем по черчению. Иди к своей ядрёной матери.

Валентина сидела на лавке у крыльца райотдела и пыталась успокоиться. Со стенда на неё смотрели с портретов люди и ехидно улыбались. Не виноват Васька. За что его посадили? Он же дрова колочил и ездил кормить свиней с завхозом. Это кто-то другой. Не успел бы он.

Начальник милиции внимательно выслушал Лебедеву. Приказал привести Барабанова. Васька взял карандаш и написал на листке: «Валюха не бери в голову. Я украл. Забудь».

— Он всё врёт! Он ночью ездил с завхозом на свинарник; и забивали свинью. Не верьте ему. Это сорока потаскала украшения.

— Она дверь не умеет открывать ключом, — сказал начальник райотдела и потянулся к графину с водой.

— Сорока принесла мне перстень. Я, клянусь. Зачем мне врать? Марифанкина была пьяна в ту ночь. Провожала подругу. Васька не виноват.

— А ключ у него нашли, — сказал следователь. — Принести?

— Давай.

— Дайте мне посмотреть, — попросила Лебедева.

Следователь равнодушно бросил на стол перед девушкой полиэтиленовый мешочек с ключом. Валя толь-

ко взглянула на него и сразу поняла, что ключ от подвала, где хранятся мётлы и лопаты, бочки с капустой и морковкой.

— В домиках другие замки. Английские. Врезные. А этот ключ от другого замка. Навесного. Большого и круглого. — Валя с надеждой смотрела на грузного милиционера, на его погоны с золотыми звёздами.

— Зачем ты нам врёшь! — стукнул пухлой ладошкой по столу начальник отдела милиции.

— Не строжься. — Вдруг сказал Васька. — Какая разница тебе кого сажать. Лучше уж меня засадите, чем её. Она глупая. Скоро зима.

— Захотел на тёплое место. Не выйдет. Рассказывай по порядку. Как дело происходило с кражей украшений из жёлтого металла?

— Украшения нашёл у сосны, что растёт у мангала. Пошёл утром пиво пить. Может быть, там у неё гнездо. Нашли там. А сейчас вот её привезли. Сорока всё и тырила. Потерпевшая ничего не помнит. Валька кормила её. Она ей и отплатила. Вальку взяли. Думал, надо выручать девку. Ни за что получит. ...Кто станет разбираться. Нашла перстень. Сорока принесла. Какое дело им до Вальки. Нужно кражу раскрыть. Нужно, очень нужно.

Майор опять налил воды, но пить не стал, а подвинул стакан Лебедевой.

— Она тебя защищает, а ты её? Герой нашёлся. Заступник выискался. Продал бы цацки, и погулял. А этой ничего бы не было. Ну, год условно.

— Это для меня год условно ничего не значит. Для неё — беда.

Следователь швырнул ключ перед Лебедевой.

— Благодарю её, а то опять бы пришлось париться на нарах, — сказал начальник отдела. — Идите, чтоб я вас не видел.

Шли в кромешной темноте. Шелестели в сосновых иглах капли дождя. Через лохмотья туч высывалась луна. Вдруг Василий схватил девушку за плечи, придвинул своё лицо к её глазам. Сказал хрипло:

— Сорока, ты сорока. Учить тебя надо, лохушку. Меня бы отпустили. Нет доказательств. Сорока твоя мой тайник нашла.

— Так это ты?

— Не сорока, — радостно выматерился Барабанов. — Шибко вкусный шашлык печёшь. Не обсчитываешь. Нравишься мне. Давай поцелуемся что ли. За всё надо платить. А я спасал тебя, первый раз со мной такое. Люблю, наверно. Куда бежишь, дурёшка моя? Я ж похорошему. Выгораживал от болтовни чужой. — Васька побежал за девушкой, но запнулся о корень сосны, упал в мягкую уже не горячую пыль. — Живи. Пока, — прошептал и рассмеялся.

7.

Перед Новым годом Кузнецова заболела. На своё место готовила Валентину. Начальник базы приказ не подписывал. Заместитель пригласил после обеда. Кому - то долго выговаривал в красную трубку. Ругал за слабое распространение путёвок. Валя собралась домой. Отдыхающих мало. В основном рыбаки-пенсионеры. Но в пятницу на базе не хватало мест. Говорил Валерий Артёмович Кодин, заместитель начальника базы отрывисто, покашливая:

— ...Мне нужны кадры постоянные. Лебедева прошла испытательный срок. Весной едет на подготовительные курсы. ...Поступать в медицинский инсти-

тут. Нам нужен педиатр. Летом, милости прошу. — Положив трубку мобильного телефона, сказал: — Готовь замену, Валя, Валентинка. Тебя будет нам не хватать. Думаю, свои секреты передашь ученику? Я видел, тебе помогал серьёзный парень. Вот и учи его. Время есть. Твои курсы я оплатил. Технолога я нашёл. ... У тебя доброе сердце, а на её месте нужно собачиться. Если у Кузнецовой есть желание, помогу досрочно, как работнику горячего цеха, оформить пенсию. Есть возможность.

— У вас ангина, — сказала Валя, — я привезу шалфей.

— Ладно, Сорока, какие наши годы... Вези. А ведь ты симпатичная. Как это я раньше не разглядел. Посмотришь — ничего особенного. В тебе какая-то загадка. Не смущайся.

Валентина летела домой впереди автобуса. Заснеженные сосны, в свете фар ей казались сказочным лабиринтом. В деревенских окнах играли огоньками ёлки. Она уже привезла небольшую сосёнку и хранила в сарае. Хотела сделать братьям сюрприз. Подъезжая к улице, почувствовала тяжесть на сердце. Донеслись всхлипы пожарных машин.

Домик горел. Валя побежала по глубокому снегу. В свете фар блестели автомобили, струи воды парили на морозе. Она ошиблась. Горела баня и сарай. Соседи за ломали ветхий забор, бросали лопатами в огонь куски снега. На крыльце стояли братья и плакали.

— Где мама? — закричала Валя, предчувствуя беду.

— Мама там, — указал Толя на горящие венцы брёвен.

— Мы помылись. Тебя не дождались. Она пошла одна париться. Потом слышим, что — то стреляет. Вышли на улицу. Это шифер. — Пояснил Коля.

— Маму увезла «скорая», — говорила соседка. — Угорела. Сказали, что будет жить. Ожоги большие.

Когда всё закончилось, в домик вошёл Виктор. Умылся и сел к столу. Сидел на сундуке, как обычно сидел отец, придя с работы. Валя машинально открыла банку с капустой, стала чистить картошку. Мамин пересоленный суп вылила. Мальчишки пили вишнёвый компот и шептались. Виктор засобирался домой, но Валя остановила:

— Тебе далеко идти — на другой конец.

— Завтра... Сегодня пойдём в больницу.

Они сидели в зале — так называли большую комнату, в которой на табуретке стоял новый телевизор, который Валя купила в рассрочку. Мальчишки уснули, а они смотрели телевизор, держась за руки. Под утро Лебедева поцеловала его, положила одеяло и подушку на диван. Спohватившись, искала простыню. Попадались старые, проношенные. «Нужно было разрезать и сшить краями наружу, — подумала Лебедева. Легли на кровать. Виктор мгновенно уснул. Она думала о матери, о своей учёбе. «Пацанов на мать не бросишь. В интернат не определишь. Учиться очно. Маме поможет сестра. Устроюсь в городе в столовую. Буду работать. Придётся тётке платить».

Они проснулись одновременно. Посмотрели друг на друга. Было холодно. В окна вползал робкий свет. Изба выстудилась.

— Валя, ты не думай. Я — серьёзно. Всё хотел сказать. — Она молчала, раздражаясь на его суетные

слова. — Давай поженимся. Сегодня пойдём к маме, и я попрошу разрешения у неё...

— Наконец, — грубо сказала Валентина. — Родил. Полгода ждала, когда же ты наберёшься храбрости. На пожаре ты смелый...

— Зачем ты так? Я тебя люблю.

— Это меня? — психанула она. — Не иронизировал бы. Страшней меня в деревне только Надя — дурочка. И та смотрится актрисой. Кто такую уродину полюбит? Слепой. И тот будет щупать. У меня и щупать нечего. Стиральная доска пофигуристей, — Валя плакала, жалея себя, но припомнила слова Кодина, и успокоилась.

Виктор принёс дров, угля и затопил печь. Проснулись мальчишки, засобирались в школу. Затеяли ссору. Виктор посмотрел на них строго и покачал головой. Мальчики присмирели. Пили чай с фаршированными блинами, которые Валентина забыла, потрясённая пожаром.

В больнице их посылали то в один кабинет, то в другой. На них смотрели с выражением больничного сострадания. Пожилой и худющий, как индийский йог, врач-хирург, будто ненароком встал перед Валентиной и сказал, жуя таблетку, опуская при этом голубые глаза:

— Скончалась ваша мама. Ожоги обширные. Не совместимые с её жизнью.

Валя хотела заплакать, но не смогла. Горло тугим комом забило. Она села среди незнакомых больных на скрипящий диванчик в коридоре. Ей принесли воды, дали понюхать раствор аммиака. Она была в тумане. Иногда сознание приходило к ней, а потом всё тонуло в матово-серой глубине. Даже звуки сочились, словно через преграду.

...Валя выпила водки, придя с кладбища, и ушла на самое глубокое дно своей души, где была тягучая липкая пустота. Девочки из бригады убрали со стола, мыли посуду, накормили мальчишек, пришедших из школы. Виктор принёс два ведра угля и ушёл колоть дрова.

Равнодушно, с каким — то тупым отчаяньем, стирала, гладила. На другой день с утра начала переклеивать обои, будто важней в мире ничего не было, но вдруг обильные слёзы потекли по щекам. Она упала на диван-кровать, не сняв старых валенок. Виктор испугался, а старушка-соседка сказала, что это хорошо, но нужно обязательно сходить в церковь.

Она шла, и неудержимо плакала до самой школы. Потом увидела обмёрзшее солнце, сверкающий иней на ветках клёнов у редакции районной газеты. С проводов планировали куски кружев. Жесткое небо прогнулось над деревней серенькой сферой. Подтаявшей льдинкой висела луна. Лебедева легко вздохнула.

В церкви Валя не была, но вдруг в неё вторглась мысль, что теперь станет жить очень нужным для всех человеком. Только надо забыть о своей цели, о своих желаниях. Врачом не станет, а будет жить обыкновенно, не пытаясь никому ничего доказывать.

Сельская церковь строилась медленно. Ещё не было крыльца, ещё торчал из снега купол звонницы, но службы шли. Венчались пары и крестились нервные младенцы. Виктор и Лебедева остановились.

...Валя взяла фанерную кособокую лопату, стоящую у свежего штабеля досок, и сноровисто принялась соскребать с временных неаккуратных ступеней, снег, натоптанный равнодушными селянами.

Виктор помогал, но Лебедева строго посмотрела в его грустно-виноватые глаза и продолжала нужную ей, и другим людям работу. Вышел батюшка — молодой симпатичный в ласковой мягкой ржавенькой бородке вокруг выступающих щёк. На нём чёрное длинное платье и норковая шапка. Привычно-ловко перекрестил Лебедеву, и сунул ей к лицу руку с редкими рыжими волосками — проволочками на пальцах. Валя зачем-то приблизила свои горькие, от прошедшей скорби, губы к теплым пальцам незнакомого человека — попа.

Виктор зло выщелкнул окурок в сторону лежащего в снегу куполка будущей звонницы, и пошел жить другой жизнью, для братьев той, которая продолжала ухаживать за церковным крыльцом.

КОНКУРС

Уважаемая незнакомая читательница и внимательный читатель!

Вы можете поучаствовать в конкурсе на лучшее моё издание из тех, что Вам предложило издательство «БПП». Проголосовать за понравившуюся книгу просто: посылаете на номер телефона, сумму, эквивалентную Вашим эмоциям, которые она вызвала.

8 906 968 97 76

С уважением – Ваш современник. Это. Пока.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЕДИНОК.....	3
ВМЕСТО ЭПИЛОГА	70
КУКУШКИНЫ СЛЁЗКИ.....	73
Эскиз киносценария	73
РАСТЁРЗАННЫЕ ЖЕЛАНИЯ	101